

история/география/этнография

История Тайной канцелярии
Петровского времени

Василий Веретенников

История Тайной канцелярии Петровского времени

Василий Веретенников

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Василий Веретенников

История
Тайной канцелярии
Петровского
времени

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46
В31

*Іван Вялікі
Вітаўтас і Калі*

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

Восемнадцатый век — один из наиболее интересных и полных содержания моментов в истории России. В этот век совершился тот перелом в строе государственном (и, конечно, не только в государственном), который поставил в итоге на иной путь все дальнейшее движение русского исторического процесса. Однако до последнего времени¹ история XVIII столетия оставалась почти не разработанной даже в отдельных ее частях; и только в последние пятнадцать — двадцать лет произведено было несколько крупных исследований. Обилие материала, недостаточная его выясненность и разработанность, трудность доступа ко многим очень важным частям его — вот некоторые главнейшие причины, тормозившие у нас изучение истории.

Очередной задачей в изучении XVIII века (говорю, конечно, о задаче, доступной силам отдельного исследователя) является точное изучение частных, отдельных моментов этой истории. Стремясь по мере скромных сил своих ответить этой задаче, я

и принялся за предлагаемое исследование. Тема его ограничена; она обнимает только частный эпизод петровского царствования, но я постарался приложить все усилия, чтобы построить свое исследование на возможно тщательном изучении архивного материала.

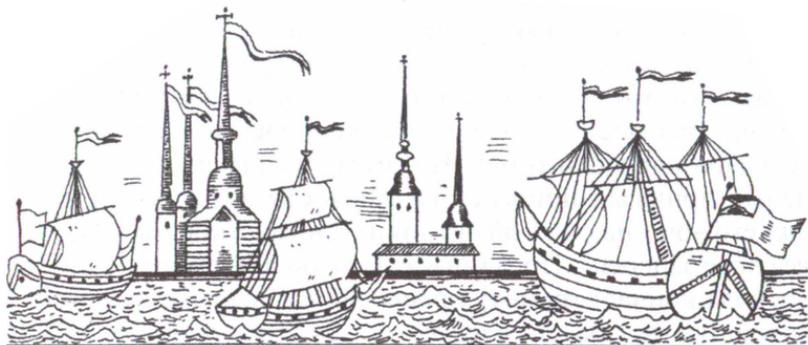
Не могу отказать себе в глубокой потребности выразить мою сердечную благодарность Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому², моему учителю, предварительной школе которого я обязан тем положительным в научном смысле, что найдется в предлагаемой работе.

В заключение позволю себе выразить мою искреннюю признательность Сергею Михайловичу Горяинову³ за его доброе, бывшее для меня столь ценным, отношение к моей работе; а также Андрею Андреевичу Привалову — за его участливое внимание и помощь в моих архивных изысканиях.

Приношу свою благодарность Эрнесту Львовичу Радлову⁴ и Николаю Дмитриевичу Чечулину⁵, радушно приютившим часть этого моего исследования на страницах «Журнала Министерства народного просвещения».

Не могу тут же не засвидетельствовать своего глубокого уважения к памяти безвременно скончавшегося Николая Павловича Павлова-Сильванского за ту поддержку и доброжелательное отношение, которое я у него неизменно встречал во время своей работы.

Глава первая К истории «слова и дела» до учреждения Тайной канцелярии

|

Выражения «слово и дело», «государево слово», «государево слово и дело», «государево дело» становятся известными, получая определенное значение в правительственной практике на Московской Руси, уже в начале XVII века. До этого времени, если не ошибаемся, указаний на эти выражения не существует, а законодательные памятники до XVII столетия совершенно не знают ничего даже близкого по значению к этим выражениям и с ними связанным процессом.

Не входит в нашу задачу углубляться в вопрос о происхождении и постепенном формировании этих выражений. Мы позволим себе начать с того момента, когда выражения эти вошли в нормальный обиход правительственной практики, то есть с начала XVII века, от какого времени до нас дошли первые дела по «слову и делу». Отнюдь не имея в виду обозреть даже главнейший к этому относящийся материал (архивный и печатный), мы стремились в этой главе на основании некоторых данных сделать те выводы, которые бы помогли нам в дальнейшем точнее и правильнее осве-

тить происхождение Тайной канцелярии Петровского времени.

Имея в виду исключительно такую цель, остановимся сначала на некоторых материалах из наиболее ранней нам известной правительственной практики по «слову и делу».

В 1621 (7130⁶) году лебедянский воевода Михнев в грамоте на имя царя Михаила Федоровича пишет, что «пришед в город в съезжую избу, голова стрелецкий казачий Еремей Толпыгин извещал, Государь, мне холопу твоему» на одного казака, что тот при наказании его батогами кричал: «пошадиде... (тут место в подлиннике испорченное) для нашего государя царя Дмитрия!» По этому извету воевода немедленно приказал привести казака в съезжую избу и спросил его «очи на очи» об его таких словах, но казак «в таком слове заперся». Посадив все-таки обвиняемого в тюрьму, воевода кончает грамоту просьбою указать, что ему делать далее. В ответ на это следует указ, которым повелевается воеводе допросить казака еще раз, собрать показания свидетелей и даже привести обвиняемого к пытке в застенок, но не пытать и все следствие прислать в Москву. Дальнейшее делопроизводство по этому делу не сохранилось. Тут, однако, мы имеем дело с изветом, форма которого, к сожалению, остается для нас неясной, но вот уже прямое точное указание и на самую форму. В 1622 (7131) году воевода города Переяславля пишет в отписке на имя царя, что «сказывал мне, холопу твоему, в съезжей избе... сын боярской... Малыгин твое государево дело на поместного казака», что «говорил он» «на беседе» «неподобное слово»; воевода «с приставом» при этой грамоте посылает в Москву и обвинителя, и обвиняемого. По получении в Москве этой отписки и колодников при ней, в Разряде⁷ думные дьяки подробно допрашивают присланных. По словам доносителя, во время ссоры на одном пиру казак сказал: «Я-де царю горло перережу!» Обвиняемый на допросе не признавался, утверждая, что он не такие слова говорил. Расспросные речи обвиняемого и обвинителя были тщательно записаны; дальнейшего делопроизводства в столбцах не имеется.

В 1625 (7134) году ростовец некто Богданов бьет челом царю, что его ростовский воевода держит в тюрьме по ого-

вору в «государеве деле». По этой челобитной в Разряде был сделан экстракт о деле Богданова, из которого видно, что ростовский откупщик Данилов «извещал» воеводу «в съезжей избе», что Богданов говорил «про государя непригожие речи»; вследствие такого доноса воевода допросил свидетелей «с очи на очи», которые и подтвердили обвинение. Тогда воевода обо всем доносит «до государева указа» в Москву, препровождая туда и все расспросные речи. В ответ на это из Москвы последовал указ: виновного, «выняв из тюрьмы», «бить по торгам кнутъем нещадно, чтобы на то смотря, иным не повадно было вперед так воровать; а, бив кнутъем, велено его посадить в тюрьму до государеву указа». Воевода, все исполнив, донес об этом в Москву.

В 1627 (7136) году черный поп Мартирий сказал за собой «государево дело», и монастырскими властями был отослан в Казань к воеводе, где в съезжей избе письменно изложил это «государево дело», то есть донес на некоего стрельца Осипка, который при многих свидетелях говорил, «что де государь... Михаил Федорович... упросил бояр сроку на семь недель огосударствовать, а выходил де государь того упрашивать у бояр на лобное место...» и «что де патриарх государю не отец». Этот извет был немедленно доведен до сведения Москвы, откуда последовало по царской грамоте повеление — всех свидетелей и обвиняемого прислать в Москву, что и было исполнено. В Москве перед боярином кн. Ив. Бор. Черкасским⁸ и думным дьяком Ф. Лихачевым⁹ были допрашиваемы все присланные воеводой по этому делу; конца этого дела не сохранилось.

В 1630 (7139) году возникло дело по обвинению кн. Дм. Пожарского¹⁰, псковского воеводы, и его товарища кн. Гагарина во многих преступлениях по службе, причем было предъявлено два обвинения в виде вопросов: «В 138 году Святогорского монастыря черный дьякон Святогорского ж монастыря на келаря в съезжей избе государево дело извещал и какое государево дело извещал?» Видимо, вина состояла в том, что воевода скрыл этот факт и не донес об этом обычным порядком, что и вызывало у следователей стремление узнать, какое это было «государево дело». Второе обвинение, предъявленное Пожарскому, формулирова-

лось так: «и князь Дмитриев человек Пожарсково во Пскове в съезжей избе кричал ли, и государево слово за собою сказывал ли, и князь Данило Гагарин, вышед из комнаты, того ж княж Дмитриева человека по щекам бил ли, и ко князю Дмитрию на двор его отсылал ли?» Таким образом, Пожарский и Гагарин обвинялись еще в том, что когда человек Пожарского сказал за собой «государево дело», то он и Гагарин старались это замять вместо того, чтобы дать делу надлежащий ход; при «обыске» так и не выясняется, что это были за «дело государево» и «слово государево».

В 1636 (7145) году воевода Судаков извещает царя из Белгорода, что когда он проезжал мимо тюрьмы, то тюремный сиделец Трошка сказал «твое государево великое слово», но какое именно, не сказал: «скажет де он на Москве». На эту воеводскую отписку последовал из Разряда указ, где написано между прочим: «...ты б тюремного сидельца Трошку... взял... к себе в съезжую избу и спросил, какое за ним наше дело, и он бы то написал своею рукою; а будет он грамоте не умеет, и ты б тому нашему делу взял у него письмо за рукою отца его духовного; а будет у него отца духовного нет, и ты б его расспросил на один, какое за ним наше дело, а что бы он Трошка про наше дело тебе скажет, и ты б то наше дело велел записать подъячему доброму; а будет Трошка про наше дело не скажет, и ты б его велел пытать, какое за ним наше дело; а что Трошка... про наше дело тебе скажет, и ты б о том к нам отписал, и расспросные, и пыточные речи прислал, а его Трошку велел бы держать в тюрьме».

Прежде всего следует заметить, что в приведенных примерах все дела по «слову и делу» в царствование Михаила Федоровича сосредоточивались в Разряде как высшей инстанции, имея своим началом «изветы» частных лиц воеводам в съезжих избах. Это дает право считать, что Разряд находился в числе учреждений, ведавших преступления «слова и дела», причем в большинстве случаев он являлся высшей инстанцией, ставящей по указам приговоры; следование же и «розыск» редко входили в сферу его деятельности. Нетрудно по изложенным примерам проследить обычный делопроизводственный порядок дел «слова и дела», когда они попадали в Разряд.

Всякое дело начинается исключительно извешением со стороны какого-либо частного лица о знании им «слова или дела государева»; извешение это делалось воеводе в приказной избе; воевода обычно снимал допрос с обвинителя, обвиняемого и свидетелей и, подвергнув, кого считал необходимым, тюремному заключению, обо всем подробно доносил в Разряд, адресуя отписку на государево имя, и просил «указа». В ответ обычно из Разряда требовали дополнительных допросных, а иногда и пыточных (то есть повелевалось воеводе обвиняемых пытать) речей, на основании которых обычно Разряд выносил приговор; впрочем, иногда первые допросные речи и колодники с ними отсылались воеводой в Разряд, где и производился окончательный «розыск», выносился и приводился в исполнение приговор; но этот порядок, видимо, встречался реже.

Ныне столбцы Разряда, хранящиеся в Московском архиве юстиции, дают даже в описаниях достаточно определенную картину деятельности Разряда. Военное дело, безусловно, составляло один из главнейших отделов ведения Разряда, но не менее существенным отделом были воеводы и все воеводское правление, которое обнимало собой в сильной степени то, что ныне относят к сфере внутреннего управления. В том числе и вся полиция, в самом широком смысле этого слова, была в руках воевод и Разряда как высшей инстанции; в силу этого, видимо, воеводы и с ними Разряд ведали дела по «слову и делу»; то есть Разряд ведал эти дела постольку, поскольку он ведал вообще полицию.

Являлся ли Разряд во время Михаила Федоровича исключительно учреждением, где только и разбирались дела «слова и дела?» Нам не удалось найти прямых данных для ответа на этот вопрос, но, кажется, в результате рассмотрения некоторых дел, относящихся к первым годам царствования Алексея Михайловича, можно с большой вероятностью ответить отрицательно.

Очевидно, что выражение «государево слово и дело» в его позднейшем значении было известно в обычной практике уже в начале двадцатых годов XVII столетия; а это заставляет сделать предположение, что образование такого выражения и всего с ним связанного должно было иметь место еще

ранее, еще, возможно, при Рюриковой династии; во всяком случае, можно утверждать, что с самого начала XVII века «слово и дело» являлось уже известным в административной практике выражением.

Таким образом, в начале XVII века уже были известны преступления, связанные с оскорблением верховной власти и стремлением к ее умалению; эти преступления раскрывались путем доносов, бывших как бы обязательными; причем эти доносы носили специальное название изветов по государевому делу или слову; такое название, быть может, обозначало отношение доноса непосредственно к особе царя. Следствие велось обычно воеводами, которые немедленно доносили обо всем ими найденном в Москву, где дела эти ведались в Разряде, а вероятно, и в других приказах, так как никакого особого учреждения для их ведения, видимо, не существовало. Позволим себе остановиться еще немного на двух характерных деталях процессов по слову и делу в первой половине XVII века, то есть в царствование Михаила Федоровича.

В делах самых ранних (см. дело 1625 года) встречаются краткие указания, что воеводы допрашивали виновных «очи на очи», или «на один»; эти беглые замечания определенно указывают, что уже в то время в правительственной практике существовало желание вести подобного рода дела скрытно, окружать их особой тайной; ответить на вопрос, чем вызывалось такое стремление, к сожалению, мы не можем за неимением данных, но можно даже думать, что так шло и через весь XVII век. Вместе с этим можно отметить, что самый процесс дел по «слову и делу» в начале XVII столетия не являлся в основных своих чертах совершенно установленным; это можно заключить косвенно из приведенной нами выше в отрывках грамоты по делу 1636 года; в этой грамоте воеводе излагается порядок, в котором он должен вести дело; значит, считали нужным излагать его подробно для отдельного случая.

С 1645 года начинается царствование Алексея Михайловича. До Уложения¹¹, в самом начале этого царствования, никаких изменений в понимании и способах преследования преступлений по «слову и делу», сравнительно с пре-

дыдущим временем, не происходит. В 1644 (7153) году тюремный сиделец в Кашине Тимошка Антипин «сказал за собой государево дело» воеводе Лазареву, который и послал этого Тимошку «к Москве в Разряд»; а слышал этот Тимошка, как сидевший с ним в тюрьме некий Хрисанко «сказал за собой государево слово». Воевода пишет, что этот Хрисанко сумасшедший, «простоумный», и сказал за собою «слово» просто «во отступленьи ума своего». В Разряде перед боярами Ив. Вас. Морозовым, Мих. Мих. Салтыковым¹² и кн. Пет. Фед. Волконским¹³ этот Тимошка ответил, что «скажет он то государево дело государю самому», когда царь вернется из похода. Однако бояре требовали, угрожая пыткой, чтобы Тимошка все рассказал им; тогда Тимошка заявил, что в Кашинской тюрьме Хрисанко ему говорил, «что за ним... есть государево великое дело, а какое... того ему Тимошке... не сказал»; тут же был назван и ряд свидетелей. Бояре все допытывались «с пристрастием», что за «государево дело» говорил за собою Хрисанко, однако Тимошка ничего не мог сказать, так как сам не знал. Тогда в Кашин был послан пристав Разряда для взятия Хрисанки с одним свидетелем и привоза их в Москву, в Разряд. По доставлении Хрисанки в Разряд, бояре его расспрашивали, какое за ним есть государево слово; Хрисанко отвечал, что болен он падучею болезнью и поэтому бывает «во исступлении ума своего» — почему его и держали в тюрьме — и никакого слова государева за ним нет. Ему сделали очную ставку с обвинителем, который продолжал давать старое показание; Хрисанко, не отвергая возможности совершения преступления, говорил только, «он того не упомнит, потому что он болен падучею болезнью». Свидетель Артюшко подтвердил, с одной стороны, показания обвинителя, что Хрисанко действительно говорил за собою государево слово («а какое... того не говорил»), но в то же время констатировал его болезненное тогдашнее состояние, однако с оговоркою, что «в целом ли уме или во исступленьи ума» сказал Хрисанко за собой слово, «того он Артюшка не ведает». Обвиняемый же стоял на том, что был болен и ничего не упомнит. Дело кончилось тем, что «по государеву указу» Хрисанке «учинено наказание в Разряде: бить батоги».

В октябре 1645 года ввечеру в Приказ Большого дворца, где сидели трое подьячих: Мотякин, Иван Прохоров да Иван Терапов — «пришел к столу старец колодник» и начал говорить непристойные слова, что, мол-де, царь Алексей Михайлович — не «прямой царевич», а рожден от сенной девушки. Услышав такие слова, Мотякин, бывший дневальным, хотел сейчас же о них известить приказного дьяка, но было уже темно, и он идти побоялся, а на следующий день «такие слова побежал известить в село Коломенское государю» и подал обо всем этом челобитную, вследствие которой «указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси про то расспросити и подлинно сыскать своим государевым боярам Борису Ивановичу Морозову¹⁴, да князю Алексею Михайловичу Львову¹⁵, да думному дьяку Григорию Львову. И того ж дни бояре про то спрашивали и сыскивали». По показанию одного из присутствовавших подьячих чернец «говорил: прямово корени был царевич князь Иван Михайлович а князь Алексей Михайлович непрямой, подменной, “знаем де мы такие подмены”!» На вопрос бояр, откуда это слышал обвиняемый, этот последний, не запираясь, говорил, что все это «явлено» ему от Андрея Критского¹⁶, а также это слышал он от жены своей и баб своего села Олексина. Бояр, видимо, очень интересовал вопрос, откуда чернец такие «затейные воровские речи» взял, и они пугали его тем, что «быть ему пытану и огнем жену». Конца этого дела мы не имеем; вероятно, он утрачен.

В 1646 году (7155) чернец Кириллова монастыря Никодим сделал извет на неких монахов, что они говорили про великого государя и про бояр «многие непристойные речи»; к сожалению, не видно, что это были за речи. «И те чернцы... в тех непристойных речах своих на Москве в Приказе сыскных дел пред боярином... пред Григорием Гавриловичем Пушкиным, да пред дьяком... Ларионовым винились... и довелись было смертные казни», но «для иноческого образа» помилованы и отосланы были в монастырь на смирение. Все это мы узнаем из грамоты царской в Кириллов монастырь от 23 января 7155 года.

В 1647 году «июля в 11 день на государеве стану в селе Коломенском в Приказе большого дворца боярину и дворец-

кому князю Алексею Михайловичу Львову да дьяку Давыду Дерябину села Коломенского приказный человек Иван Алешнев извещал, что в селе Коломенском живет крестьянин Данилов, который ведет сношения с разными таинственными людьми, которые «по него приезжают». Этого Данилова сыскали и расспрашивали, «в расспросе перед боярином... кн. Львовым да перед дьяком... Дерябиным винился, а сказал», что он с женой ведовством, шептанием и чародейством лечили людей и выгоняли из скота дьявола; были Данилов с женой спрошены «в Приказе сыскных дел перед князем Алекс. Никит. Трубецким¹⁷ да... Пушкиным¹⁸ да перед думным дьяком»; в деле был очень замешан Семен Стрешнев¹⁹, на которого указывали, как на покровителя всех этих волшебств. В результате Стрешнев обвинен в том, что «государева здоровья не остерегал и государю про таких злых ведунов не известил и сам с ними знался многие годы».

В 1648 году воевода Ив. Квашнин извещает Разряд (по Новгородскому столу) о доносе, что сказывал за собой «твое государево слово» тюремный сиделец Оська Харитонов; и воевода велел этого Оську поставить перед собой, и спрашивал у него, что это за слово; но Оська отвечать отказался, заявив, что «скажет де он то твое государево слово на Москве, кому ты, государь, укажешь». Донося обо всем этом, воевода просит указа, как ему поступать далее; дальнейшего производства этого дела в столбцах не имеется.

Подводя итог всем вышеизложенным данным за время первых лет царствования Алексея Михайловича, нетрудно видеть, что все оставалось совершенно в таком же положении, в каком оно сформировалось в предыдущее царствование. Необходимо только дополнить, что выясняется с достаточным вероятием отсутствие в первой половине XVII века каких-либо или какого-либо одного особого, исключительного или специального учреждения, ведавшего дела по «слову и делу»; несомненно, дела такого рода попадали в разные московские приказы, где и вершились. По недостатку материала трудно только понять, почему однородные дела попадали в разные учреждения; возможно, что тут действовал принцип ведения по месту и человеку, а не по

роду дела. Надо также отметить, что все приказы как будто ведали дела по «слову и делу» с одинаковой и полной компетенцией; по крайней мере, мы можем это сказать о Разряде, Приказе сыскных дел и Приказе Большого двorca — учреждениях крайне разнородных по предметам своего прямого ведения.

II

Выражения «слово и дело» и ему подобные мы не встречаем в Уложении царя Алексея Михайловича, но встречающийся во второй главе Уложения термин «извет» есть не что иное, как общее обозначение понятий, заключающихся в выражениях «слово и дело», «государево слово», «государево дело», «государево слово и дело». На это указывает, как увидим далее, практика в применении этой главы, носящей заглавие: «О государственной чести и как его государское здоровье оберегать». В первой ее статье говорится об «умышлении» на «государское здоровье» «злого дела», то есть о покушении на жизнь и здоровье государя; во второй статье речь идет об умышлении «государством завладеть и государем быть» и в конце говорится о государственной измене, которой дальше посвящены статьи с 3-й по 11-ю включительно; далее до конца идут статьи процессуального характера.

Таким образом, вторая глава рассматривает следующие роды преступлений: 1) государственную измену (ст. 3—11); 2) покушение на жизнь и здоровье государя (ст. 1); 3) покушение на власть «державы царского величества», каковое покушение понимается сообразно времени в прямом смысле, как желание «Московским государством завладеть и государем быть» (ст. 2); кроме того, сюда же вводится: 4) преступление «приходить, грабить и побивать» «самовольством скопом и заговором» «к Царскому Величеству и на Его Государевых бояр и окольничих, и на Думных и на ближних людей, и в городах, и в полках на воевод и на приказных людей (ст. 21)».

Статьями 19 и 21-й устанавливается обязанность каждого «извещать» власти об всяком «ведомом» злом умысле, за-

говоре и прочем: за неисполнение этого требования грозит смертная казнь «без всякой пощады». Этот «извет» должен быть произведен «государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси или его Государевым боярам и ближним людям, или в городах воеводам и приказным людям» (18-я ст.). Если того, на кого «извещают», налицо не оказывается, то его разыскивают, потом делают ответчику и доносителю очную ставку, и должны притом «сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинити» (ст. 16-я). Таким образом, всякое дело против преступлений такого рода должно начинаться по извету — доносу; других путей не оговорено. Этот «извет» является обязанностью каждого — за неисполнение этой обязанности грозила смертная казнь без пощады. В какие бы руки донос ни попал, закон обязывает отыскать немедленно ответчика, сделать очную ставку и произвести самое тщательное следствие; при этом, конечно, должны были применяться обычные приемы (пытки и проч.), так как не оговаривается характер «сыска», а только квалифицируется его степень: «накрепко». По окончании следствия, после получения известных результатов, сообразно им и нормам Уложения должно быть постановлено решение, «учинен указ».

Из всего этого ясно видно, что вторая глава Уложения является только фиксированием, довольно точным, в законодательном порядке того, что в практике, как мы видели, установилось довольно прочно гораздо ранее. Уложение ничего нового не внесло в формы производства дел по изветам о «слове и деле государевом» и только в самых общих чертах закрепило уже ранее существовавший в практике порядок.

Обратимся же теперь к вопросу, как фиксированные Уложением нормы действовали на деле и не внесла ли в них дальнейшая практика чего-либо нового.

В 1650 (7159) году от царя и великого князя псковскому воеводе Львову была послана грамота, в которой говорилось: «...писали к нам... ты воевода... да дьяк... что... Гришка Трясисоломин говорил про царицу нашу и великую княгиню Марию Ильиничну непристойные речи и с пыток в том винился»; «и вы б того вора Гришку Трясисоломина за его

воровские непристойные речи велели казнить: вырезать ему язык; и сослали его в Великий Новгород, с женою и с детьми»; и как это будет исполнено, «вы б о том к нам отписали, а отписку велели отдати в Посольском приказе дьякам нашим думным Михаилу Волошенинову, да Алмазу Иванову, да Андрею Немирову»

Из этой грамоты, во-первых, ясно, что на местах ведали дела по «слову и делу», пытали и допрашивали, словом, вели все следствие обычные воеводы, но о результатах сообщали в Москву, и окончательное решение, приговор, — шел уже из Москвы от царя; причем, видимо, данное дело велось в Москве через Посольский приказ.

В 1650 (7159) году костромского воеводу в приказной избе «извещал» костромитин Мишка Огарев на костромитина Калинина, что он неприлично бранил государя. Воевода «ставит перед собой» обвиняемого, ведет допрос, вызывает свидетелей; все расспросные речи, записанные, были по окончании следствия воеводою отосланы в Разряд.

В 1655 (7164) году в Разряде, в Новгородском столе получили от воеводы отписку, что в съезжей избе его словесно извещал казак на одного крестьянина, который будто кричал у кабака: «Ты-де государев слуга, а я де государев друг». Воевода допросил обвиняемого (который передавал иначе свои слова) и просит указа, что ему далее делать.

В Новгороде в 1662 году некто Рогозинский, по донесению воеводы Репнина, сказал «наши царственные дела», как выражается царская грамота Репнину о присылке этого Рогозинского для следствия в Приказ наших тайных дел.

В мае 1668 году в Пскове к воеводе были присланы монастырский старец Пахомий и псковский пушкарь Уляшко Гаврилов с обвинением их в том, что они говорили «непристойные» речи: «великого государя... и святейшего патриарха Иосафа называли ворами» и будто «веруют они во антихриста». Воевода обычным порядком повел следствие, и его результаты (в виде расспросных речей обвиняемых и свидетелей и очных ставок) отправил в Москву. Царь, выслушав эту отписку, приказал прислать обвиняемых в Москву, в Посольский приказ; «если же в этом будут упорствовать, то велеть того чернца и пушкаря сжечь». Старец Пахомий

отказался приносить покаяние, и его сожгли; причем переписка об этом вся шла через Посольский приказ. Пушкарь же Гаврилов покаялся, причастился Святых Тайн и был отправлен в Спасский монастырь; переписка об этом тоже велась Посольским приказом. Через некоторое время этот пушкарь ушел из монастыря, очутился в Новгороде; его поймали и доставили в Москву в Посольский приказ. На этом материалы дела кончаются.

В 1670 году было найдено в Москве, вероятно, какое-то подметное письмо; содержание его остается для нас неизвестным; начало дела частью утеряно, частью попорчено. Кузнец Васька, служка Иванов и человек Арт. Матвеева²⁰ Кирюшка говорили, что девка Матвеева «имана на верх, но ей царицею не бывать». «И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал боярам кузнеца Ваську и служку Ваську ж и Артамонова человека Матвеева Кирюшку... расспрашивать у пытки; а буде из них кого доведется, и пытать; и по указу великого государя бояре расспрашивали их у пытки; а Кирюшка пытан, а было ему 30 ударов». Кирюшка признался, что писал сам, без соучастников, это воровское письмо «для того: хотел от Артамона отбыть от холопства». «Бояре после того Кирюшку расспрашивали, для чего он запирается, и Кирюшка перед бояре винился»; «а после того он же Кирюшка перед великим государем и перед бояре в том запирался», «и для подлинного сыску расспрашиван перед великим государем и при боярах кузнец Васька»; его пытали, — «в том он сожжен на огне», — и говорил он «прежние свои речи». В конце этого дела говорится, что царь всех «пожаловал свободить».

Это дело, при всей беспорядочности и туманности его содержания, заслуживает некоторого внимания. Подметное письма затрагивало такую интимную вещь, как избрание царем невесты. Может быть, именно в силу такой близости к особе царя и возник особый ход всего дела: царь указал вести «розыск» не учреждению, а «боярам»; бояре допрашивали и пытали; наконец, мы видим — это самое главное, — что часть дела «следует» в присутствии самого царя: при нем допрашивают одного обвиняемого и при нем же пытаются другого «для подлинного сыску». Конечно, и приго-

вор по делу идет по указу царя. Таким образом, здесь перед нами совершенно особый порядок делопроизводства; и мы можем сделать если не вывод, то предположение, что в тех делах, которые близко затрагивали особу царя, обычный порядок производства нарушался: царь, поручая следствие дела «боярам» (возможно, по своему выбору), сам не только направлял «розыск», но и присутствовал при нем, лично исполняя роль следователя и судьи.

А обычная практика шла прежним путем. В 1677 году в Новгородском приказе расследовалось дело крестьянина Клина Ерышева, который, как утверждалось в донесении царю, «говорил про твое царское величество непристойные слова»; по царской грамоте кевроль-мезенскому воеводе велено было урезать виновному язык и бить его кнутом нещадно. Дело поднялось вновь в 1678 году по извету, что воевода языка не урезал, а только для виду велел пустить кровь из щеки виновного; конец этого дела утерян.

Мало что изменилось в расследовании дел по «слову и делу» и в правление царей Ивана и Петра, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы того времени.

В июне 1697 года, уже при единоличном царствовании Петра, монахиня Авксентия подала в Новгороде воеводе бумаги от игуменьи Тихвина-Введенского монастыря, где игуменья пишет, что эта Авксентия «сказала за собой государево слово», почему ее и отпустили в Новгород к воеводе; этот последний, Апраксин²¹, немедленно допросил монахиню: Авксентия обвиняла, со слов монаха Иосафа, монастырского архимандрита, говорившего целовальнику, приехавшему продавать табак: «Будь ты проклят, и с тем, кто указал табак продавать!», а также: «Дам попам по две деньги и велю проклинать у престола Божья того, кто повелел таким товаром торговать». Кроме того, этого архимандрита обвиняла Авксентия в несправедливости царского ангела и еще в других — просто-таки уголовных преступлениях. Воевода начинает допрашивать свидетелей и замешанных лиц, списывается с митрополичьим Новгородским приказом, который ведет допрос и делает очные ставки (до пыток нигде не доходит). После долгих допросов и переписки обвиненный архимандрит просит челобитьем на имя царя,

чтобы его взяли в Москву в Новгородский приказ: указом 7207 года было велено все дело передать в Москву и «подать в Новгородском приказе думному нашему дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву²² с товарищи».

Из этого дела мы видим, что в самом начале царствования Петра обычный порядок следствия и наказания по «по государеву слову и делу» продолжался: как и в начале XVII столетия, изветы принимают простые воеводы, они же ведут следствие, также дело затем переходит в один из московских приказов, но следов особого учреждения по такого рода делам по-прежнему не видно. Кроме того, во второй половине XVII века хотя и редко, но стал применяться особый порядок к тем делам по «слову и делу», которые почему-либо заинтересовали самого царя.

III

Начался XVIII век. Именной указ от 25 сентября 1702 года гласил: «Буде впредь на Москве и в Московский судный приказ учнут приходить каких чинов нибудь люди... и учнут за собой сказывать Государево слово или дело, — и тех людей в Московском судном приказе не расспрашивая, присылать в Преображенский приказ к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому²³. Да и в городах воеводам и приказным людям таких людей, которые начнут за собою сказывать Государево слово или дело прислать к Москве, не расспрашивая». Таким образом, старый общий для XVII века порядок производства дел по «слову и делу» был нарушен: в большинстве, изъятые из общей подсудности, дела эти были сосредоточены в ведении испытанного в своей верности слуги Петра князя Федора Ромодановского, в Преображенском приказе.

Дела этого приказа начинаются регулярно в столбцах с 1696 года. До 1702 года характер этих дел чрезвычайно однообразен; все они разбиваются на четыре категории: во-первых, «о битве», «драке», «кричании караула» между московскими обывателями, то есть дела о нарушении об-

шественной тишины и порядка на улицах и площадях Москвы; во-вторых, дела о мелких взысканиях по гражданским искам, причем обычно ответчика приводит истец; в-третьих, о нарушениях обязательных постановлений в городе, то есть пении песен в непопозволенном месте, езде там, где запрещено, оскорблениях священных мест чем-либо и т. п.; в-четвертых, дела по «слову и делу». Необходимо отметить, что преобладающее количество дел относятся к первому и третьему роду, то есть к делам полицейского характера; немного дел второго рода — дел мелкой юстиции и мелкой расправы; и чрезвычайно мало дел четвертого рода — по обвинениям по «слову и делу».

Ясной этому иллюстрацией служит тот факт, что для 1696 года из общего числа сохранившихся дел Преображенского приказа (около 605) по «слову и делу» имеются не более пяти дел. Следовательно, можно сказать с некоторой уверенностью, что в первые годы своего существования — до 1702 года — Преображенский приказ отнюдь не являлся специальным учреждением по делам о государственных преступлениях. Основная роль Преображенского приказа для Москвы была чисто полицейская: приказ был тогда, в сущности, канцелярией полицмейстерских дел Москвы.

С 1702 года положение немного изменяется, но все-таки Преображенский приказ не становится единственным учреждением для преследования государственных преступлений; указ 1702 года только вводит в ведение исключительно Преображенского приказа все дела из провинций, присылаемые по «слову и делу». В этом сказывается желание царя поручить эти дела — принявшие, возможно, в глазах Петра слишком важный характер, чтобы их можно было вести обычным порядком, — близкому и доверенному человеку. При этом, как явствует из обозрения дел Преображенского приказа, в его заведывании все еще оставалась полиция Москвы, да с того же времени хозяйственно-оружейная часть гвардии (а отчасти и всей армии) тоже все более ложилась на Преображенский приказ. Таким образом, и в 1702 году Преображенский приказ вовсе не являлся специальным учреждением по расследованию государственных преступлений. Все это в совокупности дает впечатление, что Петр, обратив

внимание на «дела государственные» и решив их поручить людям близким и надежным, в большей части поручил их Ромодановскому, начавшему вести их наряду с другими делами, новыми и старыми, в Преображенском приказе.

Такое нагромождение разнообразных дел, мало имеющих общего друг с другом, вызывало, вероятно, недоразумения, которые заставили Петра особым указом в 1722 году точнее определить, что же, собственно, подобает ведать Преображенскому приказу. В этом указе Петр пишет, «чтоб делам быть в Преображенском», во-первых, государственным, по «слову и делу»; во-вторых, «полки гвардии чтоб ведомы были по-прежнему»; в-третьих, посторонних дел... никогда не примать», а имеющиеся такие «отдать к своим местам»; но тут делается исключение для крупных разбойных дел.

Этот указ свидетельствует прежде всего о том, что и после 1702 года Преображенский приказ не является специальным по государственным преступлениям учреждением; кроме того, нельзя не обратить внимания на то, что «ведение» приказом дел по «слову и делу» выдвигается все-таки теперь на первое место, а вся мелкая полиция (может быть, и еще какие-либо к тому времени попавшие в ведомство того же приказа дела) постепенно изымаются из его ведения. Если к этому прибавить, что кн. Ив. Ромодановский²⁴ (наследовавший приказ от отца) с 1726 года приблизительно называется генерал-губернатором Московским, то есть высшим полицейско-административным лицом Москвы, то станет ясно, что Преображенский приказ в основе своей являлся главным образом полицейским учреждением, но осложненным поручением расследовать провинциальные дела по «слову и делу».

В дополнение ко всему этому и в связи с заведыванием в известном отношении гвардией в Преображенском приказе появился еще ряд дел по разным земельным и другим имущественным тяжбам, что, конечно, еще более загромодило и обесформило делопроизводство. А произошло это последнее усложнение деятельности приказа потому, что многие гвардии офицеры били приказу челом о неведении нигде их имений судом, кроме Преображенского приказа, и когда на это получали согласие (что бывало не так уж и ред-

ко), то переносили все свои тяжёлые дела из разных других учреждений в Преображенский приказ. Не о рассылке ли именно этих дел по надлежащим местам говорит Петр в указе 1722 года?

Таким образом, очевидно, что никак нельзя считать этот приказ первым в России специальным учреждением по преследованию и суждению преступлений по «слову и делу». Небезынтересно заметить, что в кабинетных делах времени Петра сохранилось за 1702—1725 годы многое из переписки с Ромодановским, и даже при беглом просмотре этой переписки становится ясно, что важнейший предмет Преображенского приказа составляют дела полков гвардии — их обмундирование, вооружение, набор и проч.

Можно сказать, что в 1702 году Петр сделал шаг по старому, уже в XVII веке намеченному пути: он поручил дела по «слову и делу» одним общим распоряжением в их огромном большинстве близкому доверенному человеку, изъяв их почти целиком из общего порядка «следования». Если у царя Алексея Михайловича побудительные причины к такого рода направлению «государственных дел» появлялись только изредка, только в некоторых отдельных случаях, то у приемника его, с борьбой и треволнениями обретшего наследственную власть, естественно, оказалось гораздо более побудительных причин обратить свое особенное внимание на эти дела, а следовательно, и направить их по тому особому руслу, которое уже было намечено для таких случаев его отцом и которое обеспечивало Петру возможность личного надзора и вмешательства, а также гарантировало в значительной степени ведение таких «важных» дел строго соответственно его воле.

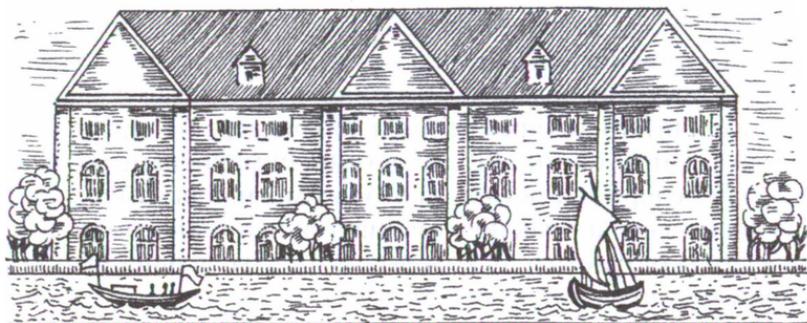
В кипучей деятельности Петра «важные» дела, входившие в которые лично царь считал необходимым, были не только дела «государственные»: дела по хищениям казенного имущества, вопиющие (вроде гагаринского²⁵) дела по всяким злоупотреблениям местных администраций тоже тревожили Петра, тоже казались ему «важными». В именном указе от 25 января 1715 года Петр объявлял: «Кто истинный христианин и верный слуга своему Государю и отечеству, тот без всякого сомнения может явно доносить словес-

но и письменно о нужных и важных делах самому Государю, или, пришед ко двору Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а именно о следующих: 1. О каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены; 2. О возмущении или бунте; 3. О похищении казны; а о прочих делах доносить, кому те дела вручены».

Но если, согласно этому указу, подобные дела попадали непосредственно к Петру, то как же, спросим, император с ними поступал далее, как же он их расследовал и решал? Кто же или что за учреждение, в какой мере и каким образом ему в этом помогали? Так возникли майорские розыскные канцелярии, к истории которых мы и обратимся в следующей главе; а в заключение настоящей главы позволим себе только отметить некоторые моменты дальнейшей истории трех пунктов указа 1715 года.

Петр, повторив в указе от 19 января 1718 года эти три пункта, требовал, «дабы о первых двух пунктах доносили по прежнему указу караульному офицеру, а он будет представлять челобитчика самому Его Царскому Величеству; а о третьем пункте» доносить Ушакову²⁶ в Москве, Кошелеву²⁷ в Петербурге. Таким образом «государственные дела», имеющие отношение к первым двум пунктам, Петр к этому времени уже выделил, придавая им особое, большее значение, чем делам, относящимся к третьему пункту. В конце того же 1718 года указом от 22 декабря Петр повелевает о делах, касающихся похищений казны, доносить фискалам и быть этим делам в ведении Коллегии юстиции.

Глава вторая
Очерк истории
майорских розыскных канцелярий
Петровского времени

Объединяющее название «майорские розыскные канцелярии» до известной степени искусственно. Перед нами ряд совершенно отдельных учреждений, носящих названия: канцелярия ведения такого-то (например, лейб-гвардии майора Дмитриева-Мамонова²⁸), канцелярия ведомства такого-то, канцелярия розыскных дел такого-то; а иногда рядом с этим, как бы личным названием постепенно образуется и применяется другое — «канцелярия ведения лейб-гвардии майора Ушакова» часто называется «канцелярия рекрутного счета», к «канцелярии ведомства Дмитриева-Мамонова» прилагается одновременно название «сибирская канцелярия». Употребление этих наименований идет беспорядочно, и часто почти рядом к одному и тому же учреждению прилагаются разные названия. Но в этом беспорядке и как бы раздельности при более близком изучении нельзя все-таки не заметить чего-то общего, дающего право на некоторое объединение всех этих канцелярий. Очевидно, что однородность этих учреждений, единство принципов, в основании их лежащих, хотя и смутно, но в то же

время определенно сознавались и создавшим их Петром, и в них работавшими людьми.

Мне удалось найти данные к истории «канцелярий ведомства» следующих лиц: кн. Алекс. Шаховского²⁹, кн. Мих. Волконского³⁰, Богд. Скорнякова-Писарева³¹, Ив. Плещеева³², кн. Вас. Вл. Долгорукова³³, Мих. Аф. Матюшкина³⁴, кн. П. М. Голицына³⁵, А. И. Ушакова, Мих. Волкова³⁶, Ив. Ил. Дмитриева-Мамонова, Гер. Ив. Кошелева, кн. Юсупова³⁷, С. Салтыкова³⁸.

Заранее оговаривая неполноту материалов, имевшихся в моем распоряжении, я взял на себя все-таки смелость составления очерка их деятельности. При этом следует знать, что основные архивные фонды частью сгорели во время пожара Московского сенатского архива в 1737 году (где погибли дела канцелярий Дмитриева-Мамонова, Юсупова и Матюшкина), частью, видимо, просто рассеялись; такое положение дела заставило пользоваться другими архивными фондами, в которых явилась возможность найти иной раз совершенно случайно туда попавшие известия о розыскных канцеляриях.

«1717 года декабря в 13 день по указу Великого Государя, правительствующий Сенат приказал: лейб-гвардии к господам офицерам, которые определены к делам: генералу-майору и подполковнику князю Голицыну, майорам: князю Салтыкову, Волкову, Дмитриеву-Мамонову, бригадиру и генеральному ревизору господину Зотову³⁹ на приказные расходы из канцелярии Сената отпустить по 50 рублей. А когда у них в канцелярии деньги будут в сборе, оные данные деньги в канцелярию Сената возвратить». Указом того же года от 17 декабря велено было Сенатом «лейб-гвардии к господам офицерам в канцелярии» отослать из военной коллегии «для караула и посылок солдат, по сколько человек надлежит».

23 декабря того же года был дан Сенатом такой указ: «По именному Великому Государю указу определены к розыскным делам господ офицеры, а именно: генерал-майор и лейб-гвардии подполковник князь Петр княж Михайлов сын Голицын; лейб-гвардии майоры: князь Григорий княж Дмитриев сын Юсупов, Семен Андреев сын Салтыков, Михайло Яковлев сын Волков, Иван сын Дмитриев-Мамонов и лейб-гвардии капитан Герасим Иванов сын Кошелев. Правительствующий Сенат приказали: о чем от них указы посылаться будут, а именно: о присылке каких чинов людей, также и дел для розыска в Санкт-Петербург и по тем указам быть послушным и отпускать, чего они требовать будут, также и на подводы прогонные деньги давать везде без задержания». Дальнейшими указами Сената того же месяца по требованиям вышеназванных господ офицеров им посылались дьяки и подьячие для ведения дел в канцеляриях.

Так, в конце 1717 года был организован ряд канцелярий для розысков под ведением господ лейб-гвардии офицеров. Однако, как увидим, не сразу и не с этого именно момента появились описываемые учреждения. Постараемся разобраться в материалах, имеющихся в нашем распоряжении, и сказать о каждой из таких канцелярий в отдельности.

1. В 1713 году Петр именным указом из Кабинета посылает от гвардии офицера Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова в Вологду для следствия о недозволенной из Архангельска продаже купецкими людьми юфти и пеньки за границу. Дмитриев-Мамонов еще был в Вологде, когда в том же году Петр за своим подписанием шлет ему второй указ: «По получении сего указу ланрихтера⁴⁰ Ивана Нахалова також против приложенной при сем именной росписи наборщиков, которые рекрут набирали, так же приказчиков и старост, сыскав, возьмите за караул; а какое до них дело, и о том немедленно будем к вам писать». В письме от 3 декабря того же года Петр, говоря о «сказках» доносителей на злоупотребления наборщиков рекрут, пишет, что посылает копии с этих «сказок» — «против которых вам розыскать и, кто приличны будут, тех пытать и розыскивать; тех наборщиков, которые явятся по розыску во взятках, возьмите сюды с со-

бой за караулом... И розыскать накрепко, и тот розыск и их Нахалова и Кузмена тогда, как вы сюда поедете, возьмите».

«В 1717 году Царского Величества именным указом повелено от лейб-гвардии майору Дмитриеву-Мамонову иметь канцелярию, в которой управлять дела по пунктам Царского Величества», «а ко оным делам в той канцелярии надлежит быть подьячим», всего тринадцать человек, с требованием которых, а также чернил, бумаги, сургучу, помещения и т. д. Дмитриев-Мамонов обращается в Сенат. И уже в январе следующего 1718 года эта канцелярия находится в полном действии.

В письме от 18 января к Петру за подписью Ив. Дмитриева-Мамонова, Ив. Лихарева⁴¹, Егора Пашкова⁴² и Ив. Бахметьева⁴³ говорится: «По данному от Вашего Величества указу повелено нам исследовать по фискальскому донесению о Евреиновых»; видимо, Ив. Дмитриев-Мамонов действует в поручаемых «розысках» не один, а коллегиально. В том же году другое донесение: «...именным Царского Величества указом повелено нам от гвардии офицерам исследовать о бытности в Сибири господина подполковника Бухалта⁴⁴»; эту бумагу подписывает один Дмитриев-Мамонов (апрель 1718 года). Дело кн. Гагарина, сибирского губернатора, тоже расследовалось канцелярией Дмитриева-Мамонова и тянулось в продолжение четырех лет, до 1721 года; лихоимство, злоупотребление властью и взяточничество — словом, преимущественно преступления «против третьего пункта» указа 1715 года были «розыскиваемы» в деле кн. Гагарина.

Таким образом, к 1718 году вокруг Дмитриева-Мамонова образуется канцелярия, во главе которой стоят несколько гвардейских офицеров, но истинным начальником которой все-таки остается Дмитриев-Мамонов, извещавший Петра в то время о передаче некоторых дел кн. Юсупову «из канцелярии врученной мне, нижайшему рабу Вашему». Иногда прибавлялось еще имя Лихарева и канцелярия получала название «канцелярии ведения лейб-гвардии майоров Дмитриева-Мамонова и Лихарева с прочими офицерами», однако название «канцелярия ведения Дмитриева-Мамонова» преобладает, и в целом ряде донесений-писем Петру с от-

четами о суммах, бывших у него по разным делам, Дмитриев-Мамонов говорит о канцелярии своего «ведения». Были случаи, когда писали без упоминания о канцелярии: например: «лейб-гвардии господам майорам Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову, Ивану Лихареву с товарищами». В 1719 году в Канцелярию тайных розыскных дел поступает дело по подметному письму о тобольских жителях — что есть среди них противники указов о немецком платье и бритье бороды. Тайная канцелярия пересылает это дело в канцелярию ведения Дмитриева-Мамонова, указав адрес: «бригадиру и лейб-гвардии майору Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову и прочим офицерам». Наконец, сохранилось «определение» Тайной канцелярии, датированное январем 1724 года, за подписью Ушакова о некоем Козмине, сказавшем ложно «слово и дело», — его решено отослать «в канцелярию ведения генерала-майора господина Дмитриева-Мамонова.

Следы существования этой канцелярии последний раз попадают в 1725 году, откуда, конечно, не следует заключать об ее уничтожении в это время; однако в 1737 году дела ее уже находились в Сенатском московском архиве и все сгорели во время пожара, бывшего в этом году в Москве. К этому времени они уже достигли больших размеров и были переплетены в 191 книгу.

Таким образом, поручив майору от гвардии Дмитриеву-Мамонову несколько розыскных дел, Петр снабжает его как доверенное лицо большими полномочиями: «кто приличны будут» к делу — «пытать и розыскивать», и «розыскивать накрепко». Затем следует ряд поручений, и у Дмитриева-Мамонова появляется ряд помощников-офицеров; эти офицеры становятся его «товарищами», и образуется «канцелярия», которая иногда называется и по их именам, но вместе с тем всегда фигурирует Ив. Дмитриев-Мамонов: он один ведет переписку с Петром; он один иногда подписывается за всех; дела часто адресуются только на его имя — в письме к нему от 12 августа 1721 года Макаров⁴⁵, передавая ему донесение Нестерова⁴⁶ о злоупотреблениях дьяков в Москве, пишет: «...и оное доношение указал Его Царское Величество для решения отослать к вам». Все это

производит впечатление, что нечто похожее на коллегиальное начало существовало в канцелярии между Мамоновым и его товарищами, но Мамонов все-таки был главой, первоприсутствующим этой коллегии; причем едва ли были строго намечены границы единоличного и коллегиального решений; да и сама коллегия была в составе своем неустойчива, случайна: в нее, видимо, входили разные «штаб-и обер-офицеры». Ушаков в одном письме к кн. Михаилу Голицыну⁴⁷, сообщая о неимении у него указаний царских о том, как судить в некоторых случаях, писал: «...уповаю я, что такие указы имеются в канцелярии ведомства генерала-майора Дмитрева-Мамонова, ибо когда мы во оной канцелярии с прочими лейб-гвардии штаб- и обер-офицерами обще слушали дела, упоминались такие указы».

Мы видели, что сферу деятельности этой коллегиальной канцелярии определить можно словом «розыск»; точнее — «производство розысков» — следований по делам, поручаемым по мере надобности самим Петром; входя во всё ближайшим образом, император следил за делами канцелярии, о чем ясно свидетельствуют письма Мамонова непосредственно к Петру по разным, часто мелким, делам и дошедший до нас ряд именных указов Петра по делу Гагарина, данных по канцелярии Мамонова. Иногда государь и сам бывал в канцелярии, так как имеется «Указ Великого Государя из канцелярии» ведения Дмитриева-Мамонова. Но если «розыскивание» и «следование» являлись главным делом канцелярии, то полномочия ее в решении и направлении дел были до чрезвычайности шатки, завися, видимо, от каждого конкретного случая, от каждого данного «поручения»; по крайней мере, отсылая одно дело (о злоупотреблении московских дьяков) Мамонову «для решения», Макаров пишет: «...ежели же о том решения учинить собой не можете, и по тому вам доложить Его Царскому Величеству». Как будто сам Мамонов должен решать в каждом случае, может ли он обойтись без государевой воли или нет.

Как мы уже видели, прямые указы Петра определяли задачи канцелярии в каждом конкретном случае; словом, действовало в чистом виде «поручение», иногда даже даваемое через третье лицо. Как давались эти поручения и в какие

рамки обычно ставили деятельность канцелярии, видно из следующего документа. В канцелярии в 1718 году расследовалось большое дело по разным доносам бывшего фискала Санина: попало оно в канцелярию Мамонова после письма Бутурлина⁴⁸: «Благородный господин майор и господа капитан Лихарев, капитан поручик Пашков, поручик Бахметев! Прошедшего мая в 28-й день Царское Величество, слушав доносительных пунктов бывшего фискала Санина, который ныне у вас, указал по именному своему Великому Государю указу по оным пунктам о некоторых делах исследовать и розыскать... А о каких делах следовать и розыскивать, тому при сем прилагается реестр. Слуга ваш Иван Бутурлин» (16 июня 1718 года). Мы видели выше, что и кабинет-секретарь Макаров по именным указам передавал подобными письмами Дмитриеву-Мамонову разные дела; мы видели, что это делалось и прямыми указами императора; других путей, по-видимому, не бывало: личное поручение императора — единственный использовавшийся путь.

Вот еще письмо Бутурлина к «благородному господину майору Дмитриеву-Мамонову гвардии Семеновского полку с товарищи»: «Благородный господин майор и господа капитан Лихарев, капитан поручик Пашков, поручик Бахметев! Бывший Ярославец купецкий человек Иван Рукавин, который сидел в канцелярии по поручке в подрядном деле у полковника Кошелева и от него отдан бить сваи за вину свою, и оный сказал за собою государево слово и подал мне письма доводные, а те ему письма отдал бывший фискал Санин; и оный Санин по тем письмам взят с каторжного двора; и сего дня по именному Царского Величества указу к тебе в канцелярию отсылаю с теми его письмами, изволь его расспросить обстоятельно и по тому делу следовать; и будет по расспросным его речам, кто какого чина ни есть, — духовных и мирских, — доведутся, взять к тому делу здесь в Петербурге или из иных городов, также и из деревень, изволь посылать и брать; а что в том деле будет являться, изволь доносить Его Величеству; да по Его же Царского Величества указу посылаю к тебе упомянутого Рукавина, изволь приказать его держать с колодниками до указу; из-

воль твоё благородие с товарищами по сему чинить» (8 апреля 1718 года).

Когда дело поступало в канцелярию и были, откуда следовало, присланы обвиняемые, то обычно бывал им распрос: «...Перед майором Иваном Ильичем Дмитриевым-Мамоновым с товарищами присланный с каторжного двора Иван Рукавин расспрошен, а в расспросе сказал»... И далее идут показания обвиняемого, обычно скрепленные его подписью. За этим зачастую следуют пытки и запись пыточных речей. Когда такого рода материал собирался, происходило в канцелярии перед майором и ассессорами чтение всех показаний, и в результате часто следовали распоряжения в целях дальнейшего следствия: «...По указу великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича... лейб-гвардии майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, капитан Иван Михайлович Лихарев, капитан-поручик Егор Иванович Пашков, поручик Иван Иванович Бахметев, слушав расспросные речи Ефима Санина... приговорили: дела... взять в Санкт-Петербург и о взятии тех дел к господину майору Ушакову писать; а которые люди по тем делам надлежат, тех допросить». Такие приговоры обычно подписывали ассессоры с Дмитриевым-Мамоновым, но не всегда в одинаковом числе; по-видимому, не было установленного числа подписей: «слушали и приговаривали», смотря по обстоятельствам, все или только некоторые из «присутствующих господ офицеров». Делались приговоры «по указу» государя, вероятно, не фиктивному; часто можно встретить, что «расспросные речи» докладывались императору, а он, «слушав доносительных пунктов», «указал». Повеления Петра обычно заносились в указную книгу канцелярии в таком виде: «...1718 года, июля в 3 день по указу Великого Государя и Царя и Вел. Кн. Петра Алексеевича... л.-гв. майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, капитан Иван Михайлович Лихарев, капитан-поручик Егор Иванович Пашков, поручик Иван Иванович Бахметев приказали Его Великого Государя указ в канцелярии их ведомства записать в книгу, что по именному Его Царского Величества изустного указу велено послать от гвардии поручика Аврама Шамордина⁴⁹

в Сибирь» и т. д. Ниже идут подписи всех в начале помянутых офицеров.

«Изустные» указы императора встречаются довольно часто; они, видимо, делаются или при появлениях Петра в канцелярии, или при докладе выписок Мамонов выслушивает их от царя лично; так, в одном письме к Макарову Мамонов говорит, что «вчерашнего дня в военной коллегии докладывал я Царскому Величеству». Иногда эти указы касаются самых мелочей: например, Шамордин присылает из Сибири множество, часто мелких, вопросов, как ему вести следствие, и все они докладываются Петру, который или давал «изустные» указы, или иногда писал резолюции прямо на докладных выписках. Изредка указы передавались и третьими лицами, например: «...1721 года ноября 25 дня в канцелярии ведения бригадиров и лейб-гв. майоров Дмитриева-Мамонова и Лихарева с прочими офицеры Его Императорского Величества денщик Василий Петров сын Пospelов⁵⁰ объявил словесно Его Императорского Величества указ: что Е. И. В. указал по именному своему словесному указу князя Матвея Гагарина с виселицы из петли сняв, и сделав железную цепь, поднять на той цепи на той же виселице, где он ныне был. И сей Его Императорского Величества именной указ лейб-гвардии майор господин Дмитриев-Мамонов приказал в канцелярии ведомства своего записать в книгу».

Таким образом постоянно, в разных стадиях дела Петр вмешивался и сам направлял его ход властной рукою. Несмотря на это, в общих чертах ход дела всегда оставался неизменным. Когда кончался собственно розыск, когда были произведены в надлежащем присутствии все расспросы и очные ставки, тогда составлялись обычно докладные выписки, которые и подносились царю. Мы уже приводили выдержку из письма Макарова к Мамонову, где дело посылалось на решение, но говорилось, что если Дмитриев-Мамонов не «может» решить, то пусть доложит императору. Из этого видно, что иногда канцелярия могла сама вершить дело своим приговором, а иногда за это не бралась. Приводился ли приговор в исполнение в первом случае без утверждения Петра? Прямого ответа на это найти не удалось, но

раз император порой входил даже в мелочи, то трудно допустить, чтобы приговоры приводились в исполнение без его санкции, хотя бы и примитивной по форме.

В заключение заметим, что канцелярия сносилась с коллегиями — «промемориями», а с Сенатом и Кабинетом — «доношениями»; в ее распоряжении были денежные суммы, конфискуемые имущества; и, наконец, под ее ведением содержались колодники, «принятые» по делам. Таковы основные черты деятельности канцелярии Мамонов. К сожалению, до нас дошло мало сведений о составе собственно канцелярии, то есть о количестве дьяков и подьячих; мы знаем только, что в марте 1718 года в канцелярии было всего 13 подьячих.

Направление деятельности канцелярии Мамонова, как мы уже заметили, каждый раз определялось тем или иным поручением, хотя «розыскные» дела составляли основной предмет ее ведения: таковы дела в Вологде, таково дело сибирского губернатора кн. Гагарина, наконец, повелено было указом за собственноручною подписью Петра «лейб-гвардии майорам Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову, Ивану Михайловичу Лихареву с прочими офицеры исследовать дела по фискальским доношениям». Таким образом, видимо, сферой деятельности канцелярии служили дела «против третьего пункта», или «интересные», как они тогда именовались, — то есть дела, касающиеся нанесения ущерба государственной казне.

В реестре вершенных дел Тайной канцелярии за 1719 год есть следующая запись: «...отпуск Указа из Канцелярии Тайных Розыскных Дел в канцелярию ведомства господина бригадира и гвардии майора Дмитриева-Мамонова»; речь идет об указе по делу Семена Выморкова. Из канцелярии полицмейстерских дел был прислан в Тайную канцелярию подьячий якутский Выморков, сказавший за собой «слово и дело». Но при расспросе его оказалось, что он подал «по сибирской губернии о похищении... государевой казны»; в результате этого «великий государь указал» подьячего Выморкова «послать» в канцелярию Дмитриева-Мамонова — «для того», говорится далее в том же указе, что «по сибирским делам следует в той канцелярии». Вчитыва-

ясь в эту мотивировку, нетрудно заметить, что канцелярия Дмитриева-Мамонова начинает приобретать хотя и смутный, но несомненный район ведения — это были «сибирские дела» «против казенного интереса».

При дальнейшем расследовании Выморков заявил «о слове государеве, о котором в помянутой канцелярии следовать не возможно», почему опять дело о Выморкове «великий государь... указал... отослать в Канцелярию Тайных Розыскных Дел». Таким образом, дела «против первых двух пунктов» как бы выгораживаются из ведения канцелярии Мамонова. Впрочем, какое-то отношение к ним она время от времени все-таки имела. Например, она рассматривала дело об «измене» в 1724 году, о чем сохранилась запись.

2. В 1715 году Макаров по повелению Петра препровождает полковнику Кошелеву подьячего, доносителя на злоупотребления по рекрутским наборам, «для надлежащего против донесения исследования». В 1716 году 27 января Петр дает указ Кошелеву и дьяку Воронову «принять вам дела Курбатова⁵¹ с Соловьевым⁵² и разыскивать самой правдой, и, когда то все исследовано будет, о том к нам писать и без указа тех дел не вершить».

9 декабря 1717 года Петр указом передал в канцелярию Кошелева ряд дел «по донесению фискальскому», требуя честно вести следствие. Указ этот заканчивается так: «...о врученных делах прежде не доносить, пока все розыскано будет и на всякой пункт преступления подписан будет приговор, чему кто будет достоин; тогда доносить, а самому без доклада никаких дел не кончать и экзекуций не чинить; и понеже устава земского полного и порядочного не имеем, того ради всяких чинов людей, какого б чину ни был, судить по правам воинским... К сему розыску в ассессоры также приказных людей, сколько надобно, брать...»

Так вокруг Кошелева образуется канцелярия; она явилась благодаря поручению Петром Кошелеву важного следствия, для выполнения которого и повелено было брать, сколько надобно, приказных людей. Впрочем, прием ассессоров находился под строгим контролем самого императора — ассессоры назначались им самим. Когда Кошелеву были вручены

дела Курбатова и Соловьева по злоупотреблениям в Архангельске, то Кошелев посылает императору следующий мемориал:

«Всемиловейший Государь! Доношу Вашему Величеству: именованным Вашего Царского Величества указом прошедшего 717 году декабря в 9-й день по данному мне реестру от Вашего Величества определен я сверх старых на меня положенных многих подрядных и других дел к розыскным делам, а именно к делам Курбатова с Соловьевым и на других... по доношениям фискальским больше ста дел; и к тем делам дано мне помощников: два подпоручика Преображенского полка Языков да Семеновского полку Иванов; и из тех дел многие дела по следованию нашему пришли к розыску, а иные и к окончанию; и оных дел мне с вышеписанными моими помощниками одному к решению в доклад Вашему Величеству привести не можно, понеже есть многие важные дела. Прошу Вашего Величества Государя, дабы повелено было сообщить меня к слушанию моих дел для подписания сентенцы или приговоров с офицеры Преображенского и Семеновского полков, которые определены к таким же делам к генералу-майору Голицыну и тех полков к майорам Юсупову и Салтыкову и Дмитриеву-Мамонову с офицеры... а у вышеписанных офицеров по данному Вашему Величеству реестру дел перед моими — малое число».

По этому мемориалу Петру докладывал Ушаков, который и извещает Кошелева письмом, что Петр ходатайство отклонил, но пожелал, чтобы Кошелев, как только это будет возможно, сам привез ему выписки. Этот мемориал и ответ на него хорошо характеризуют, между прочим, ту близость и своеобразие отношений, которые установились между Петром и канцелярией Кошелева. Так именно дело и шло: выписки о расследовании представлялись царю; он делал по поводу них замечания и резолюции, которые вносились в указную книгу; канцелярия по ним чинила исполнение и потом опять представляла «выписки»; причем, видимо, ассессоры Языков и Иванов иногда самостоятельно их докладывали.

Часто подавались Петру и реестры по производящимся делам с вопросами, которые царь разрешал своими указами.

15 марта 1719 года следует указ о передаче всех дел, ведавшихся «в розыскной канцелярии, которая под ведением... Кошелева... в канцелярию, которая под ведением П. М. Голицына», и Кошелев письмом извещает об этом Голицына. Так закончила свое существование канцелярия Кошелева.

Предметы ее ведения определялись царскими указами в каждом конкретном случае; однако из рассмотрения реестра дел, сделанного при сдаче делопроизводства кн. Голицыну, видно, что дела «против» третьего пункта указа 1715 года, то есть о похищении казенного интереса, являлись почти единственными делами ведения кошелевской канцелярии, нередко именуемой «канцелярией розыскных дел».

Личный состав приказных людей в 1718 году в канцелярии Кошелева состоял из одного дьяка (Иван Васильев), трех старых подьячих, семи средних, трех молодых подьячих; да кроме этих, постоянных как бы, были два средних и два молодых подьячих из Санкт-Петербургской губернской канцелярии и из Старой Русы. Значит, всего дьяков и подьячих было в канцелярии восемнадцать человек.

3. В книге сенатских дел, посвященной сношениям Сената с образованными в 1717 году майорскими розыскными канцеляриями, среди этих последних упоминается канцелярия князя Юсупова; это дает возможность с вероятностью приурочить образование канцелярии Юсупова к тому же 1717 году; во всяком случае, до нас дошло делопроизводство этой канцелярии по «бахмутскому делу», которое ею начато следованием в 1717 году. Это большое дело, тянувшееся следованием до 1721 года, возникло по донесениям капитана Бахмутского батальона Чирикова о кражах при фуражировке полка в бытность его в Малороссии в 1713 и 1714 годах. К следствию был привлечен громадный материал в виде отчетности и разных оправдательных документов, видимо усердно изучавшихся в канцелярии Юсупова; кроме того, в канцелярии допрашивались свидетели и обвиняемые, а в случае нужды посылались на места от канцелярии сержанты.

Среди материалов этого дела попадают прямые указы Петра, свидетельствующие, что царь сам наблюдал за про-

изводством следствия. Время от времени результаты следствия в виде выписок предлагались для приговора коллегии канцелярии Юсупова, которая и принимала решение. Ассессорами канцелярии Юсупова были Украинцев, капитан Федор Скорняков-Писарев и поручик Бибиков⁵³. Однако необходимо отметить следующий факт: в делах, расследовавшихся в канцелярии Юсупова, находим два приговора, под которыми подписи Юсупова, Украинцева и Бибикова, то есть офицеров, принадлежащих к постоянному составу канцелярии Юсупова, стоят в самом конце после подписей Волкова, Дмитриева-Мамонова, Ушакова, Салтыкова, Пашкова, Голенищева-Кутузова, Бахметьева, Языкова, Иванова. В 1719 году состоялся такой же по форме «приговор» за подписью тоже целого ряда гвардии штаб- и обер-офицеров (около 16 лиц), и между ними были Ушаков, Дмитриев-Мамонов, Салтыков, кн. П. Голицын, и опять в самом конце подписался Юсупов. Таким образом, кроме постоянной коллегии, стоявшей во главе канцелярии и чинившей приговоры, в некоторых случаях (вероятно, более важных) для слушания дел призывались другие штаб- и обер-офицеры, которые тоже находились «у розыскных дел» и имели свои розыскные канцелярии (как Салтыков, Ушаков; Дмитриев-Мамонов, Волков) или являлись постоянными «ассессорами» какой-либо другой из канцелярий (как Пашков, Языков, Иванов, Голенищев-Кутузов и пр.).

В ноябре 1718 года полковник Кошелев был послан Петром для «нужнейших дел», и на время его отсутствия Петр указал дела его розыскной канцелярии ведать и следовать «лейб-гвардии Преображенского полку господину майору Юсупову». Но участие Юсупова в делах этой канцелярии замечается слабо.

В 1719 году «декабря в 5 день лейб-гвардии майор и Его Царского Величества генерал-адъютант господин Румянцев⁵⁴ объявил, что Царское Величество указал именным своим указом канцелярию, которая была под ведением генерала майора и лейб-гвардии оборшт-вахт-мейстера Михаила Афанасьевича Матюшкина ведать ныне господину бригадиру и лейб-гвардии оборшт-вахт-мейстеру господину князю Юсупову». Но видимо, это заведование продол-

жалось недолго, ибо уже в сентябре 1720 года идут указы за подписью Матюшкина, хотя имеется и несколько решений за подписью Юсупова и несколько реестров по делам, представленным им царю. 5 февраля 1720 года в Тайную канцелярию было прислано донесение из «канцелярии ведения бригадира и лейб-гвардии майора господина князя Юсупова», в котором говорится, что дела, которые следовал в Киеве капитан Головкин, «об излишних сборах» и о притеснениях жителей, «именным его царского величества указом приняты в канцелярию нашего ведения». В ноябре 1720 года Макаров письмом требует сведений от князя Юсупова по «канцелярии ведения вашего», а в 1722 году был указ с распоряжением о деньгах, имевшихся по канцелярии Юсупова; упоминание о канцелярии кн. Юсупова встречаем еще в 1723 году.

Количеством дьяков и подьячих канцелярия Юсупова немного отличалась от других розыскных канцелярий: в 1718 году количество приказных людей, в ней бывших, колебалась в пределах 13–16 подьячих всех трех статей.

4. Письмом Сенату от 12 декабря 1717 года кн. П. М. Голицын объявляет, что царским указом от 9 декабря того же года за собственноручным подписанием Петра «повелено нам о делах, о которых при оном указе объявлено, следовать и розыскивать», ввиду чего Голицын требует от Сената определить подьячих для этих дел и их «прислать к нам в канцелярию». Существовала ли канцелярия Голицына ранее, этого мы, к сожалению, установить не можем. В реестре врученных ему в то время дел помечены следующие пять лиц, о взятках и превышении власти которых «должен был следовать» Голицын: «1) московский губернатор Нарышкин⁵⁵; 2) вице-губернатор князь Путятин⁵⁶; 3) Александр Кикин⁵⁷; 4) светлейший князь; 5) Яков и Василий Корсаковы⁵⁸». Почти все дело Корсаковых, начатое по донесению фискала Поповцева, дошло до нас; тянулось оно до 1721 года, когда «следование» по нему канцелярии Голицына обрывается. Из сохранившихся материалов видно, что обвиняемые и свидетели по делу допрашивались и давали объяснения обычно в присутствии ассессоров-офицеров

канцелярии, которые во главе с Голицыным «по указу великого государя» «приказывали» о дальнейших шагах следствия или, «слушав сей выписки», «приговаривали»; каждое из таких определений канцелярии подписывалось Голицыным и ассессорами.

В апреле 1718 года канцелярия Голицына принимает некоторое участие в следствии по делу царевича Алексея и его сообщников. Мы имеем «определение» Тайной канцелярии с упоминанием поручика Козлова, который назван ассессором голицынской канцелярии.

В 1719 году 15 марта Петр велел передать все дела, вевдавшиеся «в розыскной канцелярии, которая под ведением Кошелева... Петру Михайловичу Голицыну»; об этом Кошелев особым письмом извещает Голицына. По реестру передачи видно, что к Голицыну попадали дела по взяткам, кражам казенного имущества и т. п., то есть по третьему пункту указа от 1715 года. Но уже 4 мая того же года Голицын все эти дела передает Матюшкину при следующем письме: «Государь мой Михайла Афанасьевич! Прошедшего марта 24-го дня сего 1719 года полковник господин Кошелев письменно мне предложил, что того ж марта 15-го дня Царское Величество именным своим государевым указом указал: розыскные дела, которые в его ведомстве были для исследования, отдать в канцелярию ведомства нашего; при котором письме тем делам и реестр прислан; а прошедшего апреля 10-го дня Его ж Величество, слушав упомянутого реестра, указал по именному своему государеву указу тем делам в ведении быть у вас, и о чем и вы Его Величества именной указ имеете; и того ради для известия вам оным делам подлинный упомянутый присланный реестр и письмо полковника Кошелева при сем к вам посылаю. Слуга Ваш кн. П. Голицын».

Можно заключить, что канцелярия князя П. М. Голицына ведала, во-первых и преимущественно, — дела «интересные», то есть по третьему пункту, и лишь во-вторых — дела по первым двум пунктам (дело сообщников царевича Алексея) указа от 1715 года. Во главе учреждения стоял, видимо, сам кн. Голицын — с ним переписывается Макаров по делам канцелярии. Кроме Голицына, в канцелярии бы-

ли «присутствующие гвардии обер-офицеры». У Голицына также были «товарищи», офицеры гвардии, которые присутствовали с ним в канцелярии, были «ассессорами», участвовали в решении дел и иногда даже именовали голицынскую канцелярию — канцелярией своего ведения. Однако личным докладчиком царя был почти исключительно сам Голицын. Он же вел переписку с Петром по делам канцелярии.

Сведений о составе приказных людей канцелярии удалось найти мало: в 1718 году в канцелярии числилось три старых подьячих, четыре — средней статьи и пять молодых подьячих, то есть всего двенадцать подьячих.

5. Сведения о канцелярии ведения Михаила Волкова скудны. Можно предположить, что она образовалась тоже в декабре 1717 года.

В сентябре 1720 года на имя Макарова Волков пишет: «Государь мой Алексей Васильевич! В Канцелярии ведения моего обвинен Елизар Петров в пяти тысячах осьмистах рублях; а с оного взято малое число и держан в канцелярии моей за те деньги жестоко, а взять с него нечего»; далее он просит Макарова написать в Камер-коллегию о приеме арестованного заграничного вина у этого Елизара Петрова, поскольку письмам его, Волкова, там не внимают.

Сохранился большой лист с заголовком: «В канцелярии ведения бригадира и лейб-гвардии майора и господина Волкова приказных людей, которые взяты из разных канцелярий и из губерний»; далее идет именной их список. Этот список тоже следует отнести к 1720 году. В это время в канцелярии Волкова было по крайней мере тринадцать приказных людей; канцелярия занималась, видимо, какой-то деятельностью по соблюдению казенных интересов, то есть «розысками против третьего пункта». К сожалению, более подробных известий о ней найти не удалось.

6. Канцелярия майора Сем. Салтыкова начала свое существование, вероятно, в 1717 году; в этом году в канцелярии уже числилось восемнадцать подьячих; тогда же Салтыковым расследовалось дело «по донесению дьяка Чашникова на

вице-губернатора Колычева⁵⁹, что во всей Азовской губернии у плательщиков данные им отписи избирает, и о других интересных делах». Дело это Салтыкову было передано из канцелярии Сената по сенатскому приговору. В оставшихся от этого следствия бумагах очень мало видно следов действий самой канцелярии. Всякие ее решения и приговоры, видимо, носили коллегиальный характер и обличались в следующую форму: «...1717 сентября в 12 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... лейб-гвардии майор Салтыков, капитан Панин, капитан-поручик Голенищев-Кутузов, слушав вышеписанного доношения, приказали учинить...» Панин и Голенищев-Кутузов были, очевидно, ассессорами канцелярии. В 1720 году по указу Петра канцелярия Салтыкова препровождает в Ревизион-коллегию все свои дела, «вершенные и невершенные», касающиеся государственного интереса; из реестра видно, что в это время таких дел находилось у Салтыкова в канцелярии более десяти (донесения Нестерова на гр. Апраксина⁶⁰, дело вице-губернатора Колычева, дела по донесению ландрихтера Григорьева и проч.).

Канцелярия Салтыкова упоминается в 1724 году в черновой «промемории из Канцелярии Тайных Розыскных Дел». В конце промемории написано: «...по Его Императорскому Величеству указу и по определению Канцелярии Тайных Розыскных Дел о господине генерале адмирале графе Апраксине, о Степане Колычеве, что оные брали некоторые из пожитков бывших полковника Перекрестова вещи... и на докладной выписке Его Величество изволил подписать так: выслушать в Сенате, и приговор учиня, прислать для конфирмации к Его Величеству...» Речь идет о расхищении конфискованных имений полковника Перекрестова, в чем принимал участие Апраксин; по-видимому, не был тут безгрешен и светлейший князь Меншиков. По этому делу позже Тайная канцелярия пишет донесение в Сенат, спрашивая «указного решения», ибо дело было уже «исследовано» «в Канцелярии генерала майора Салтыкова» и сделана резолюция царя.

Во главе канцелярии стоял Салтыков, но не один, а, как и в других канцеляриях, «с прочими офицерами». Недоста-

ток сведений, к сожалению, заставляет ограничиться только этими штрихами в наброске канцелярии Салтыкова.

Таковы сведения, которые удалось получить о деятельности канцелярий офицеров, имена которых были упомянуты в указах Сената в декабре 1717 года. Есть основание полагать, что, во-первых, в этих указах Петр хотя бы и частными случаями, однако определенно констатирует рождение нового учреждения: ряда однородных канцелярий, устроенных для розыскных дел и находящихся «под ведением» различных близких ему людей — гвардии офицеров; а во-вторых — всякая иная того времени канцелярия «ведения» от гвардии офицеров, не упомянутых в указах 1717 года, и притом занятая розыскными делами, заставляет подозревать в себе учреждение, подобное вышеописанному. Изучение таких, не упомянутых в указах 1717 года, канцелярий дает возможность точно выяснить, насколько верно это предположение. К такому изучению мы теперь и обратимся.

II

1. 25 июля 1713 года Петр дает следующий указ майору князю Волконскому: «...ехать ему к городу Архангельскому и, приехав туда, против данного ему экстракта... розыскать... и, буде дойдет кто до пытки, и пытаться; и как розыскан будет, тогда то розыскное дело и тех, которые... виноваты будут, взять с собой привезти к нам в Санкт-Петербург». Волконский едет в Архангельск и ведет порученный ему розыск по «интересному» делу Курбатова с Соловьевым; в этом деле имеем такую запись: «...1715 года февраля... на Вологде в канцелярии розыскных дел от гвардии перед майором князем Михайлом Ивановичем Волконским подьячий Ив. Борисов сказал...» И далее в деле постоянно выражение: «канцелярия розыскных дел». Ясно, что Петр вручил Волконскому важное розыскное дело и, выполняя это поручение. Волконский образовал вокруг себя целую розыскную канцелярию.

Весь этот розыск велся при непосредственном участии царя. Волконский в ряде больших писем доносил, в мелочах, о ходе следствия и на все получал ответы и подробные указания Петра, часто в своеручных его письмах. Но уже в конце 1715 года Петр узнает о преступлениях Волконского по этому розыску, и в январе 1716 года розыск передается полковнику Кошелеву. Таким образом, канцелярия Волконского только начала свою деятельность, только образовалась, как прекратила свое существование.

2. 9 мая 1714 года был дан Петром «указ майору от лейб-гвардии господину Ушакову: розыскивать по челобитной, которую подал нам артиллерии фурьер Семен Кузнецов и для того розыску взять отсель с собою тех, на которых тот извет был, и ежели еще в том деле явятся письма, и тех брать и розыскивать... ежели явятся... дела сим подобные... розыскивать же». Другой документ: «...в прошлом 1715 году по именному Царскому Величеству указу велено по ратушским делам, которые иманы в Санкт-Петербург по донесению фискала Михаила Андреева, следовать в Москве от лейб-гвардии майору Ушакову». А в деле об этом ратушском розыске находим следующую заметку: «...а ко управлению оных дел взять часть приказных людей из ближней канцелярии, о чем на доношении упомянутого фискала подписано собственною Его Царскою Величества рукою». Так, видимо, начала составляться канцелярия при А. И. Ушакове; к 1715 году она уже существовала: в нее был взят тогда один человек.

В 1718 году указом от 19 января повелено «о третьем пункте, о похищении казны, пока Его Царское Величество будет в Москве, подавали б майору от гвардии Ушакову». И когда «бывшие подьячие доносители Тимофей да Иван Поповы Его Царскому Величеству в Преображенском во время божественной литургии подали донесение, в котором написали о похищении в Нижегородской губернии денежной казны и об утаенных от переписчиков крестьянских дворах и о другом тому же подобном», то их били кнутом и отослали в Преображенский приказ — за то, что подали донос не Ушакову, как по указу следовало, а самому Петру.

До нас дошла тетрадка из нескольких листов писчей бумаги, в заголовке которой стоит следующее: «В канцелярии ведомства генерала майора и лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова выписано», и далее идут в кратком изложении указы, этой канцелярией полученные: здесь много указов по рекрутским делам, затем идут дела по корабельному строению (доставка леса и рабочих, надзор и проч.), которые также входили в компетенцию канцелярии Ушакова. Вот образчик такого указа от 15 июня 1720 года: «На поданное его господина генерала майора донесение, по которому требуется для достройки кораблей с Олонецкого уезду и из других городов плотников 300 человек, велено требовать указа из камор-коллегии». Кроме того, тут же встречаются, например, такие указы, как от 13 сентября 1718 года: «О бытии из царедворцев стольнику Ивану Дурному по прежнему в канцелярии ведомства его господина, генерала майора у дел, и о высылке в Санкт-Петербург для смотра царедворцев же».

Таким образом, и розыски по «интересным» делам, и корабельное строение, и рекрутские наборы, и кое-что из дворцовых дел — все это попадало в канцелярию ведения А. И. Ушакова. В 1724 году Макаров спрашивает Ушакова о количестве денег по его канцеляриям, то есть к этому времени в ведении Ушакова оказывается несколько канцелярий. Если вспомнить, что одна из них называлась «канцелярия рекрутного счета», то можно предположить, что эти канцелярии произошли путем выделения из одной общей канцелярии «ведения» Ушакова путем ее дробления по мере накопления разных поручений. Отметим одно интересное известие: Макаров в письме Ушакову от 4 марта 1721 года пишет: «Ее Величество Государыня Царица Екатерина Алексеевна указала отослать к вам челобитную кн. Андрея Кольцова-Масальского, по которой извольте учинить решение. А ежели вам одному оно решить невозможно, о том извольте предложить всем господам штапным офицерам, выписав из примеров... ежели, паче чаяния, и в присутствии всех штапных решить того будет немочно, о том извольте доложить Ее Величеству Государыне Императрице Екатерине Алексеевне». Значит, в приговорах и ре-

шениях некоторых поручаемых Ушакову дел участвовали «штапные» офицеры, то есть существовала какая-то коллегиальность. При этом, видимо, деятельность канцелярии Ушакова стояла в непосредственной близости к самому Петру; по крайней мере, в письме, датированном апрелем 1721 года, к Макарову Ушаков, говоря о деле «по канцелярии моего ведения», как он пишет, спрашивает указа царя по поводу крестьян, доносящих на своих господ в укрывательстве рекрутов: «...изволь о сем доложить Его Царскому Величеству, что мне с ними чинить», а в ноябрьском письме 1717 года Макаров пишет Ушакову: «...письма ваши, моего государя, исправно я получил и по оным, о чем принадлежало, Его Царскому Величеству доносил».

Итак, можно предположить, что с 1714–1715 годов у Андр. Ив. Ушакова образовалась канцелярия его ведения. Причем первоначально она занята была в основном особенно розыскными делами; но усложнение деятельности Ушакова повело за собой усложнение и в силу этого — раздробление одной канцелярии на несколько.

3. В именном указе Петра от 13 марта 1716 года на имя полковника Кошелева написано: «Понеже во отбытии нашем канцелярия, которая ведения подполковника нашего князя Долгорукова в Санкт-Петербурге никому ведать не приказана, того ради оную канцелярию в небытие его ведай ты; и по которым делам також и по данным пунктам дьяку Воронову надлежит следовать, чтоб он то исполнял без опасения: також и его, дьяка Воронова, в обиду никому не давать». Значит, в 1716 году в ведении кн. Долгорукова находилась уже канцелярия, поручаемая по его отъезде попечению полковника Кошелева. Около этого же времени мы находим упоминание указа, посланного с сержантом от «Канцелярии ведения генерала кавалера и от гвардии подполковника его сиятельства кн. Василия Володимеровича Долгорукова». В делах Кабинета Петра остался такой черновик (или копия): «В канцелярии господина генерала князя Долгорукова... до светлейшего князя касаются»: «о вотчинах светлейшего князя, которые даны ему в Ингрии и потом розданы разночинцам, и которые ему даны взамен оных,

и что с них каких денежных доходов в год сходилось», «о ревельских деньгах, что издержаны на покупку хлеба» и о посылке этих денег светлейшему князю; далее перечисляются дела по тяжбам светлейшего князя с частными лицами по его заводам и по поводу беглых людей. Потом идут дела по челобитьям об укрывательстве беглых, о взятках, о грабежах казенного имущества (то есть «против третьего пункта»); далее дело «об отдаче туленину Никите Демидову⁶¹ без оброка сибирских же лесных заводов и о поставке в казну железа дорогою ценою, и о продаже беспошлинно, и о свидетельствовании всех железных заводов»; далее «о позволении торгу всяких чинов людям, кроме купечества, которые торгуют, десятой части денег по пропорции с торгов не платят, отчего купечеству обида, и оный сбор в потеряннии». Потом дела: о подрядах провианта, по фискальским донесениям, «о раздаче питей с каменного мосту безденежно Алексеем Курбатовым».

Таково разнообразие дел, ведавшихся канцелярией Долгорукова. Здесь можно наметить две группы: во-первых, дела «интересные» — имеющие отношение к третьему пункту, и, во-вторых, дела, видимо, случайные (например, о Никите Демидове, по челобитным, жалобы купечества о десятой деньге). Но есть одно указание, что дела по первым двум пунктам не были чужды канцелярии Долгорукова. В делах Тайной канцелярии есть дело о капитане Кзензиане, обвинявшемся в поношении государя непристойными словами, о чем донесли его сослуживцы по полку; за это указом Петра его повелено сослать в Сибирь, а указ этот «приписал Долгорукой»; дело было в 1715 году.

Макаров в 1718 году пишет Долгорукому: «Письма вашего сиятельства все исправно я получил... Что же изволили писать об оставших делах в Вашей канцелярии, о том я Его Царскому Величеству доносил, на что изволил сказать, что о тех делах решение будет тогда, когда Его Величество изволит возвратиться в Санкт-Петербург». Значит, Петр сам непосредственно входил в дела канцелярии.

К сожалению, следов об «ассессорах» или «товарищах» Долгорукова не нашлось. В заключение можно прибавить, что уже в марте 1719 года канцелярии Долгорукова не суще-

ствовало: в числе подьячих Тайной канцелярии был некто Русинов, взятый «от дел канцелярии князя Василья Долго-рукова, которая раскасована». Этим исчерпываются наши сведения об этой канцелярии.

4. В делах Тайной канцелярии сохранились упоминания о «канцелярии ведомства господина Плещеева»: шли сношения с нею по поводу пожитков бывшего ростовского епископа-расстриги; кроме того, в реестре бумаг по делу цареви́ча Алексея записано: «...письмо от господина Плещеева, что за взятые Лопухина пожитки вырученных денег от целовальников в канцелярию его ничего не отдано».

В 1718 году в Тайную канцелярию поступает дело по «донесению» Плещеева из «Канцелярии ведомства моего» (то есть собственно Плещеева); это дело о взятках майора Фунникова при приеме подрядов по обмундированию. Так как часть замешанных в это дело лиц сидела под караулом в Тайной канцелярии, то Плещеев счел нужным передать туда и все дело, у него имеющееся.

В письме на имя дьяка Тайной канцелярии Тимофея Палехина некто Петр (подпись не разобрана) пишет: «...из канцелярии ведомства полковника и от лейб-гвардии капитана поручика господина Плещеева послан был в описной дом, который описан по розыскным тайным делам окольничего... Собакина... дьяк Федор Сорокин»; найденные там цифирные письма были отправлены при этом письме Палехину. Это было в июне 1719 года. Таким образом, видно, что в канцелярии Плещеева состоял дьяк.

В 1720 году, в марте месяце, Макаров письмом к Плещееву передает мелкое распоряжение Петра по «интересному делу», бывшему в канцелярии ведения Плещеева — «в канцелярии вашей», как выражается Макаров.

В 1722 году Плещеев просит прислать ему содержащегося в Тайной канцелярии колодника Чюбарова «по обретающемуся в канцелярии ведомства моего раскольному делу». В этом же деле находим следующий указ Сената: «Указ Его Величества Императора и Самодержца всероссийского из Сената в Канцелярию Тайных Розыскных Дел. Июля 10-го дня нынешнего 1722 года в поданном в Сенат доно-

шении герольдмейстера Плещеева написано: по Его Императорскому Величества указу ведал он раскольнические дела, а сего 1722 году мая 10-го дня по именному Императорскому Величеству указу определен он к герольдмейстерским делам, а о приеме у него раскольнических дел из Сената в Св. Прав. Синод ведение послано, и по тем делам колодников и поднесь у него не принято; и между теми делами касается важное дело до стольника Ивана Савельева сына Чюбарова, который содержится в Санкт-Петербурге в Тайной Канцелярии, о котором его Чюбарове деле известен Его Императорское Величество, и указал им Чюбаровым розыскивать, и чтоб оного Чюбарова дело повелено было принять в Сенат, или отослать в Тайную Канцелярию».

Все вышеизложенные данные о канцелярии ведомства Плещеева позволяют нам установить факт ее существования в период с 1718 до 1722 года, когда она была ликвидирована с назначением Плещеева герольдмейстером. О способах работы и устройстве этой канцелярии мы можем только заключить, что в ней был по крайней мере дьяк. Предметом ведения канцелярии, очевидно, были «розыскные дела»; из них главные — дела раскольничьи; попадались и дела по первым двум пунктам (дело Чюбарова), были и дела по третьему пункту (дело Фуникова).

5. Михаил Афанасьевич Матюшкин в 1697 году в числе других был отправлен за границу для изучения воинского дела. Возвратившись, был в Преображенском полку, где в 1706 году числился уже капитаном; в конце царствования Петра он был уже генерал-лейтенантом, причем в первых и десятых годах XVIII столетия посылался Петром с поручениями по набору рекрутов и по другим воинским делам; например, в марте 1715 года ему приказано было произвести осмотр «протазанов» в Оружейной палате на Москве в целях выяснения их годности. В сенатском архиве хранится под № 27 книга с именными высочайшими указами, озаглавленная так: «Принятые из бывшей канцелярии ведения генерала-лейтенанта Матюшкина именные блаженной и вечно достойной памяти Государя Императора Петра I указы...» В середине этой книги помещен указ: «Канцеля-

рию Розыскных Дел, которая была под ведением полковника лейб-гвардии капитана господина Кошелева и лейб-гвардии обер-офицеров, ведать генерал-майору и лейб-гвардии майору Михаилу Афанасьевичу Матюшкину обще с теми же гвардии обер-офицеры».

Таким образом, в 1719 году Матюшкин ставится по главе канцелярии, которая до этого времени была в ведении Кошелева; причем ассессоры остаются прежние. При этом канцелярия изменила стиль работы: при Кошелеве царю подавался голый следственный материал, просто «выписки» по следствию; теперь же, очевидно, выносилось коллегиальное решение, приговор — «сентенца», и уже этот приговор — результат коллегиального обсуждения — представлялся на утверждение императору. В силу этого постепенно обычной в канцелярии Матюшкина становится такая форма: «1720 октября в 5 день, по указу великого государя... генерал майор и лейб-гвардии майор Михайло Афанасьевич Матюшкин с присутствующими лейб-гвардии обер-офицеры, слушав вышеписанную ведомость (или “выписку”, или “донесения”) приговорили...» Это изменение окончательно утвердилось, когда прежние обер-офицеры Языков и Иванов были отстранены от дел по доношениям обер-фискала Нестерова («указал Его Величество вместо их быть... в присутствии у тех дел капитану Александру Бредихину⁶², капитану лейтенанту князю Алексею Шаховскому, ундер лейтенанту Алексею Захарину»).

Надо полагать, что по приговорам докладывалось Петру и, вероятно, до этого приговор в исполнение не приводился; это видно из того, что на некоторых мемориях, посланных из канцелярии Матюшкина, писана резолюция собственной рукой царя. Впрочем, иногда Петр, прослушав доклад о деле, предоставлял его оканчивать самой канцелярии; в представленном ему реестре, против некоторых следованием оконченных дел имеется помета царя: «Вершить». Приговоры часто делались и «присутствующими обер-офицерами»; причем иногда ассессоры Иванов и Языков писали письма по делам канцелярии за своею только подписью, употребляя выражение «канцелярия ведения нашего». Тут как будто мелькает указание на существование принци-

па коллегиальности в управлении канцелярией, хотя и неполно проведенного. Однако эта коллегиальность проявлялась несколько своеобразно: дела иногда могли решаться и единолично Матюшкиным. Макаров в письме от 20 августа 1720 года пишет Матюшкину по поводу одной челобитной: «...ту его челобитную посылаю к вашему превосходительству, по которой извольте учинить решение; а ежели одни вы по тому делу решения учинить не можете, то извольте решение о том учинить обще с другими господами штапными офицерами».

С другой стороны, из писем Макарова видно, что коллегиальность могла расширяться произвольно и неопределенно. Мы имеем дело, отлично иллюстрирующее фразу: «...ежели одни вы... решения учинить не можете, то извольте решение о том учинить обще с другими господами штапными офицерами». Генерал Сомов пишет к Матюшкину, что при наказании за дерзости гулящий человек Иван Иванов начал кричать: «Есть за мной государево слово и дело!» Потом, после пытки, он отказался от «слова и дела», но, когда вторично приступили к наказанию его батогами, он опять кричал «слово и дело», после чего Сомов и отправляет его Матюшкину. «Послал, — пишет он, — помянутого Ивана Иванова под караулом до вашего высокоблагородия, и об оном как ваше высокородие соблаговолит». Затем, уже в канцелярии Матюшкина, «1722 года декабря в 31 день вышеозначенной Бранной слободы тяглец Иван Иванов расспрошан в застенке и пытан в том, что имеет ли он какое за собою государево слово и дело; а в расспросе до пытки сказал, что государева слова и дела никакого он не имеет; а сказал он то государево слово и дело, не стерпя побои». После этого в деле идет приговор: «...за вышеписанные его Ивановы продерзости учинить ему наказание: бить кнутом нещадно, водя по рынкам, и по улицам, и по торгам для того, что он, Иван... сказал государево слово и дело трижды, а никакого не показал, дабы, видя оное наказанье, другим таких продерзостей чинить было неповадно; и учиня ему Ивану то наказанье, освободить его на волю. Петр Толстой⁶³. Михаил Матюшкин».

Как мы видим, «решение» тут Матюшкин один учинить не мог, то есть не осмелился, и постановил «обще» с другим

«штапным офицером», по этим делам специалистом — Петром Толстым. Нельзя не обратить внимания, что в 1722 году канцелярия Матюшкина уже носит название канцелярии генеральных дел; не значит ли это, что компетенция ее ведения разрослась и туда стали попадать всякие дела (на что указывает термин «генеральный»)?

Последние известия о канцелярии Матюшкина относятся к 1724 году. В реестре, поданном в этом году Петру от канцелярии, против группы дел «не исследованных и к окончанию не приведенных» стоит резолюция Петра: «...отослать в те места, где которому делу быть прилично». На этом книга указов и кончается, что делает возможным предположение, что этим реестром ликвидировалась деятельность канцелярии. Если принять это предположение, то тогда можно ясно очертить хронологические пределы существования канцелярии Матюшкина — с 1719 по 1724 год.

6. В 1719 году Богдану Скорнякову-Писареву был дан указ Петра: «Ехать тебе в Астрахань и там против данных тебе доношений о преступлениях астраханского коменданта» и других начальствующих лиц в Астрахани «розыскать... и которые в свидетелях и прочие, которых сей розыск касается, привези с собой за караулом к нам в Санкт-Петербург». Повинуясь этому указу, Скорняков-Писарев едет в Астрахань и производит там розыск, причем постоянно сносится письмами с Петром через Макарова, пересылая добытые им данные, а Макаров, в свою очередь, постоянно ему отписывает, даже по мелким деталям розыска, что «Его Царское Величество указал»; особенно интенсивно эта переписка идет в июле 1719 года. В результате опись дел по этому розыску занимает объемистую книгу листов в 200, написанных некрупным почерком.

Главное в этих делах — всякие злоупотребления должностных лиц города Астрахани; но к ним примешиваются и другого рода дела: об изветах, об измене и о «чести Его Царского Величества». Таково дело по изветам солдата Костромитинова, начатое следованием у Скорнякова-Писарева. Оно, дошедшее до нас в целом виде, раскрывает, как именно Скорняков исполнял поручение императора.

«1719 году июня в 5 день в канцелярии розыскных дел лейб-гвардии перед господином капитаном Скорняковым-Писаревым» доносителю Костромитинову «дана очная ставка» с обвиняемым им Петром Кресниковым. Костромитинов многих, и между прочими Кресникова, обвинял в говорении слов об измене или «о чести Его Царского Величества».

Дело велось обычным путем допросов, очных ставок и пыток; в одном месте дела читаем: «...после того как он, Кирило Костромитинов, выздоровел, привожен в канцелярию господина капитана Скорнякова-Писарева, а при том были бригадиры Карлус Эваницкий⁶⁴, полковник Данило Титов⁶⁵, поручики Михайло Травин, Александр Кожин». Нетрудно заключить, что поручение царя Скорняков выполнял при посредстве «канцелярии от гвардии капитана Скорнякова-Писарева»; что эта канцелярия именовалась и «канцелярией розыскных дел»; что ведала она розыск, в который входили дела «интересные» и отчасти дела «против первых двух пунктов»; что в этой канцелярии были «присутствующие обер- и штаб-офицеры». Интересна дальнейшая ее судьба. Реестр с делами ее попал в Тайную канцелярию, где они были помещены под рубрику «астраханские дела»; здесь и происходило дальнейшее вершение многих из них.

Таким образом, выходит, что канцелярия розыскных дел Богдана Скорнякова-Писарева, выросшая из личного поручения Петра Скорнякову-Писареву, просуществовав в Астрахани, по приезде Скорнякова в Петербург поглощается Канцелярией тайных розыскных дел.

7. В заключение я позволю себе остановиться на одном небольшом известии. В делах Тайной канцелярии сохранилась «опись делу комиссара Василия Филиппова, которое из канцелярии тайных розыскных дел отдано в канцелярию ведомства полковника и от лейб-гвардии бомбардир капитана порутчика Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева⁶⁶ дьяку Осипу Метлину». В этой описи под номером 4 значится: «...великого государя указ: 17 дня 719 года за подписанием тайного действительного советника и кавалера Петра Андреевича Толстого, бригадира и от лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова, по которому

велено те подлинные его Филиппова доношения и допрос из Канцелярии Тайных Розыскных Дел для исследования отдать к подлинным о том делам в канцелярию ведомства полковника и от лейб-гвардии бомбардир капитана поручика Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева дьяку Осипу Метлину с роспискою». Таким образом, перед нами еще одна розыскная канцелярия — ведомства Гр. Гр. Скорнякова-Писарева; к сожалению, о ней мы имеем только это одно незначительное известие, из которого, впрочем, видно, что в канцелярии ведомства Скорнякова-Писарева был дьяк Осип Метлин.

8. Также одно только известие, один только намек имеем мы о канцелярии кн. Шаховского. В марте 1723 года Макаров получает от кн. Алексея Шаховского письмо, в котором тот пишет: «...в канцелярию ведения нашего писано, дабы прислать на Генеральный Двор из канцелярии нашего ведения ведомость о наличных деньгах». Из этого известия можно только сделать вывод, что в 1723 году существовала канцелярия ведения кн. Алексея Шаховского.

Вот сведения, которые нам удалось найти по истории ряда отдельных канцелярий, ведавшихся различными офицерами. Едва ли можно отрицать некоторую общность их между собою — как связанных указами 1717 года, так и стоящих от них особняком. Хотя канцелярии и создавались по отдельным поводам и случаям, однако в роде их деятельности, в способах их деятельности, в их компетенции и управлении оказывается много общих черт. Если они не были юридически и практически тождественны между собою, не будучи явлениями единого законодательного замысла, то, выросши в один исторический момент, под влиянием одинаковых исторических условий, в стремлении к достижению однородных насущно нужных результатов, они фактически очень близки друг другу, что чувствовал и сам Петр, во-первых, часть их объединив до известной степени указами 1717 года, а во-вторых, издав еще один указ, касающийся их всех разом, в 1723 году: «Все дела, которые по канцеляриям майорским, разослать куда которое пристойно...

сие учинить в будущем январе 1724 г. Петр». Таким образом, в 1724 году Петр решает ликвидировать майорские канцелярии ввиду того, что теперь имеются учреждения, куда уже можно «пристойно» разместить все дела.

III

Итак, в первой половине десятых годов XVIII столетия случались иногда дела, по которым надо было «розыскивать», и эти дела близко интересовали самого Петра. Для этих розысков Петр выбирал надежных людей из среды его окружавших офицеров и, давая им большие полномочия, посылал их в качестве следователей, причем сам постоянно и пристально наблюдал за следствием, получая самые точные донесения и распоряжаясь часто даже мелочами розыска. При этом обычно эти следователи могли набирать нужный штат приказных людей, а кроме того, им давались «асессоры» — помощники из «гвардии офицеров». Этим путем в 1713–1715 годах возникли канцелярии кн. Волконского, Ушакова, Дмитриева-Мамонова, Кошелева. Если сравнить между собой указы, которыми Петр клал основание этим канцеляриям, то нетрудно видеть чуть ли не полное тождество даже их формы.

Образовавшиеся таким путем канцелярии состояли под руководством царя; «розыскивая» порученное дело, сама такая канцелярия обычно стояла в тени; все шло как бы от ее главы, от того офицера, которому указом был вручен розыск, но его компетенция была очень своеобразна, так как он был скорее в положении исполнителя и докладчика о результатах выполнения данного приказа, а этот приказ, то есть вся инициатива и направление дела, зависели от непосредственных указов императора, которые обычно записывались в особую книгу за подписью главы канцелярии или его помощников-асессоров; низший персонал канцелярии уже совершенно обращался в механических исполнителей. Компетенция канцелярий в общем заключалась в розысках по преступлениям «против» пунктов указа 1715 года, хотя

основным стимулом их действий было прямое поручение, и потому как исключение, но бывали случаи, когда им поручались дела и не розыскные. Поэтому дела канцелярий постепенно разрастались, а число их становилось все больше; уже Кошелев жалуется, как мы видели, на обремененность свою делами, насчитывая этих дел более ста. Естественно, что непосредственность отношений канцелярии — вернее, стоящих во главе ее офицеров — и императора становилась все менее и менее удобна: уже тот же Кошелев просит об образовании при нем коллегии, которая бы ставила приговоры и помогала ему в направлении следствия.

Если сначала главы канцелярий, например Волконский и Кошелев, вели деятельную переписку с самим императором по всяким мелочам и получали от Петра нередко на все свои запросы собственноручные, подробные часто, письма, то постепенно этот порядок меняется: во-первых, исчезает интенсивность в переписке; во-вторых, эта переписка ведется уже больше через посредство Макарова, который передает, «докладывает» письма Петру, и уже отвечает не царь, а Макаров, передавая указы Петра начальнику канцелярии; и уже эти указы более общие, не так детальны — причем в большинстве случаев уже не письма, как было у Волконского, а докладные выписки поступали к царю через Макарова.

Если до конца 1718 года Петр все решал лично и потому не видел необходимости ни в каких нормах, долженствовавших гарантировать правильность действий канцелярий, то позднее, когда силою обстоятельств он стал дальше от канцелярий и личное его вмешательство в дело канцелярий стало значительно слабее и уже потому не являлось достаточной гарантией верности их действия, он вынужден был подыскивать другие гарантии, заменив свою личную волю объективной нормой; это Петр и сделал указом от 8 декабря 1718 года. Но недостаточно было указать нормы, надо было гарантировать правильность и неуклонность их приложения, ради чего Петр обратился к любимой им коллегияльности.

Итак, в конечном своем образовании розыскные майорские канцелярии состояли как бы из трех частей. Во гла-

ве канцелярии обычно стояло одно лицо, гвардии офицер (в большинстве случаев — майор); его именем обычно называлась канцелярия; ему вручались дела императором; он докладывал решения по канцелярии; он получал от Петра приказы и инструкции; ему вверялась довольно большая, хотя совершенно неопределенная власть в делах канцелярии; однако, будучи под наблюдением самого царя, с большой осторожностью должен был он определять размеры своей компетенции; часто за разрешением совершенных пустяков шли к императору, а иногда сравнительно важные дела решались начальником канцелярии единолично — вероятно, в зависимости от разных, в каждом отдельном случае особенных, обстоятельств. Чин и звание, видимо, роли не играли в выборе начальника канцелярии; просто выбирался подходящий человек из лиц, окружавших Петра в данный момент.

Коллегия «ассессоров» или вообще «присутствующих» офицеров является второй составной частью розыскных майорских канцелярий. Можно предполагать, что сначала ассессоры были исключительно помощниками «следователя», начальника канцелярии; так их в своем мемориале называет Кошелев; такое именно им значение как будто придается в указах Петра Волконскому и Дмитриеву-Мамонову. Но позже значение их возрастает; они начинают самостоятельно докладывать царю; к ним иногда обращаются с указами; они называют канцелярию, где состоят ассессорами, «канцелярией нашего ведения»; указ 1718 года окончательно оформляет и укрепляет их это значение. Однако кроме этих, как бы постоянных ассессоров иногда «присутствовали» в канцелярии и решали дела другие гвардейские «обер- и штап-офицеры». Таким образом, можно, кажется, различать в известной степени два рода сотрудников канцелярии: одни были постоянными сотрудниками, целиком с ней связанными, выросшими, так сказать, из простых помощников главы канцелярии; другие же были обычно равными по положению начальникам канцелярии и, видимо, приглашались для какого-либо конкретного дела.

Трудно сказать, по какому принципу выносились решения и приговоры этой коллегией «присутствующих». Мож-

но даже думать, что это совершенно не установлено, но во всяком составе подписавшие являлись всецело ответственными за данный приговор; по крайней мере, под разными приговорами встречается разное количество подписей: от одной до полного комплекта. Были ли приговоры и решения канцелярий окончательны или нет? К сожалению, ответить на этот вопрос точно нельзя по недостатку данных; во всяком случае, очень многие приговоры подвергались рассмотрению и утверждению Петром.

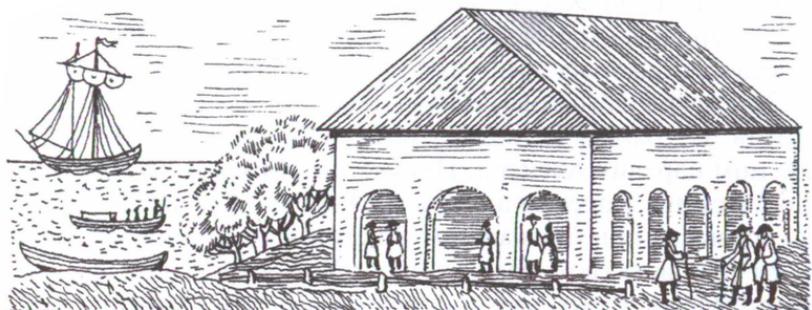
Третьей составной частью канцелярий являлись дьяки и подьячие — словом, все ее приказные люди. Едва ли можно полагать, чтобы в канцеляриях были какие-либо определенные штаты. Мы видели, как набирались приказные люди: их просто брали из разных мест, сколько надобно было в данный момент. Нам удалось найти известия о штатах приказных людей почти всех канцелярий. В канцелярии Волкова приказные делились на две части: «из разных канцелярий и из губерний» набранные, во-первых, и подьячие, «которые взяты из губерний, а были в Санкт-Петербурге при делах на время», во-вторых; таким образом, подьячих брали даже на время.

Вопрос о сфере деятельности, о предметах ведения канцелярий точно решается формулой: исполнение даваемых поручений; но вид, род поручений, ради которых они, собственно, создавались, отводил им более или менее определенный район действий — розыски по преступлениям, оговоренным пунктами (главным образом третьим) указа 1715 года. Однако на примерах канцелярий Ушакова и Дмитриева-Мамонова мы видели, как кое-где стало появляться стремление к ограничению и уяснению некоторыми канцеляриями сферы их деятельности.

Если дела по третьему пункту оказалось возможным, с утратой их остроты, передавать в Ревизион-контору и в другие учреждения, то дела по первым двум пунктам, не только не утратившие остроты, а наоборот — с 1718 года, с дела царевича Алексея, — принявшие еще большую важность, передавать было некуда. Сказывалось и то, что Петр считал необходимым держать столь важные и даже личные дела под непосредственным своим надзором; и то, что он

не видел оснований создавать какое-либо прочное, постоянное учреждение — в сознании Петра все эти дела, хотя и важные, представлялись временными: они должны были скоро исчезнуть. Для разных же мелких «государевых дел» существовал Преображенский приказ. И потому, когда другие канцелярии «ведения» постепенно прекратили свое существование, канцелярия ведения П. А. Толстого сохранилась в прежнем виде, приняв название «Тайных розыскных дел канцелярии». Постепенно она превратилась в настоящее учреждение, хотя и сохраняла временный характер до своего первого, формального уничтожения в 1726 году. Выяснением, как все это происходило, мы и займемся в следующей главе.

Глава третья Происхождение Тайной канцелярии

Тайная канцелярия, или Канцелярия тайных розыскных дел, известна с 1718 года, то есть во второй половине царствования Петра Великого. С тех пор это учреждение с небольшим перерывом просуществовало до 1762 года, а потом, переименованное в Тайную экспедицию при Сенате, функционировало вплоть до начала XIX столетия. Когда Тайная канцелярия в середине XVIII века окончательно установилась в предметах своего ведения и способах действия, это было учреждение, имевшее специальным своим назначением преследование так называемых государственных преступлений. Замечательно, что вопреки попыткам к уничтожению этого учреждения оно не только не исчезло, но, наоборот, принимая новые формы, окончательно укрепилось и приобрело большое, хотя и несколько своеобразное, значение в государственном механизме России XVIII столетия. Последняя, решительная, попытка Петра III уничтожить это учреждение тоже не удалась, и Тайная канцелярия возродилась под именем Тайной экспедиции.

Таким образом, Тайная канцелярия не может быть рассматриваема как случайное, малозначительное учрежде-

ние Петровского времени. Однако литературы по ее истории, можно сказать, не существует, почему не удивительно, что по вопросу о происхождении ее мы не находим более или менее точных данных, кроме нескольких, случайно брошенных, замечаний в статьях и сочинениях, прямой темой которых служат совсем иные вопросы русской истории. С такими скудными указаниями мы приступили к архивному материалу, стремясь в нем найти данные к решению вопроса о происхождении Тайной канцелярии.

31 января 1718 года, после почти полугодичного пребывания за границей, возвратился в Москву П. А. Толстой, а с ним царевич Алексей. Поручение Петра было выполнено блестяще: царевич привезен в Россию. Сейчас же начался «розыск» при ближайшем участии и под непосредственным руководством самого царя. Уже 4 февраля Петром были предложены Алексею «пункты», написанные рукой П. А. Толстого. Из просмотра дел сразу видно, что вся переписка по розыску направлялась по адресу Петра Андреевича Толстого; никаких других адресатов не встречается; причем, видимо, только один Толстой сносился непосредственно с Петром, и все это указывает, что весь розыск был — главным образом, по крайней мере, — в руках именно Петра Андреевича.

Внимательное рассмотрение дел этого розыска укажет еще, что ближайшим помощником в ведении собственно делопроизводства был у Толстого дьяк Тимофей Палехин: большая часть дел была за скрепой этого дьяка; можно, впрочем, еще заметить одно лицо, тоже причастное к розыску. В декабре 1717 года Макаров писал в Москву Андрею Ивановичу Ушакову: «Царское Величество указал к вам отписать, чтобы хоромы Его Величества в Преображенском велели вы немедленно починить, дабы к пришествию Его Величества были совсем готовы». Таким образом, уже перед приездом Петра в Москву там был А. И. Ушаков, имевший в Преображенском, видимо, некоторую власть, потому там и распорядившийся; а, как известно, московский розыск шел именно в Преображенском. С другой стороны, дьяк Палехин был взят из канцелярии рекрутных дел, бывшей целиком в ведении Ушакова; оттуда же были взяты

и многие другие приказные; указ поручику Потеневу, везшему дела розыска в Петербург, от 20 марта 1718 года был написан рукой А. И. Ушакова; в то же время Ушаков пишет обер-коменданту Бахметьеву о присылке солдат для сопровождения дел по розыску царевича, пересылаемых из Москвы в Петербург. Из всего этого видно, что Ушаков принимал, и близкое вероятно, участие в розыске.

Таким образом, главным лицом при розыске в Москве являлся Толстой, второстепенным — Ушаков; приговоры этого розыска выглядят, например, так: «1718 году марта в 14 день по указу Великого Государя министры, слушавши выписки, приговорили...» — и затем идет сам приговор; эта форма стереотипно повторяется в приговорах по московскому розыску. Название «министры», в то время, видимо, новое на Руси, ничего определенного не обозначало, да и по подписям можно установить, что состав этих министров был не всегда одинаков: то чьей-то подписи нет, то, наоборот, подписался кто-нибудь лишней; то есть «министры» — довольно неопределенный контингент людей, близких Петру.

3 февраля 1718 года поступил собственноручно писанный указ Петра капитану-поручику Гр. Гр. Скорнякову-Писареву: «Ехать тебе в Суздаль и там в кельях бывшей жены моей и ее фаворитов осмотреть письма, и ежели найдутся подозрительные, по тем письмам, у кого их вынул, взять за арест и привести с собой купно с письмами, оставя караул у ворот».

12 февраля 1718 года Петр написал, тоже собственноручно, следующее письмо Григорию Скорнякову-Писареву: «Мой господин! Письма твои получил, на которые отвечаю: бывшую жену мою и кто при ней также и кто ее фавориты, и платье ее привези сюды, а перво разыщи, для чего она не пострижена, и кто тому причина, и какой был указ в монастырь, как ее Семен Языков привез, и кто в то время был, и кто о сем ведает, всех заberi и привези с собою». Гр. Скорняков-Писарев точно выполнил поручение: преступники были доставлены в Москву и присоединен был их «розыск» к общему делу о побеге царевича. Петр жил тогда в Москве в Преображенском и сам, видимо, всем руководил.

Итак, к Толстому и Ушакову прибавился еще один «следователь» по тому же делу: капитан-поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев. Значит, во главе следствия стоял непосредственно Петр, фактически руководил П. А. Толстой с помощью А. И. Ушакова и при близком участии Гр. Гр. Скорнякова-Писарева, ведавшего собственно «суздальский розыск»; но этот розыск был частью целого. Приговоры ставила неопределенного состава коллегия «министров»; заметим, что ни Толстой, ни Ушаков, ни Скорняков-Писарев в состав этих «министров» не входили.

Мы не знаем, каким образом именно П. А. Толстой стал во главе розыска; до нас не дошло никакого указа, которым бы он поручался Толстому. Но надо заметить, что указ Скорнякову-Писареву дошел до нас совершенно случайно: он находится в книжке, переплетенный с другими указами Петра Писареву; эта книжка была в руках Писарева и только в XIX веке, случайно сохранившаяся, была передана на хранение в Государственный архив. Никаких следов этого указа не сохранилось более нигде (по крайней мере, он нигде не попадает); не сохранись случайно эта книжка, мы не знали бы, каким образом Скорняков-Писарев попал в «суздальский розыск». Есть, значит, основание допустить возможность существования аналогичного указа и в отношении Толстого.

Возвращаясь к указу, данному Скорнякову-Писареву, нельзя не отметить, что «следование» по делу царевича имеет вид нам знакомого поручения доверенному лицу произвести «розыск», но только розыск важный; мы видели, как при исполнении даже и не таких важных розысков при доверенных лицах обычно бывали канцелярии их ведения. Вспомним, как составлялся штат этих канцелярий из дьяков и подьячих, набираемых как бы на время из разных мест; так было и в розыске по делу царевича: «В прошлом 1718 году в феврале месяце взяты в Москве в Преображенское на генеральный двор к тайным розыскным делам из канцелярии рекрутных дел с потешного двора дьяк Тимофей Палехин, из посольского приказу старый подьячий Иван Клишин⁶⁷, из сенатской канцелярии молодой подьячий Иван Григорьев, да для письма из канцелярии ж рекрут-

ных дел молодые подьячие: Григорий Павлов, Тимофей Си-лин, Иван Остафьев; и из Москвы они при тех делах взяты в Санкт-Петербург и были при оных по окончании тех дел».

18 марта 1718 года Петр выехал в Петербург; следом за ним были пересланы все дела по розыску царевича, а с делами поехали в Петербург и все к тайным делам взятые в Москве подьячие с Палехиным во главе. В середине 20-х чисел марта все было уже в Петербурге; везшему дела поручику Потеневу было велено по приезде «объявить их генералу Ивану Ивановичу Бутурлину» и кому он их «принять приказет». Таким образом, в Петербурге прибавляется еще один доверенный человек Петра; и с этого времени в розыском деле царевича следствием заведуют четверо: П. А. Толстой, И. И. Бутурлин, А. И. Ушаков и Г. Г. Скорняков-Писарев; но во главе все-таки стоит, видимо, Толстой: 26 мая Петр посылает к царевичу Толстого и Бутурлина, а 22 июня одному Толстому Петр письмом велит съездить допросить царевича по пунктам, составленным им собственноручно; и опять вся важнейшая переписка по розыску идет на имя П. А. Толстого; Бутурлин остается как-то в тени.

Мы видели, что нет указаний на прямое установление в Москве при розыске какого-либо учреждения по делу царевича Алексея; в Петербурге положение изменилось. Мы приводили стереотипную форму, в которую выливались все приговоры по московскому розыску; в петербургском розыске мы видим также стереотипную форму приговора, но существенно отличную от московской: «1718 году ноября в 19 день, по указу великого государя Правительствующий Сенат, будучи в Санкт-Петербурге в Канцелярии Тайных Розыскных Дел, слушав вышеписанные выписки... приговорили...» А в записной книге Санкт-Петербургской крепости встречаются записи такого рода: «...в 5-ое июня съехали в гарнизон пополуночи в 10 часу в Губернаторский дом, где учреждена Канцелярия Его Государственных Тайных Дел, господа сенаторы и министры». Таким образом, тайное розыскное дело при петербургском розыске уже велось в определенном учреждении, в Канцелярии тайных розыскных дел; а Сенат, там заседая, по «выпискам» выносил решения.

В указной книге Тайной канцелярии есть заметка о «министрах»; нетрудно установить, что ими являлись Толстой, Бутурлин, Ушаков и Гр. Скорняков-Писарев, то есть исключительно «следователи» по царевичеву розыску. Просмотр указанной книги за годы, ближайшие к 1718 году, кроме того, ясно свидетельствует, что почти исключительным занятием Тайной канцелярии был розыск по делу царевича. Мы уже видели, что дела по московскому розыску были отправлены со всеми подьячими, при них бывшими, в Петербург, и там старший подьячий Иван Клишин называется Ушаковым в письме к петербургскому генерал-полицмейстеру уже канцеляристом Тайной канцелярии. Весь состав лиц, бывших в Москве при розыске по делу царевича, также становится в Петербурге сотрудниками нового учреждения — Канцелярии тайных розыскных дел.

Возможны два предположения: или название Тайной канцелярии в 1718 году в Петербурге получило то учреждение, которое сформировалось главным образом в Москве около следователей по делу царевича и преимущественно вокруг Толстого; или все дела по московскому розыску, следователи и приказные люди, вошли в Петербурге в состав бывшего там уже учреждения — Тайной канцелярии, как бы заполнив собой это учреждение. Но второе предположение мы должны отбросить, потому что точно знаем: «канцелярия тайных дел начало свое возымела» в 1718 году «в Москве» — об этом ясно сказано в «выписке» Тайной канцелярии, относящейся к 1723 году. Следовательно, силу факта принимает первое предположение — что Тайной канцелярией с момента приблизительно перенесения в Петербург дела царевича Алексея стало называться учреждение, ведавшее это дело еще в Москве.

При рассмотрении московского розыска нам не удалось подметить никакого названия того учреждения, которое вело розыск; однако можно указать на вероятное существование канцелярии ведения П. А. Толстого, главы всего розыска по делу царевича. В записной книге Санкт-Петербургской крепости 28 апреля 1718 года мы имеем следующую запись: «Ордер... о присылке к его превосходительству тайному советнику и кавалеру господину Толстому в кан-

целярию его ведения подполковника Белоутова...» Позже, в ноябре 1718 года, Макаров писал Толстому: «...понеже дела Василия Филиппова собраны все в канцелярии у вашего превосходительства, того для посылаю при сем вашему превосходительству его Вас. Филиппова письмо, которое он подал Его Царскому Величеству...» Впрочем, все это допускает и иное, вполне возможное, толкование. Генерал-полицеймейстер Девиер⁶⁸ в одной бумаге к П. А. Толстому пишет: «...писали мы к вашей милости о матросе Иване Яковлеве, содержащемся в канцелярии ведомства нашего», и очевидно, что Девиер так называет канцелярию полицеймейстерских дел, то есть учреждение, очень мало имеющее общего с известными нам майорскими розыскными канцеляриями; к тому же и о Тайной канцелярии однажды дьяк Тормасов⁶⁹ в письме к Ушакову в 1719 году пишет: «...в канцелярии ведения вашего». По этим примерам вполне возможно, что и к Тайной канцелярии могли приложить — именно в этом смысле — наименование «ведения Толстого».

С другой стороны, в делах Тайной канцелярии сохранилось дело 1715 года, возникшее из жалобы Петру на злоупотребления Кудрявцева⁷⁰ при отправке им корабельного леса, причем в жалобе — просьба Петру прислать для расследования «от лица своего» Петра Андреевича Толстого. Кроме того, сохранилось там же челобитье купца Фельтена, который просил императора разрешить ему беспошлинно провезти рейнское вино для торговли им в Петербурге; на прошении — собственноручная разрешительная надпись Петра, и она с копией прошения занесена в указную книгу Тайной канцелярии; нельзя не заметить, что прошение Фельтена было подано в 1718 году, а указ Петра по нему от 24 мая был «за рукою тайного советника Петра Андреевича Толстого», то есть дело шло через Толстого. Наконец, еще позднее, в августе 1718 года, Петр пишет Толстому следующее письмо, занесенное в указную книгу Тайной канцелярии: «Мой господин, понеже явились в краже магазейнов нижепоименованные, того ради, сыскав оных, возьми за карул...» — далее идет перечисление имен. «На том же указе, — прибавлено в указной книге, — при запечатании подписано так: господину тайному советнику Толстому».

Тайной канцелярией расследовалось с начала и до конца дело о «девке Марье Гамонтовой» (Марии Гамильтон⁷¹), и следствие это протекало в промежуток с 14 марта по 27 ноября 1718 года, то есть оно началось даже до перевода дела царевича в Петербург, когда названия «Тайная канцелярия» еще не существовало; надо заметить, что дело это совершенно никакого отношения к делу царевича не имело, хотя веда его именно Тайная канцелярия.

Все эти дела, с одной стороны, прочно входят в делопроизводство Тайной канцелярии, но, с другой стороны, появляются прежде, чем Тайная канцелярия приняла свое название. Данные об этих делах ясно указывают, что, во-первых, объединяющим в них является единственно личность Толстого; во-вторых, что попадали они в «ведение» Толстого, будучи лично поручены Толстому царем; в-третьих, что эти поручения, более или менее случайные, имели разнообразный характер. Все эти черты в их характерной совокупности мы встречаем только в одних учреждениях того времени — в майорских розыскных дел канцеляриях «ведения» того или иного от гвардии офицера. Добавим к этому, что майорские канцелярии, специализируясь, получали иногда название «канцелярия розыскных дел» — родственное с названием «канцелярия тайных розыскных дел».

В общем, можно считать доказанной связь и единство Тайной канцелярии с розыскными майорскими канцеляриями. Позволю себе в подтверждение этой мысли привести еще один факт. В 1723 году Сенат указом предписывает «червонные ефимки, которые в Санкт-Петербурге в розыскных канцеляриях, те отдать в рентерею⁷²». Указ этот был послан и в Тайную канцелярию, из чего видно, что Сенат считает ее одной из розыскных канцелярий; а в своем определении по этому указу Тайная канцелярия, передавая его содержание, выражает эту мысль еще рельефнее, именно: «Пр. Сенат приказал: червонные ефимки, которые в Санкт-Петербурге в розыскных канцеляриях, в том числе и из Канцелярии Тайных Дел, отдать в рентерею».

Выходит, что на Тайную канцелярию еще долго смотрели, как на канцелярию «ведения», которой можно было поручать какие угодно дела и состав которой всецело зависел

от количества и качества имевшихся в данный момент поручений.

Итак, имеющиеся данные дают основание полагать, что Тайная розыскных дел канцелярия появилась в 1718 году, образовавшись из канцелярии ведения П. А. Толстого, которую розыск по делу царевича Алексея превратил в самую могучую из розыскных канцелярий «ведения», сгруппировав в ней столь сильных своим положением ассессоров, как Бутурлин, Ушаков, отчасти Гр. Гр. Скорняков-Писарев. Важность поручения сделала важным, значительным самое учреждение.

Глава четвертая Обзор материалов, относящихся к истории Тайной канцелярии

I

Прежде чем приступить к основной задаче нашего исследования — собственно истории Тайной канцелярии Петровского времени, — я позволю себе предварительно остановиться возможно подробно на выяснении вопроса, какие материалы мы имеем для этого в нашем распоряжении, каково их происхождение и какова их ценность. Начну с материалов архивных.

Темна история русских архивов; но если тут все-таки кое-где и мелькнет просвет, то беспросветно темна история отдельных архивных фондов, входящих в состав разных архивов. Нам пришлось встретиться с этой трудностью, восстанавливая историю архивного фонда Тайной канцелярии, хранящегося в Санкт-Петербурге в Государственном архиве Министерства иностранных дел.

В Государственном архиве Министерства иностранных дел хранится сравнительно большое количество документов, зарегистрированных под общим названием «Дела Тайной Канцелярии и Экспедиции»; ими заполнен весь VII

разряд Архива. Беглый просмотр описи этого разряда свидетельствует, что в первой части его мы имеем перед собой делопроизводственный материал учреждения, называвшегося Канцелярией тайных розыскных дел, или проще — Тайной канцелярией; продолжая просмотр описи, легко далее заметить, что все документы первой части VII разряда делятся на три группы: во-первых — дела петровской Тайной канцелярии (до 1726 года), во-вторых — дела, слушавшиеся в Верховном Тайном совете в промежутке между 1727 и 1730 годами, однородные по содержанию между собой и делами Тайной канцелярии, и в-третьих — делопроизводство Канцелярии тайных розыскных дел, учрежденной в 1731 году и просуществовавшей до 1762 года.

Делопроизводственные документы первой из этих трех групп, то есть относящиеся к деятельности Тайной канцелярии Петровского времени (1718—1726 годы), состоят, во-первых, из делопроизводственных форм (книги указов, книги протоколов, приходо-расходные книги, книги челобитий и проч.), а во-вторых, из отдельных «дел» о разных лицах по разным обвинениям. Далее, во второй группе мы имеем только отдельные «дела», производившиеся в Верховном Тайном совете. Наконец, в третьей группе имеем делопроизводство Канцелярии тайных розыскных дел, в 1731 году вновь учрежденной. Все эти дела в известной мере попорчены, и разбор их был сопряжен с большими неудобствами.

Среди этого материала преобладающая часть принадлежит к делопроизводству Тайной канцелярии; придется только выделить (очень условно) дела второй группы, то есть дела, бывшие в производстве Верховного Тайного совета; но дела эти были найдены в сундуках вместе с делами Тайной канцелярии; таким образом, видимо, канцелярией второго периода (1731—1762 годы) эти дела были приняты и сочтены относящимися к ее ведомству.

Некоторое сомнение могут возбудить и несколько дел, не носящих никаких следов их отношения к Тайной канцелярии и по времени к ней не могущих быть отнесенными; однако, коль скоро дела эти были найдены среди дел Тайной канцелярии и были так уложены, может быть, еще в самой Тайной канцелярии, это нельзя объяснить случайностью.

Громадное же, абсолютно преобладающее количество документов носит несомненные следы принадлежности к делопроизводству Тайной канцелярии. Об этом говорят прямые заглавия и формы приговоров, указов, повелений; в самих делах мы находим подлинные указы Тайной канцелярии за подписанием ее «министров»; все распросы и бумаги скреплены секретарями Тайной канцелярии; почти везде есть прямые указания, что дело ведется в Тайной канцелярии, — все это в связи с еще многими, более мелкими признаками не оставляет сомнений, что перед нами находится подлинное делопроизводство Тайной канцелярии. Среди дел, ведавшихся Тайной канцелярией, мы имеем следующие: дела о непристойных выражениях об особе государя; об измене государственной; о покушении на здоровье государя; о раскольниках; о непристойных речах о высших государственных сановниках (Меншикове, Бахметьеве, например); о непристойных речах о престолонаследии; дела по «слову и делу»; дела о непристойных речах и поступках по отношению к царским указам; дело, например, по обвинению, что смеялся в день погребения царевича Петра Петровича; или о распространении иезуитами «ложных учений»; или о взяточничестве высокопоставленных лиц (Апраксин и др.); или о «лживых толках» по поводу нововведений Петра; дела по обвинениям в волшебстве (редко), о неслужении молебнов и непраздновании царских дней, о лживых предсказаниях про императора Петра; дело по обвинению в самозванстве (называл себя братом государя). Во втором периоде, как видно из описи, дела идут исключительно уже «против первых двух пунктов».

Этот краткий перечень дел заставляет нас сделать вывод, что главной обязанностью Тайной канцелярии первого периода, как и второго, являлось преследование так называемых государственных преступлений.

Это общий вывод, получаемый непосредственно из поверхностного просмотра архивного материала. Чтобы можно было получить более полное и точное представление об этом материале, нужно проследить историю его хранения.

В протоколе от 16 июня 1724 года говорится: «...для собрания дел в Архив по тайной канцелярии за покупные два

сундука мерою в длину полтора аршина, в ширину по тринадцати вершков... рубль семьдесят копеек, записав в расход, выдать с роспискою»; немного ранее, 11 января того же года, в другом протоколе: «...вынесен из судейской светлицы ящик с тайными делами... и поставлен в казарму, которая за печатью иностранной коллегии: при том были той иностранной коллегии архивариус Алексей Почайнов... и ту печать у ящика он архивариус осматривал». Таким образом, еще в первый период существования Тайной канцелярии время от времени старые дела ее заключались в сундуки-ящики и за печатями помещались на хранение в архив иностранной коллегии, причем, видимо, архив этот помещался в казармах (куда ставили сундуки Тайной канцелярии), находившихся, как увидим далее, в пределах Санкт-Петербургской крепости, где помещалась и сама Тайная канцелярия в то время.

В 1726 году, когда происходила ликвидация деятельности канцелярии первого периода, согласно резолюции императрицы Екатерины I, решенные дела были отданы за печатями «судей» и «кабинетной» в архив в «коллегию иностранную», то есть, вероятно, дела также были упакованы в сундуки и поставлены в одну из казарм крепости, с наложением на дверь казармы печати «иностранной коллегии». Видимо, таков был обычный способ архивного хранения дел Тайной канцелярии.

В 1732 году был дан следующий указ: «...в походной канцелярии тайных розыскных дел генерала и кавалера и лейб-гвардии Семеновского полку (Андрея) Ивановича Ушакова... Ее Императорское (Величество) ⁷³... соизволила указать: (из) преждебывшей Тайной Канцелярии (дела), которые положены в Санкт-Петербургской крепости, взять ныне в поход (ную т) айную канцелярию» (в скобках поставлены слова и отдельные буквы, которые пришлось восстанавливать, так как документ сильно попорчен водой).

По этому указу походная Тайных розыскных дел канцелярия определила: «...преждебывшей Тайной Канцелярии дела, которые содержаны были за печатями в Санкт-Петербургской крепости... взять в походную Тайную Канцелярию, и о том в военную походную канцелярию господина гене-

рал фельдмаршала и кавалера графа фон Миниха⁷⁴ послать указ; и для отдачи оных дел требовать Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии секретаря Алексея Щеглова; и как означенный секретарь прислан будет, то велеть ему означенные дела все, в чем они хранились, сдать в походной тайной канцелярии немедленно»; и эти дела, «приняв, хранить в походной Тайной Канцелярии».

12 июля 1732 года секретарь Щеглов явился в Тайную канцелярию и дал показания, что он был «взят к секретным делам» из гарнизонной канцелярии только в 1727 году, а «в каком смотре и у кого» до него были дела Тайной канцелярии, он не знает. До этого, в апреле 1731 года, по приказу «бывшего плац-майора» вскрыли караульные офицеры печати на казармах, где хранились дела Тайной канцелярии «для того, что в нижней казарме от снегу набралась вода, а в верхней от гнилости пол обломился, и письма — в воде; и по распечатывании в тех казармах имеющиеся сундуки и ящики, и коробки с письмами мокрыми перенесены в другую казарму...». Об этом было донесено Сенату, который в сентябре 1731 года прислал указ: «...дела преждебывшей Тайной Канцелярии, которые имеют в Санкт-Петербургской крепости в казармах и от прибывшей воды подмокли, пересушить... и пересуша, запечатав... поставить в удобное место». После этого дела, которые подмокли и погнили, пересушили (а те, которые были сухими, не перебирали), положили в новые сундуки и перенесли в «сухую казарму, которая имеется в Санкт-Петербургской же крепости от Петровских ворот под номером 59». После этой переноски дела и лежали до июля 1732 года, когда новый комендант Есипов⁷⁵ вместе с Щегловым начали осмотр сундуков, и, осмотрев сперва четыре, нашли в них «дела драные и гнилые», однако в одном ящике нашли пачку целых писем царевича Алексея и доставили их Миниху, а этот последний, взяв с собой Щеглова, отвез их к императрице, которой в руки письма и были переданы.

Из всего этого ясно, в каком виде находились дела «преждебывшей Тайной Канцелярии» уже в начале 30-х годов XVIII века. При показании Щеглова приложена опись, но

в ней описан только внешний вид сундуков, в которых хранились дела; этих сундуков было восемь.

16 июля 1732 года «в походную Канцелярию Тайных Розыскных Дел приняты под охранение преждебывшей Тайной Канцелярии дела и письма в сундуках и в ящиках по объявленной тем сундукам и ящикам от секретаря Щеглова описи; и оные сундуки и ящики при том Щеглове и при... капрале Саве Краснопевове запечатаны печатью Тайной Канцелярии, и оставлены те сундуки и ящики в той же казарме, где имелись, под присмотром оного Краснопевова». Итак, дела остались лежать на старом месте, в крепостной казарме, запакованные в сундуках, уже частично попорченные и сгнившие от сырости. Перемена надзиравшего ведомства и поручение «смотрения» другому человеку ничего не изменили: дела продолжали по-прежнему гнить в своих сундуках.

8 декабря 1738 года, то есть через шесть лет после всего только что нами изложенного, в Канцелярию тайных розыскных дел от Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии было прислано донесение: «...сего декабря 5 дня в поданном в оную гарнизонную канцелярию от определенного к Санкт-Петербургскому гарнизонному цейхаузу копорского гарнизонного полка от поручика Федора Прозоровского доношении написано: бывший в Санкт-Петербургском гарнизонном цейхаузе у приходу и расходу оружия, мундирных и амуниционных и прочих вещей копорского полку капитан Петелин по описи между прочими вещами при смене сдал ему, Прозоровскому, двадцать два сундука, в этом числе восемь сундуков с делами за печатью канцелярии тайных розыскных дел; и оные де сундуки имеются в казарме, в которой содержатся неокладных гарнизонных доходов денежная казна; а в той же казарме, как зимой так и летом, имеется немалая течь, отчего тем делам может учиниться трата. И требует поручик Прозоровский тем доношением, дабы повелено было оные восемь сундуков положить в удобное место, где бы помянутой Тайной Канцелярии делам не могло учиниться какой траты, и того б на нем не взыскалось». Подписал эту бумагу полковник Федор Норов.

Но в Тайной канцелярии не спешили; прошло полгода, и, не получая никакого ответа, Норов снова пишет новое «доношение» почти в тех же выражениях, сообщая, что по предыдущей по этому поводу бумаге «решения учинено не было». К сожалению, окончание этой переписки до нас не дошло, но, как сейчас увидим, дела и далее по-прежнему хранились в казармах крепости, а условия такого хранения несколько не изменились: бумаги продолжали гнить. В 1744 году, то есть еще через пять лет, Тайных розыскных дел канцелярия получает «промемотию», часть которой испорчена, но и оставшееся являет собой довольно яркую картину: «...минувшего июня 26 дня в присланном сообщении... за рукою секунд майора Ивана Вралова к дежур-майорским делам объявлено: имеется с казенным вином по правую сторону Петровских ворот третья казарма... по осмотру той конторы... на полу явилось несколько ветхих... баул и скатула и прочее; а которого оные ведомства и с чем оные ж баулы и скатула имеются, о том в той конторе... неизвестно; и сего ж июля по определению Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии велено имеющуюся по правую сторону от Петровских ворот третью верхнюю казарму, в которой стоит ведомства камор-конторы вино, дежур-майору Игнатьеву при гарнизонном фискале Фуфаеве и обретающемся на даточном дворе секунд-майоре Вралове, также и инженерной команде при... Ельчанинове осмотреть, и что по осмотру в той казарме явится, описать и в гарнизонную канцелярию рапортовать». По осмотру же этими чинами оказалось: «...казармы запечатанные. А чьи печати — неизвестно, и с чем закрыты, или стоят пусты, о том в Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии известия не имеется», а у «многих» казарм «лестницы сгнили и полы обвалились». Вслед за этим приписано: «По справке... о бывшем Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии секретаре Алексее Щеглове... явилось, что в Санкт-Петербургской крепости имеется одна казарма, в которой хранятся преждебывшей Тайной Канцелярии дела под смотрением... гарнизонной канцелярии, и о обстоятельстве отдачи оных дел под сохранение в той гарнизонной канцелярии известие имеется...»

После этого, видимо, было приказано отобрать сведения, не имеются ли у кого еще дела Тайной канцелярии, оставленные в крепости; а если есть, то «сколько именно» и «чьими печатями запечатаны». Из всех служащих только «истопники, находящиеся в Тайной Канцелярии... объявили, что с начала определения их в Тайную Канцелярию под смотрением их имеется в Санкт-Петербургской крепости одна казарма, состоящая близ старых Тайной Канцелярии покоев... без печати, токмо за замком имеются многие письма Тайной Канцелярии, и ключ от оной казармы в хранении имеется у них;... а какие именно оные письма... о том де они не знают, понеже де те письма во оной казарме имеются издавна». По следам этого известия в октябре того же 1744 года Тайная канцелярия пишет определение, которое заканчивается так: «Понеже те письма во оной казарме имеются издавна, а Тайной конторы канцеляристы и служители подписками объявили, что в оной казарме по выттих их по делам писем и дел никаких не имеется, того ради означенные, имеющиеся по объявлению помянутых истопников письма из означенной казармы забрать все без остатку, перенести в Тайную Контору и в той конторе оным письмам, осмотра, учинить надлежащую опись; и ежели те письма по описи явятся по делам Тайной Канцелярии, об оных у канцелярских служителей взять еще подписки, и у кого именно те письма по по выттиям имелись и что по описи по подпискам явится, о том доложить немедленно». Соответственно этому определению была написана «промемория»: «Имеющиеся в казарме письма все без остатку забраны и в Тайную контору перенесены и осматриваны, а по осмотру явились по большей части по решенным Тайной Канцелярией делам всякие черные и к делам ненадобные». За этим идет длинная опись, наполовину сгнившая; все дела, там помеченные, относятся к деятельности Тайной канцелярии второго периода, так как начинаются с 1732 года. Дела же «преждебывшей» Тайной канцелярии продолжали находиться в неизменном положении.

Прошло еще семь лет. Наконец в конце 1752 года кн. Ф. Мещерский⁷⁶ прислал в Канцелярию тайных розыскных дел «доношение» с напоминанием о сундуках (восьми сче-

том) и с ссылками на донесения Прозоровского об этих сундуках в декабре 1738 года. На это Тайная канцелярия определяет: «...оные (то есть сундуки) распечатать и имевшие в них дела, осмотра, учинить надлежащую опись, хранить в Тайной Канцелярии; буде ж паче чаяния по осмотру... дела к описи неспособны, то оные, не описывая, поставить в тех же сундуках в Архив Тайной Канцелярии».

Проходит еще год; в декабре 1753 года в ответ на это определение секретарь Набоков⁷⁷ донес, что он осмотрел и открыл сундуки, которые «явились преждебывшей Тайной Канцелярии», но дела в них «весьма от мокроты и сгнили и описать их никаким образом невозможно». Конца этой переписки, к сожалению, не имеется, и чем в данном случае дело кончилось, остается неизвестным.

Все вышеизложенное отлично характеризует общие приемы хранения дел, даже важнейших, в Санкт-Петербургской крепости; через десять — двенадцать лет дела, засунутые в сундуки и поставленные в жилых казармах, оказываются совершенно забытыми; с трудом восстанавливается принадлежность этих дел. При этом в крепости находят немало дел, о которых никто вообще ничего не знает. Дела Тайной канцелярии Петровского периода лежали так, обреченные на порчу, по крайней мере до 1754 года. Дела же Тайной канцелярии второго периода, частью бывшие в крепости и там начавшие гнить, были все перевезены «в сенатские покои», где, видимо, архив Тайной канцелярии этого периода и был в дальнейшем храним.

Проходит еще около десяти лет. Что претерпели за это время дела «преждебывшей Тайной Канцелярии», нам выяснить не удалось, но с февраля 1768 года дела эти значатся уже хранящимися в I отделении архива Кабинета императорского двора. В одном из реестров этого архива (от 6 февраля 1768 года), подписанном кн. М. М. Щербатовым⁷⁸, помечены два ящика с делами неизвестного содержания. В архиве Кабинета эти ящики так не раскрытыми и оставались. Когда со вступлением на престол императора Николая Павловича министр императорского двора кн. Волконский⁷⁹ представил ему в ноябре 1826 года описи дел архива Кабинета, то между прочими делами под № 5 зна-

чились «два сундука больших с неизвестными делами, запечатанные»; собственноручной резолюцией императора Николая было поручено Д. Н. Блудову⁸⁰ их распечатать, осмотреть и донести. Во исполнение высочайшего повеления Блудов, по приглашению кн. Волконского, 8 декабря 1826 года прибыл в архив Кабинета, с помощью двух чиновников вскрыл ящики, разобрал, описал в них имеющиеся дела и опись представил царю. Из этой описи ясно видно, что в сундуках он нашел, во-первых, дела по розыску царевича и, во-вторых, дела Тайной канцелярии Петровского времени, как прямо и гласили этикетки на сундуках, найденных им внутри ящиков; причем ясно было, что кто-то уже рылся в лежавших там делах.

По представлению Блудова высочайше было повелено перенести все эти дела на хранение в архив Коллегии иностранных дел, куда они и поступили в 1827 году. С образованием Государственного архива Министерства иностранных дел в 1836 году дела были переданы туда, и с тех пор они составляют I часть VII разряда названного архива, хотя некоторые из них (главным образом дело царевича Алексея и к нему примыкающие) были отнесены и к VI разряду архива. К сожалению, остается неясным, откуда кн. Щербатов взял ящики с делами Тайной канцелярии, хотя есть основание полагать, что он извлек их именно из крепостных казарм.

Что же из дел Тайной канцелярии дошло до нас в этих Блудовым разобранных ящиках? Мы видели, что сначала дела помещались в восьми отдельных сундуках; Блудов получил уже только три сундука, вложенные в два ящика; мы знаем, что дела Тайной канцелярии один раз, в 1732 году, перекладывались в новые сундуки, но не знаем размеров этих сундуков, так что трудно установить, все ли дела сохранились. Мы видели, что они гнили, и гнили сильно: уже секретарь Щеглов говорил, что многие дела так намокли, что недоступны для разбора. Все это дает указания, что дошедшее до нас собрание бумаг значительно пострадало. В 1726 году, когда дела Тайной канцелярии передавались в Преображенскую канцелярию кн. Ромодановскому, то число «вершенных дел» было помечено числом около 280–290 (невершен-

ных же передали в Преображенскую канцелярию не более трех); тут не считались дела по царевичеву розыску, кикинские и суздальские. Трудно теперь точно восстановить «дела» в первоначальном их составе, однако по сделанным на «делах» современным номерам эту реставрацию до известной степени произвести можно, и в результате получается, что мы теперь имеем около 225 дел из тех 260–290, которые числились в 1726 году, как составлявшие весь архивный фонд петровской Тайной канцелярии.

Таким образом, оказывается, что ныне мы не досчитываемся приблизительно 60 — 70 дел, то есть менее даже четверти всего бывшего архивного фонда является утраченной; нельзя не признать такой процент сохранившихся дел, то есть основных, важнейших делопроизводственных документов, — очень высоким. Не следует, впрочем, упускать из виду, что до нас, очевидно, дошла лишь очень небольшая часть других делопроизводственных форм данного архивного фонда — я имею тут в виду книги протоколов, книги указов (эти, впрочем, дошли в относительно большой сохранности), книги по приходу-расходным делам, книги по челобитьям разным, книги по отправлению курьеров в разные места, книги по мелким хозяйственным делам и т. п. Утрату этой части архивного фонда можно, впрочем, считать не такой существенной.

Все предыдущее изложение позволяет сделать заключение, что имеющийся в нашем распоряжении материал по истории Тайной канцелярии Петровского времени является достаточно полным и единственным фондовым материалом Тайной канцелярии, на который поэтому можно уверенно опираться и которым возможно довольствоваться при выяснении ее истории.

Литература по истории петровской Тайной канцелярии почти отсутствует. Нам известны только две статьи, которые трактуют специально о Тайной канцелярии; но одна

из них касается канцелярии Елизаветинского времени (см. Русская старина, 1875 г., № 3, с. 523–539: «Тайная Канцелярия в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 г.)»), то есть совершенно не относится к нашей теме, а другая была написана Н. М. Карамзиным в 1803 году и трактовала вообще о Тайной канцелярии. С этой статьи мы и начнем обзор скудной литературы по истории петровской Тайной канцелярии.

Статья эта носит заглавие: «О Тайной Канцелярии». Приводя известие Левека⁸¹, что царь Алексей Михайлович учредил Тайную канцелярию, и презрительно замечая, что, при способе писания истории французами, такого рода утверждение не удивительно, Карамзин нападает на Шлецера⁸² за его такое же мнение об учреждении Тайной канцелярии Алексеем Михайловичем; но, установив, что источником Шлецеровой ошибки было аналогичное утверждение, делаемое Татищевым⁸³, Карамзин соглашается, что действительно «Тайная Канцелярия точно была при Алексее Михайловиче», но слово «тайный» тогда значило «домашний» или «приватный»; оспаривая Татищева далее, Карамзин говорит: «...она была Кабинетом и никогда не занималась наказанием государственных преступников». «Имя тайно обмануло Татищева», — заключает Карамзин свои возражения. На последней странице этой статьи знаменитый историк пытается дать свое решение вопроса о Тайной канцелярии: «...обратимся к Тайной Канцелярии; желаете ли видеть ее первую сцену? Подите в село Преображенское; там Великий Император, преобразуя отечество и на всяком шагу встречая неблагодарных, злые умыслы и заговоры, должен был для своей и государственной безопасности основать сие ужасное судилище. Так Петр Великий был его учредителем». Из вышеизложенного нетрудно сделать вывод, что русская историография до Карамзина включительно безнадежно путалась в вопросе о Тайной канцелярии, соединяя такие разнородные учреждения, как Приказ тайных дел, Преображенский приказ, петровскую Тайную канцелярию и ей родственную Канцелярию тайных розыскных дел 1731 года; только Карамзин сумел выделить хотя бы Приказ тайных дел, однако все остальное рисуется знаменитому ис-

торику чем-то цельным и единым; говоря об учреждении собственно Преображенского приказа, он думает, что говорит об учреждении Тайной канцелярии.

Издание Полного собрания законов и несколько помещенных там указов, касающихся Тайной канцелярии, позволили Неволину⁸⁴ пролить больший свет на историю этого учреждения. Руководствуясь, видимо, исключительно указами Полного собрания, названный историк общими штрихами набрасывает историю Тайной канцелярии: «Она была в С.-Петербурге и имела здесь такой же предмет ведомства, как Преображенский Приказ последнее время в Москве. Она учреждена была для некоторых чрезвычайных тайных розыскных дел, случившихся в то время (П. С. 3. № 4892). Но по окончании ею своего дела существование ее продолжалось (П. С. 3. № 4494). В 1729 г., при уничтожении Преображенского Приказа (П. С. 3. № 5379), Тайной Канцелярии, кажется, уже не было. Впрочем, в 1731 году для дел по преступлениям против первых двух пунктов было опять учреждено особенное место под названием “Канцелярия Тайных Розыскных Дел”».

Эта схема истории петровской Тайной канцелярии страдает большой туманностью и некоторыми погрешностями. Однако для историка тут уже ясно, что Тайная канцелярия — учреждение особенное, и смешивать ее в одно с Преображенским приказом нельзя; более того — Неволин намечает раздельность петровской канцелярии от Канцелярии 1731 года.

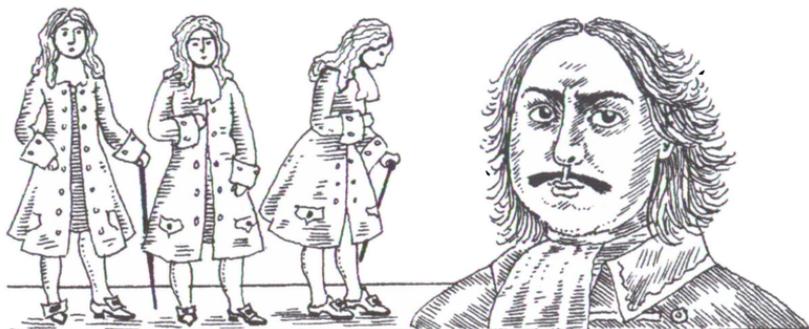
Это уже большой шаг вперед. Но при всем том встречаются в этой схеме Неволлина и неточности, и неясности; не верно утверждение, что Тайная канцелярия «была в Петербурге» и что предмет ее ведомства был «такой же», как у Преображенского приказа в последнее время; неясным, по Неволину, остается, что это могли быть за «чрезвычайные тайные розыскные дела», ради которых Тайная канцелярия была учреждена; обходит Неволин молчанием и вопрос о времени действия этого учреждения; упустил он из виду и указ, напечатанный тоже в Полном собрании законов, о передаче в 1726 году Тайной канцелярии в ведение кн. Ромодановского; заметно еще некоторое колебание в во-

просе о тождестве или раздельности Петровской канцелярии и Канцелярии 1731 года.

Соловьев⁸⁵ в своей «Истории России» совершенно обходит вопрос о петровской Тайной канцелярии, иногда упоминая ее название по какому-либо поводу, и только. В позднейшее время, сколько нам известно, никаких более или менее подробных самостоятельных изложений истории петровской Тайной канцелярии не появлялось. Однако ее делами пользовались многие, начиная с Соловьева, но пользовались ими как материалом для бытовой и частью социальной истории Петровского (и более позднего) времени. М. И. Семевский⁸⁶, А. Арсеньев⁸⁷ и Г. В. Есипов⁸⁸ использовали дела Тайной канцелярии именно с этой точки зрения, совершенно оставляя в стороне историю самого учреждения, почему на трудах названных историков нам оставаться не приходится.

Этим мы и заканчиваем обзор литературы по истории Тайной канцелярии Петровского времени. Не беря на себя смелости думать, что мы исчерпали все сведения, встречающиеся в нашей литературе по истории Тайной канцелярии, надеемся, однако, что все главнейшее и более существенное в этой области нами отмечено.

Глава пятая Император и Тайная канцелярия

Тайная канцелярия с переходом розыска по делу царевича Алексея из Москвы в Петербург окончательно, как мы видели, образовалась и приняла название «Канцелярии тайных розыскных дел»; это случилось во второй трети 1718 года. Всю весну и лето этого года Тайная канцелярия почти исключительно занималась вторым розыском по делу царевича, и понятно, что связь императора с нею была в это время чрезвычайно тесна; можно сказать, что тогда истинным начальником Тайной канцелярии являлся сам Петр, во все входивший лично.

Но наступила осень; лихорадочная, экстренная деятельность Тайной канцелярии мало-помалу стихала, Петр понемногу отдалялся от ее дел, и министры делались действительными ее руководителями. Но если Петр оказался от Тайной канцелярии в сравнительно большем отдалении, то, с другой стороны, он отнюдь не порвал с ней связи, которая перешла отныне в более устойчивые и определенные формы. Это случилось, вероятно, в октябре — ноябре 1718 года; уже 25 ноября кабинет-секретарь Макаров писал следующие тождественные письма, одно — П. А. Толстому, другое

Ив. Ив. Бутурлину: «Государь мой милостивый! Понеже Его Величество для слушания розыскных дел Канцелярии Вашей изволил определить один день в неделе, а именно — понедельник и для того изволите о том быть известны». В этот день «министрам» предписывалось являться в Тайную канцелярию в 4 часа пополудни; но в данную неделю, так как понедельник уже прошел, то «Его Царское Величество изволит к Вам быть для слушания дел завтра, то есть в четверг». Таким образом, как обычный и постоянный порядок, устанавливалось с ноября 1718 года, что раз в неделю, именно в понедельник, Петр лично бывал в Тайной канцелярии, где в присутствии всех «министров» выслушивал доклады и ставил резолюции. Трудно проследить, насколько аккуратны были эти появления; однако в делах постоянно встречаются указания на них. Есть пометы о присутствии Петра и в записных книгах Тайной канцелярии: например, в таком виде: «Его Царское Величество изволил быть своею высочайшею особою в Канцелярии Тайных Розыскных Дел и слушал дела».

«Слушание дел» Петром в Тайной канцелярии, по-видимому, обычно заключалось в докладе ему сырого материала следствия, на основании которого он и выносил свой приговор. Докладывались царю также уже готовые по делам экстракты, даже с заготовленным приговором, поставленным министрами Тайной канцелярии. Однако не всегда Тайная канцелярия решалась выносить приговоры: часто вопрос, «что чинить», оставлялся открытым до царского указа. Иногда приговоры не находили одобрения императора; в громадном же большинстве случаев они санкционировались. Позволяю себе привести некоторые характерные выдержки из одного до нас дошедшего такого экстракта. На одной стороне листа, видимо, обычно писались докладные пункты, а против них ставились, на другой стороне листа, резолюции; например: «...подьячему Калугину по тому с Курзанцевым делу, — писалось в экстракте, — за то, что он, Калугин, оное важное доношение велел списывать и держал у себя в доме многое время, а о том не доносил, определено приговором: кнутом и на 10 лет на каторгу»; против этого резолюция: «Бив кнутом и вырезав ноздри, послать на ка-

торгу в вечную работу»; в данном случае приговор Тайной канцелярии был Петром несколько изменен; но это бывало сравнительно нечасто. По делу фискала Санина, например, состоялось определение об учинении ему смертной казни, и «оное утверждено собственною Его Величества высокою рукою тако: учинить по сему» (это было в 1723 году).

Иногда Петр клал свои резолюции собственноручно. Мы имеем один такой экстракт с личными пометами Петра; это — «экстракт» по «ревельскому адмиралтейскому делу», которое расследовалось Тайной канцелярией; дело это было «против третьего пункта», то есть о взятках и похищении казенного имущества. Петр помечал собственноручными надписями о роде наказания каждого преступника; кроме того, тут же Тайной канцелярией поставлен был ряд вопросов по разным сторонам этого розыска, и император своеручными резолюциями разрешал эти вопросы. Экстракт скреплен подписью Ушакова и занесен в указную книгу Тайной канцелярии; все это относится к 1720 году. К сожалению, нет возможности определить, сделал Петр резолюции во время одного из своих появлений в Тайной канцелярии или в другом месте, при других условиях.

Царь часто только выражал в разговоре свои мнения, которые уже после министры записывали в том или ином виде и поступали по ним, как по указам его царского величества.

В письме Палехину, дьяку Тайной канцелярии, Толстой, делая некоторые распоряжения, пишет между прочим, что колодника Костромитинова надо пытать, и до смерти можно, «ибо памятно, как царское величество изволил о нем говорить, когда изволил быть в Тайной Канцелярии».

При своих посещениях Тайной канцелярии Петр слушал экстракты по делам, в большинстве уже с приговорами, и его резолюции появлялись тут же, на полях экстракта, заносимые или руками министров, или царем собственноручно; кроме того, министры, видимо, подробно устно докладывали царю разные вопросы по розыскам, требовавшие разрешения их Петром; в разговорах по поводу таких докладов Петр давал указания о дальнейшем направлении дела, прекращал или продолжал розыск, давал директивы для приговоров. Иногда же Петр принимал участие и в са-

мом процессе розыска-следования, если это вызывалось какими-либо обстоятельствами или особым интересом императора к делу. В 1718 году «известно царскому величеству учинилось», что архимандрит Тихвинский привез с собой в Петербург какую-то якобы чудотворную икону и тайно служит желающим перед ней молебны; тогда «декабря в седьмой день посылал Его Царское Величество к Тихвинскому архимандриту» гардемарина Каблукова, который должен был просить архимандрита пропеть ему молебен перед иконой; и, когда на другой день, в присутствии Каблукова, монах пел этот молебен, предупрежденный об этом Петр сам «изволил придти и образ Пресвятой Богородицы взять с собой и того архимандрита за караул» и «оного архимандрита и при нем служителей указал забрать; которые забраны и присланы в Канцелярию тайных розыскных дел; и указал Его Царское Величество» обо всем этом «исследовать и розыскивать в Канцелярии Тайных Розыскных Дел». Обвиняемые были спрашиваны «в присутствии в Канцелярии Тайных Розыскных Дел Его Царского Величества», и при Петре же один обвиняемый был спрашиван «в застенке с прещением». В том же 1718 году поляк Носович подал Петру донесение, по которому Петр велел вести следствие Тайной канцелярии и сам присутствовал на допросах: «и потом пред царским Величеством по вопросу он Носович никакой измены не показал». В 1723 году фузелер Марков сказал, что он только самому Петру объявит донос, и «того же ноября 3 дня при присутствии Его Императорского Величества вышеписанной же фузелер Дорофей Марков вторичным распросом показал».

Таков был прямой путь, которым император входил в дела Тайной канцелярии; однако инструкции Петра попадали в Тайную канцелярию и другими путями. Иногда дела докладывались Петру, когда он сидел в каком-нибудь другом учреждении. Вероятно, причинами такого порядка являлись удобство, неотложность дела, желание царя. «Его Императорское Величество, будучи в Канцелярии Вышнего Суда, изволил читать экстракты: 1) по новгородскому делу, 2) по вологоцкому: и указал Его Величество те дела решить по Уложению».

В 1723 году Петр дает указ по делам Тайной канцелярии (за скрепою Ушакова), «будучи в Зимнем Доме». Иногда экстракты Петр слушал и в Сенате, если сенаторы отказывались без него ставить приговоры, когда один из министров Тайной канцелярии «предлагал» какое-либо дело сенаторам. Гр. Скорняков-Писарев в письме к Ушакову говорит, между прочим, что он получил донесения по Тайной канцелярии, а «когда Его Величество в присутствии своем в Сенате изволит быть, то по оным доношениям Его Величеству я доложу».

Кроме того, очевидно, часть докладов и экстрактов Петр слушал просто где придется. В мае 1721 года Бутурлин пишет Толстому, бывшему при Петре, что посылает ему экстракты по Тайной канцелярии для доклада императору — «его царского величества доложить» и «какой будет указ и о прочем, что чинить прошу покорно вашего превосходительства ко мне отписать». В том же году, отвечая Ушакову, Толстой пишет из Риги о некоторых делах, что «по оным я его царскому величеству не доносил, а когда донесу и какая резолюция будет, о том не оставлю вас без известия».

В письме Толстому Бутурлин пишет 29 мая 1721 года, что он прилагает при письме «экстракт» по делам Тайной канцелярии, и прибавляет, чтобы «о чем надлежит» Толстой доложил Петру «и какой будет указ и о прочем что чинить» пусть Толстой ему напишет. В одном из писем Толстого того же года написано, что докладывал он царю и тот указал: «...в Тайную Канцелярию писать о архимандрите Гедоне, чтоб о нем объявить... в Синоде... и когда с него то (сан) съмут, указал Его Величество накрепко его пытать».

Я позволю себе привести отрывок из переписки П. Толстого с А. Ушаковым в 1722 году, полно и ясно характеризующий, как происходили эти доклады дел министров Петру.

«Милостивый государь мой Петр Андреевич, — писал Ушаков Толстому в начале мая 1722 года, — понеже его императорское величество при отсутствии своем в поход изволил быть в непрестанных делах, и того ради не имел я времени, чтобы по пунктам о Корольке и о прочих Тайной Канцелярии делах донести Его Величеству, и для того оные пункты посылаю до Вашего Превосходительства

при сем и доношу: изволь, государь мой, по ним донести Его Императорскому Величеству; и какой Его Величества указ состоится, о том изволь, государь мой, уведомить меня». К письму Ушаков прилагал «экстракт о делах Тайной Канцелярии», изложенный в восьми пунктах; привожу его почти целиком: «1. Старцу Левину по окончании розысков какую казнь учинить, и где: в Москве ль или на Пензе? 2. Он же Левин показал на родственников своих 4-х человек, что при них в доме злые слова он говорил; да вышеписанные ж слова говорил он в церкви всенародно при капитане да при комиссаре. 3. Он же Левин те слова говорил в двух монастырях на трапезах при игумене с братьей, да в третьем монастыре одному игумену, да на исповеди отцам своим духовным трем попам, да старцу (у которого он был под началом); и оных два попа и старец молвили ему Левину: “и мы де так признаваем”, а третий поп молвил: “полно де, ты не грешишь ли?”, однако ж причаститься ему не возбранил; и из означенных один поп в том себя и признал, а другие, ежели признают, и им за то что учинить? 4. По его же Левина расспросу касается нечто до рязанского архиерея; но токмо ныне без расспросу старца Прозоровского нельзя того явственно признать; и ежели по расспросу оного покажется до него архиерея важность, и его допрашивать ли, и где: в Синоде ль, или в Тайной Канцелярии, и как его содержать? 5. Светлейшего князя стольяр Королек с расспросу и с двух розысков показал важные слова дому его княжева на ключника, да на гребца, которые померли; а потом на исповеди отцу духовному он объявил, что те слова (токмо не все) слышал он его ж княжева дому от служительницы вдовы Варвары Кубасовой, о чем и на очной с нею ставке тоже сказал... и ежели тот Королек с третьего розыску станет говорит на нее вдову, и ее в застенок к очной ставке брать ли, и ею розыскивать ли? 6. По важному делу бабы Акулины следствие остановилось за тем, что она больна; и ежели в тех словах, на кого что показала, она умрет, а те в оном себя не признают, и ими розыскивать ли? 7. Ежели в Тайную Канцелярию будут подавать доношения о здоровье Императорского Величества, о бунте, о измене, и по таковым доношениям следовать ли или оные отсылать в Преображенский

Приказ? 8. По делам Бахметева показуется, что некоторый интерес из окладных сборов утрачен, и оный по следованию в Тайную Канцелярию взыскивать, или те дела для исследования отослать в камор-коллегию?»

В ответ на это Толстой пишет Ушакову: «Государь мой Андрей Иванович! Присланные от вас пункты Его Императорское Величество изволил подписать, которые при сем прилагаю, и ваша милость изволит чинить по оной резолюции; о бабушке изволил говорить: буде Королек с третьей пытки с ней не заговорит, то де можно и оную попытать, и того ради на оный пункт изволил подписать, чтоб розыскивать. Об Акулине для того не изволил ничего подписать, что можете и вы окончать, чего будет надлежать; чтоб дело сие отдать в Преображенский приказ, я докладывал, на что изволил сказать, чтоб вы при себе окончили только самую важность; по делу Лебедкину и, буде коснется до Резанского, чтоб и то также при вас окончать; и Королькова дело вам же надлежит окончать; а Левина и других, кого он оговорил, когда уже важности не будет, отослать в Преображенский приказ. Однако же о том ныне письма ко князю Ивану Федоровичу послать не изволил, и без письма, чаю, он не примет; и ваша милость изволь трудиться, как можно скорейше оные дела оканчивать; буде же увидишь, что будут продолжаться, то изволь ко мне писать, чтоб вам и Петербургских дел не упустить. Покорный слуга Петр Толстой, из Коломны мая 16 дня 1722 года».

При письме этом Толстой прилагал и самый «экстракт» с написанными на нем своеручными резолюциями Петра; против первого пункта Петр написал: «на Пензе», против второго — «следовать и смотреть, дабы напрасно кому не пострадать, понеже сей плут глупый временем мешается»; против третьего — «то же что и Левину»; против четвертого — «когда важное касаться будет, тогда Сенату придти в Синод и там допрашивать и следовать, чему подлежит»; против пятого пункта стоит резолюция: «розыскивать»; шестой, седьмой и восьмой пункты остались без резолюции.

Из всего вышеизложенного видно, что Петр и здесь, как и при присутствии своем в Тайной канцелярии, слушал подносимые экстракты по делам и ставил свои резолюции;

в разговоре точнее выяснялся смысл и значение некоторых кратких резолюций; тут же давались указания по вопросам, возникавшим у министров при ведении некоторых дел; все это в совокупности производит впечатление близкого вмешательства и руководства царя делами Тайной канцелярии даже при его отъездах из Санкт-Петербурга. Кроме того, иногда Петр давал указания и общего характера; например: «Его Величество изволил рассуждать, что с раскольниками, которые в своей противности зело замерзли, надобно поступать вельми осторожно, гражданским судом». Бывало, что по прошествии некоторого времени Петр изменял свои резолюции и тогда об этом сообщал «министрам»; например, в одном письме к Ушакову Петр делает следующий постскрипtum: «...ежели вологоцкому попу экзекуция не учинена, то обожди ею, пока увидимся со мною». Экзекуция эта — смертная казнь — была постановлена по резолюции самого Петра. Также Петр изменил свою резолюцию о фискале Санине, сначала решив его казнить, а потом велел даже колесовать.

Нередко Петр передавал эти указы через третьих лиц; чаще всего это делалось через кабинет-секретаря Макарова; который обычно писал кому-либо из канцелярских министров, в большинстве случаев — при передаче дел в Тайную канцелярию. «Благородный господин бригадир и майор от гвардии! — писал Макаров Ушакову в феврале 1720 года. — Царское величество указал отослать к Вам раскольщика дьякона Александра и с его доношением, которое он подал Его Царскому Величеству; а что оный раскольщик в допросе сказал, тому записка при сем також прилагается; и оного колодника изволите приказать посадить в город; а что с ним надобно делать, о том я Вам донесу сам. Слуга Ваш моего государя А. Макаров». Такие письма далеко не редкость в делах Тайной канцелярии; вот еще пример: в 1722 году 21 апреля Макаров адресует Ушакову письмо, при котором препровождает человека, сказавшего за собой «государево слово», по указу Петра, в Тайную канцелярию, и в конце этого письма пишет: «...хотя то дело Его Императорское Величество изволит считать за неважное, однако... надобно сыскать и допросить в том, в каком случае он та-

кие слова говорит». Но бывало, что Макаров устно в Тайной канцелярии объявлял указы Петра, которые тогда за подписями министров записывались в канцелярскую указную книгу. Иногда передавали указы Петра о принятии дела в Тайную канцелярию и другие лица (например, Румянцев).

Время от времени Петр давал указы собственноручными записками, наскоро набросанными. «Дьякона пытать, — писал Петр в феврале 1720 года в Тайную канцелярию, — к кому он сюда приехал и приставал и кого здесь знает своего мнения потаенных; а по важных пытках послать с добрым офицером и солдаты от гвардии в Нижний и там казнить за его воровство, что мимо выбранного старца воровски учинил. Другого, Иону, пытать до обращения или до смерти, ежели чего к розыску не явится». Мы видим, что тут не простая резолюция, а в кратких чертах намечен весь ход розыска со включением условно и приговора.

Подводя итог всему вышеизложенному, нельзя не прийти к заключению о существовании тесной связи, которая, видимо, никогда не прекращалась, между императором и Тайной канцелярией. Если Петр был в Петербурге, то он раз в неделю в подробном докладе обстоятельно выслушивал в Тайной канцелярии доклады о ее делах, сам иногда просматривал следственный материал, даже принимал в следствии личное участие. Если его не бывало в Санкт-Петербурге, то он все-таки слушал присылаемые ему экстракты по делам в докладе кого-либо из министров и также подробно входил в дела. Насколько вообще Петр входил в дело, видно уже из того, что Тайная канцелярия иногда подготавливала только материал, а уже «что чинить» решал сам Петр, как бы в таких случаях вступавший в роль настоящего ее начальника, а не только играя роль высшей санкционирующей власти. Конечно, подобного рода роль Петра проявлялась только в особо важных делах, однако и в производстве более мелких дел Петр иногда принимал участие.

Словом, Тайная канцелярия работала не только под непосредственным контролем царя, но и при непосредственном его участии; другой вопрос, насколько все это гарантировало правильность и законность ее действия, насколько

даже и при таком способе Петр мог ручаться за отсутствие злоупотреблений.

При таком тесном общении Петра с Тайной канцелярией и явном стремлении того времени каждое слово царя приравнять юридически к именному указу понятно, что способы закрепления всех даваемых Петром инструкций были различными. Конечно, если указ Петр писал собственноручно, хотя бы на клочке бумаги в виде нескольких отрывочных фраз, или на экстракте, в виде повелительных отдельных выражений, или в виде письма к одному из министров — то вопрос закрепления разрешался сравнительно просто: сохранялся подлинник, или в указную книгу вносили точную копию за рукой министра. Сложнее дело обстояло с изустными указаниями.

Если мы внимательно рассмотрим указные книги Тайной канцелярии — книги, на обложке и корешке которых значится: «Именные указы», то, во-первых, натолкнемся на указы, заранее по известной форме заготовленные, которые только подписывались собственноручно Петром. Сила и значение таких указов, конечно, совершенно несомненны; такой вид является наиболее как бы правильным типом указа; но в одной из указных книг вслед за целым рядом таких указов идет приписка: «Отселе вниз указы вошли за руками Тайной Канцелярии министров». Из этого видно, что указы Петра еще могли записываться и закрепляться как бы в их правильности руками министров Тайной канцелярии. Кроме того, в этой же книге встречаются указы, кем-либо «объявляемые» от имени императора, причем объявляющий министр канцелярии обычно и подписывал указ с такой, например, прибавкой: «Сей Его Царского Величества указ в Тайной Канцелярии объявил я, Иван Бутурлин».

Таким образом, указы императора или записывались им самим своеручно, вне всякой формы и всяких условностей, в большинстве случаев без подписи; или их по известной форме записывали министры и скрепляли своими подписями; или написанный по той же форме указ скреплялся личной подписью Петра; или кто-либо «объявлял» указ, и он записывался в указную книгу за соответственной подписью.

Указы, скрепленные самим Петром или министрами, а также указы, кем-либо «объявляемые», обычно записывались по такой форме: «1718 г. марта в 15 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всяя России... указал по именному своему великого Государя указу»... далее идет самый предмет указа. Существовала еще форма: «По указу Его Императорского Величества (или: “По указу Великого Государя”) тайный советник и от лейб-гвардии капитан Петр Андреевич Толстой, генерал-поручик Иван Иванович Бутурлин, от лейб-гвардии Преображенского полку маэор Андрей Иванович Ушаков, от гвардии бомбандир капитан-поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, слушав... приговорили...»

В книгах Тайной канцелярии с заглавием «именные указы» мы встречаем, видимо, с совершенно одинаковым юридическим значением все вышеизложенные формы указов: они почитались совершенно одинаково выражением воли императора. С другой стороны, уже из характера отношений Петра и Тайной канцелярии следует, что записывать, регистрировать все те мелкие мнения и замечания, которые делал Петр по поводу разных сторон ему докладываемых дел, было крайне затруднительно хотя бы в силу очень большого их количества, некоторой иногда их условности и неопределенности; но и упускать все это было невозможно, всем этим надо было руководствоваться, и поэтому, просматривая переписку министров, мы видим, как тщательно и подробно они передавали друг другу разные мнения и замечания императора, чтобы все «чинить по сему».

Однако если отношения Петра и Тайной канцелярии были так тесны, существовали ли все-таки какие-либо нормы того, когда и для чего требовался указ императора и что возможно было Тайной канцелярии решать без доклада, своей властью? Ответ прост: эта норма лишь подразумевается, она выходит как частное из общего представления Петра о своей власти как неограниченно самодержавной; следовательно, личная воля монарха являлась в данном случае единственной нормой. Рассуждая далее в том же направлении, нельзя не прийти к выводу, что личная воля должна была определять всегда и непрерывно весь ход деятельно-

сти Тайной канцелярии. Но в таком случае монарх должен был быть осведомлен обо всем конкретном содержании этой деятельности, дабы решать, в чем должна проявляться его воля, а в чем нет — и в каких размерах и на каких стадиях дел это должно происходить. Фактически это едва ли было исполнимо: всего, что происходило в Тайной канцелярии, Петр, конечно, знать не мог и не знал, а потому он был вынужден доверять выбранным им министрам, что они сумеют в достаточной степени разобраться и понять, в чем — совсем или отчасти — возможно разобраться без непосредственного его вмешательства. Таким образом воля монарха делегировалась воле министров.

Совершенно ясно, что многое, и не всегда маловажное, по делам канцелярии не доносилось Петру; у нас есть сведения, что императору докладывали часто о том, о чем донести министры считали необходимым, а отнюдь не обо всем. В одном письме Бутурлин пишет в 1721 году Толстому, что он прилагает при этом письме экстракт по делам Тайной канцелярии «для известия Вашему Превосходительству... о чем надлежит... и Его Царскому Величеству доложить». Толстой в письме Бутурлину (1721 год) пишет о говорении уже осужденным преступником Курзанцевым вновь за собой «слова и дела»: «...мнится мне, что трудить докладом Царского Величества не для чего». Так иногда рассуждали министры; но в других случаях решали наоборот; доклад царю представлялся им совершенно необходимым; дело, например, полковника Скорнякова-Писарева⁸⁹ «не решено за неимением времени к докладу Его Императорского Величества; а без доклада оного дела решить не возможно». В другом письме Ушакову Толстой пишет, что о деле Санина «чаю, надлежит доложить» императору, «понеже изволил Его Величество мне повелеть, чтоб Санина казнить умедлить для того, что Его Величество изволил иметь тогда намерение сам его Санина видеть». Докладывать же о Курзанцеве Толстой считал излишним, «понеже он, отбывая смертные казни, может и часто такие бездельные доношения подавать, продолжая жизнь свою».

Иначе было при тех делах, где мог быть заподозрен сравнительно больший интерес Петра; тогда министры доно-

сят обо всем царю подробными письмами через Макарова, прося на все указов. Так, когда Петр прислал в Тайную канцелярию дело о сержанте Кудрявцеве, у которого сбежало с дороги пять сославшихся «раскольщиков», то Ушаков в письмах Макарову доносил и просил указа по этому делу: «...а какое им решение учинить, о том, доложу Его Царского Величества, изволь меня уведомить». В мае 1721 года Макаров по указу Петра присылает к Ушакову в Тайную канцелярию раскольников для расследования. Ушаков, посылая Макарову известие об определении, вынесенном этим раскольникам, просит в письме «доложить Его Царскому Величеству: ежели их содержать по разным казармам, то оные не в работе будут, и напрасно станут хлеб есть; а не лучше ли, чтоб им на работу ходить, а к ночи в разные б казармы сажать». Вот какие мелочи иногда доводили до решения царя; а по гораздо более существенным делам — о жизни людей — решали, что докладом царя трудить не для чего.

Очевидно, что при решении доводить или не доводить ход дела до сведения Петра, во-первых, принимался в расчет интерес, проявляемый Петром именно к данному делу, во-вторых, «важность» дела, что часто определялось самими следователями. Понятно, что в первом случае надо было докладывать царю, раз он сам спрашивает и интересуется; а во втором случае, если дело было «важное», то имелась возможность гнева царя на то, что ему о таком деле не доложили. Из одного письма Ушакова определенно видно, что докладывать о решениях по неважным делам (и не влекущим за собой больших, по понятиям того времени, наказаний) министры считали совершенно ненужным. «В канцелярии здесь, — пишет Толстому Ушаков, — вновь важных дел нет, а имеются посредственные, по которым... кнутом плутов посекаем, да на волю отпускаем». С другой стороны, раз дело важное (вроде дела Скорнякова-Писарева), то без доклада его решать считается невозможным, и даже следствием его прекратить, как пишет Толстой, «не безопасно нам будет».

Весьма часто, однако, Петр сам давал канцелярии указом безграничную свободу при рассмотрении того или иного дела. На докладе Толстого Петр пишет резолюцию, кото-

рой уполномочивает «о князе Мещерском⁹⁰ и о прочих с ним розыскивать и чинить по рассмотрению». В других случаях это «рассмотрение» часто заменялось «уложением» — резолюции Петра о решении дела «по уложению» встречаются довольно часто. «По именному Его Императорского Величества указу велено то дело решить по Уложению», — записывает в свой реестр подканцелярист Тайной канцелярии Семен Шурлов. Иногда же Петр указывал — дела отправлять для решения в Сенат, причем как бы давалась заранее санкция сенатскому решению. «Послать для решения в Сенат и, что приговорят, по тому чинить», — кладет резолюцию Петр по одному делу в экстракте, представленному ему Тайной канцелярией. Дело подьячего Курзанцева император тоже, «будучи в Канцелярии Тайных розыскных дел», указал «отослать в Сенат... и по тому делу указ учинить, чему надлежит».

Таким образом, хотя личная воля монарха стремилась во всех делах решать все сама, фактически это свелось к вынужденному делегированию царем части своей власти — совершенно произвольно, в зависимости от того или иного случая. Однако всегда это делегирование совершалось «по указу Его Императорского Величества».

С самых первых шагов деятельности Тайной канцелярии на протяжении всего царствования Петра каждое решение-приговор Тайной канцелярии облекалось в известную форму за подписями министров; всегда эти решения-приговоры начинаются фразой: «По указу Его Царского Императорского Величества». Именные царские указы, из которых приходилось выводить решения Тайной канцелярии, были общего характера, но конкретные выводы, сделанные министрами, оказывались равносильны этим указам; ведь они являлись — хотя бы и формально — неизбежным их следствием, которое указами как будто уже предусматривалось, а министрами только отсюда извлекалось — и более ничего. Мы это видели на определениях-приговорах по делам о ложном «слове и деле»: плутов своей властью просто посекали кнутом и отпускали на волю без всяких докладов царю. А между тем большинство этих решений выглядят так: «По указу Его Императорского Величества Канцелярия Тайных Розыскных Дел, сего дела слушав, определила...»

С другой стороны, были приговоры, утверждавшиеся Петром или, точнее, санкционированные им. Толстой пишет Ушакову: «Указал Его Царское Величество к вам писать о раскольниках, которые по определению вашему посланы в Ревель...» (май 1721 года). Иногда же приговоры являлись следствием прямых, по данному делу данных, конкретных указов императора. Несколько дел были решены Петром, вероятно, по экстрактам, и указ этот «объявил в Тайной Канцелярии» А. И. Ушаков, где по обычаю его занесли в указную книгу. В конце каждого из упомянутых в этом указе дел имеется все-таки «определение» Тайной канцелярии, помеченное несколькими днями позже указа; по обычной форме оно начинается словами: «По указу Его Императорского Величества» — и здесь такое выражение имеет реальное значение.

Таким образом, если, с одной стороны, в определениях Канцелярии тайных розыскных дел начальная фраза их — «по указу» и т. д. — действительно всегда обозначала подлинное существование такого указа, то, с другой стороны, не всегда в этом указе говорилось об определении наказания конкретному преступнику; иногда он касался только наказания, налагаемого за определенные преступления. Из этого ясно, что пределы, в которых Петр передавал свою власть министрам, были иногда чрезвычайно широки и неопределенны.

Замену конкретных указов общими можно наблюдать в течение всего существования петровской Тайной канцелярии; и в конце концов, как результат этого процесса, мы видим, что в 1721 году Тайная канцелярия доносит, что, кроме дел суздальского и кикинского, «другие дела, касающиеся до его государской чести, вершены по Уложению... и по военному Артикулу». Конечно, в это время случались и прямые указы по конкретным делам, но общая тенденция в направлении деятельности Тайной канцелярии, пожалуй, уже была определена.

В момент образования Тайной канцелярии в Петербурге, во все время, пока расследовалось царевичево дело и дела, к нему примыкающие, суздальское и кикинское, фактическим ее начальником был Петр. В этот период о роли

его указов говорить не приходится: он целиком распоряжался делами Тайной канцелярии, а министры были исполнителями его прямых велений. Однако и по прошествии этого особенного периода все-таки Петр раз в неделю ездил в Тайную канцелярию, где министры делали ему подробные доклады, а иногда Петр сам знакомился с следственными данными и допрашивал колодников. Когда ему приходилось уезжать в путешествия и, вероятно, когда он был очень занят, он требовал представлять экстракты по делам, и кто-либо из бывших при нем министров докладывал ему. Во время этих докладов Петр стремился войти, если находил нужным, поглубже в дело и давал указания, как вести следствие; иногда, впрочем, он повелевал министрам «чинить по рассмотрению».

Между тем появлялись резолюции, чтобы дела решать по уложению, и это постепенно стало входить в общую практику. Отражение этого мы, вероятно, имеем в малозначительном, в сущности, факте: в 1718, 1719 и 1720 годах Толстой, Ушаков, Бутурлин и Скорняков-Писарев звались исключительно министрами; в начале же 20-х годов это название исчезает, и Толстой со товарищи уже определенно и часто именуются судьями Тайной канцелярии. И в самом деле, в первое время они были только управлявшими Тайной канцелярией — властью административной, которой соответствовало значение слова «министры», но к 1725 году им была постепенно вверена власть судебная, сначала почти целиком бывшая в руках самого Петра. Одновременно и вся Тайная канцелярия изменяла свой характер: выросши из личной канцелярии при доверенном человеке царя, она понемногу начала принимать характер судебного учреждения, которое специализировалось на делах, связанных с государственными преступлениями.

Глава шестая Министры Тайной канцелярии

|

С марта 1718 года, со второго розыска, когда дело царевича Алексея расследовалось уже в Канцелярии тайных розыскных дел, во главе следствия стояли четыре лица. Трое из них вели следствие с самого его начала, это были Толстой, Ушаков и Скорняков-Писарев; четвертый следователь — И. И. Бутурлин — был присоединен уже в Петербурге указом Петра. В указной книге Тайной канцелярии за 1718 год именно эти четыре лица названы «министрами Тайной канцелярии». Следя далее за делами Тайной канцелярии, нетрудно убедиться, что эти «министры» являлись главными ее начальствующими лицами весь Петровский период. Достаточно сделать в кратких общих чертах обзор их функций, вскрывающихся из делопроизводства, дабы убедиться, что именно таково было их положение. Во-первых, все без исключения приговоры, определения, постановления, делаемые от имени Тайной канцелярии, подписаны или всеми, или некоторыми из этих четырех министров, и более никто, кроме них, своей подписи не ставил: во-вторых, они, и только они, докладывали Петру дела, выслушивали его указы и за

своими подписями записывали их в указных книгах; в-третьих, все дела препровождались обычно на имя кого-либо из министров, и в их власти было принять дело или не принять; в-четвертых, они являлись главными лицами при всем делопроизводстве в Тайной канцелярии: все зависело от них, все разрешали и направляли они, и только они; с ними сносились дьяки, им «репортуя» и у них спрашивая «указов».

Мы в третьей главе уже разбирали, каким образом эти четыре министра, каждый из них в отдельности, входили постепенно в Тайную канцелярию; ко времени же окончательного образования учреждения (в Петербурге, в марте 1718 года) все они формально как бы сравнялись в статусе, получив общее наименование «министры Тайной канцелярии». Займемся же подробным рассмотрением их роли и деятельности во врученном им учреждении. Прежде всего остановимся на их деятельности внутри самой Тайной канцелярии.

Как мы уже видели из письма Макарова к Бутурлину и Толстому, «министры» должны были докладывать царю во время его пребывания в Тайной канцелярии один раз в неделю — утром по понедельникам; мы видели, что во время царских посещений министры должны были предлагать Петру «экстракты» по делам для резолюций, причем обычно о каждом деле, кроме краткой резолюции, видимо, еще бывали дополнительные указы, дававшиеся во время разговора; указы эти, вернее, указания министры должны были точно усваивать, дабы иметь возможность «по сему чинить». Но министры присутствовали часто в Тайной канцелярии уже в роли ее полновластных управляющих, делая распоряжения, подписывая определения и приговоры.

С тех пор как в 1724 году была заведена запись в виде книги «протоколов» всего происходящего в Тайной канцелярии, мы имеем возможность точно знать, какого числа в канцелярии был, например, «генерал-майор и лейб-гвардии майор господин Ушаков» и что «в бытность его определено». Например, в 1724 году «августа в 27-й день в Канцелярии Тайных Розыскных Дел при присутствии тайного действительного советника сенатора и от л.-гв. капитана, превосходительного господина графа Толстого, генерала майора и от л.-гв. майора господина Ушакова бабам... в спорных меж

ими словах дана очная ставка»; «1725 года апреля в 19 день в Тайную Розыскных Дел Канцелярию при присутствии их сиятельства и превосходительства господ министров рострига Степан Выморков, во время слушанья из дела об нем обстоятельной выписки... со увещанием спрашиван...». И т. д.

Сохранились и отрывочные сведения такого рода, датированные 1719–1723 годами. В 1719 году архимандрит Александро-Невского монастыря присылает для следования в Тайную канцелярию одного монаха, сказавшего за собой «слово и дело». Когда оговоренные этим монахом лица были сысканы, то архимандрит этот был «спрашиван... перед действительным тайным советником, кавалером и от л.-гв. капитаном Петром Андреевичем Толстым»; есть указания в этом деле, что в дальнейшем допросы шли не только «перед» Толстым, но и «перед» другими министрами, а иногда «перед всеми четырьмя». В том же году в допросах по другому делу — человека, сказавшего, что государю недолго жить, — также участвовали все четыре министра. 1 ноября 1720 года раскольник Семенов «о вере в подтверждение распрашиван» был «перед» Толстым...

Все «слушанья» происходили и все приговоры выносились, за редким, надо полагать, исключением, в стенах Тайной канцелярии. Иногда министры не выходили наружу по многу часов. Есть сведения, что Ушаков ночевал иногда в помещении Тайной канцелярии.

Все это дает возможность достаточно полно уяснить занятия министров при их «присутствованиях». Главным их делом был допрос свидетелей и вынесение приговоров обвиняемым; допросы бывали с увещанием и, можно думать, с пытками. С допросами иногда было сопряжено чтение министрам выписок из дела; видимо, более серьезные показания обвиняемых перед произнесением приговора выслушивались от самих обвиняемых «в подтверждение»; при допросах делались, очевидно, и очные ставки колодникам, если это находили нужным.

Но допросами и вынесением приговоров дела министров не исчерпывались. Бывало, что колодники в ходе допроса «объявляли» новый донос или делали какое-либо важное дополнение к прежним признаниям, и тогда приходилось ре-

шать, открывать новое следствие или нет; иногда министры занимались разборкой поступивших бумаг и накладывали свои резолюции о дальнейшем их направлении. При этом ход многих мелких дел зависел от дьяков и подьячих, докладывавших министрам и предлагавших готовые решения; до нас дошла целая тетрадь под заглавием «Записка приказам Его Превосходительства Петра Андреевича Толстого», где разного рода решения по вопросам, которые считались незначительными, распределены по годам и числам.

Что интересно, вся эта деятельность совершенно не зависела от количества присутствующих в Тайной канцелярии в какой-то определенный момент министров; формально и один министр, и все они вместе имели одинаковую власть и могли заниматься всем нами вышеизложенным при своем «присутствовании». Это же касается и управления делами Тайной канцелярии вообще. Мы встречаем случаи, когда один министр начинает дело, другой продолжает; когда два министра по одному и тому же делу, в разных его стадиях, шлют свои указы дьякам, которые одинаково исполняют приказания обоих. Это не значит, что не было разницы между положением министров и в отношениях их друг с другом; однако это была разница во влиянии, а не в размерах власти, установленных какими-нибудь нормами.

В 1719 году по делу о ложном сказывании «слова и дела» определение учинено за подписью одного Бутурлина, и все дело, очевидно, велось только при нем; но в том же году расследовалось дело о доносе одного монаха на другого в «непристойных словах», и многочисленные по нему определения подписывали разные министры в разном составе; определение о выдаче награды за правый донос подписал один Толстой. В 1722 году одно дело о «слове и деле» целиком ведет один Ушаков, а другое — исключительно Гр. Гр. Скорняков-Писарев. В том же 1722 году определения по делу одного колодника сначала подписывает единолично Скорняков-Писарев, а в конце все приговоры подписывает, и тоже единолично, Толстой. Едва ли можно тут говорить о каких-либо различиях в делах, сообразно которым из дел выделялись пригодные к единоличному решению одного из министров; никаких следов этого подметить не удалось.

Скорее наоборот, выделялись дела, при решении которых, по особым каким-либо обстоятельствам, требовалась коллегиальность. Бывало, как мы указывали, иногда так, что по одному и тому же делу присылали свои «ордеры» два министра. Впрочем, противоречий между «ордерами» различных министров не встречается, что может быть объяснено предварительным обменом мнениями, который, видимо, происходил довольно оживленно; такого рода письма министров друг к другу сохранились во многих делах.

«Государь мой милостивый Петр Андреевич, — писал, например, Ушаков Толстому в ноябре 1722 года, — о состоянии здешнем доношу: за помощью Вышнего все благополучно. Из Москвы отправил я двух курьеров до Вашего Превосходительства с выписками по Левину делу, и оные до Вашего Превосходительства прибыли ль, о том я неизвестен и зело сомневаюсь, живы ль они... В Канцелярии здесь вновь важных дел нет, а имеются посредственные... Только мне зело мудрено новгородское дело, ибо Акулина многовременно весьма больна... а дело дошло что надлежало было ее еще розыскивать, а для пользования часто бывает у нее доктор, а лекарь беспрестано. Колодников имеется по делам ныне 22 ч.». На это письмо Толстой отвечает: «Государь мой Андрей Иванович! письмо ваше, моего государя, от 20-го января получил я вчерашнего числа в целости, за которое... благодарствую и сим моим ответствую. Сомнением вашим, государь мой, по новгородскому делу я весьма согласуюсь; и что распоп Игнатий при смерти скажет, на том можно утвердиться, и по тому его последнему допросу и бабам указ учинить, чего будут достойны; и тем оное дело окончать». Очевидно, что подобными письмами обменивались и другие министры. Конечно, обмен письмами происходил в отсутствие кого-либо из них в Петербурге, но из этого можно заключать, что дела, вероятно, всегда обсуждались предварительно министрами и уже потом результаты такого обсуждения обращались в поступки, определения, приговоры, хотя бы и бывшие за подписью только одного министра; тем не менее ясно, что коллегиальности нормальной и правильной — как мы ее теперь понимаем — в решении дел между министрами, видимо, не существовало.

Кроме этой деятельности в недрах самой Тайной канцелярии, министры, как мы уже знаем, докладывали по делам императору, обычно извещая друг друга о таких докладах. Пересылая Толстому выписки для доклада Петру, Бутурлин кончает письмо: «...и какой будет указ, и о прочем, что чинить, прошу покорно Вашего Превосходительства ко мне отписать». Но не только царю делали доклады министры; докладывали они, когда требовалось, также Сенату, роль которого по отношению к Тайной канцелярией была ролью апелляционной инстанции. Всем остальным учреждениям империи Тайная канцелярия посылала или указы, или промемории, поскольку никому более не была подотчетна.

При отъезде «министров» из Петербурга и Москвы их деятельность по управлению Тайной канцелярией не прекращалась; в таких случаях дьяки тщательно доносили им письмами обо всем происходящем; надо заметить, что такого рода переписка велась почти исключительно с Толстым и Ушаковым и чрезвычайно мало с двумя другими министрами. В одном деле 1721 года сохранилось изрядное количество писем министров к Топильскому⁹¹ — тогда секретарю канцелярии — со всевозможными распоряжениями (о приеме новых дел, как расспрашивать колодников, о чем вести допросы, как колодников содержать и проч.); все это были ответы на запросы, с которыми секретарь постоянно в длинных письмах обращался к министрам.

Дошел до нас ряд таких писем секретарей к отсутствующим «министрам» Ушакову, Толстому и редко Скорнякову-Писареву и от 1722 года; тут опять наглядно видно, как за каждой мелочью секретари обращались к «министрам», обо всем прося «ордеров», а министры ставили приговоры на основании доставляемых им от секретарей материалов. Вот что, например, пишет Топильский Ушакову: «Превосходительный господин генерал-майор и лейб-гвардии майор, милостивый государь мой Андрей Иванович, Вашему превосходительству покорно доношу: по присланному ко мне ордеру сего мая 22-го дня по извету камер-коллегии вахмистра Максима Перова о словах князя Дмитрия Михайловича Голицына дворецкого Михаила Подамукова я следую, в чем явились ныне 5 человек, которых я расспросил, а по

тем расспросам надлежит, сыскав, спросить разных чинов людей еще 9 человек, и оных, государь, я спрашивать буду, а расспрося, дав им очные ставки, что покажется, из того всего учиня выписку, вашему превосходительству донесу впредь. За рукою секретаря Ивана Топилскаго, мая 24-го дня 1722 году». В том же 1722 году вахмистр Петров и некто Подалецкий доносят в Тайную канцелярию о важном деле; допросив их в кратких чертах, Топильский пишет Толстому, говоря, что ничего не смеет сделать без его повеления и в ответ получает подробные инструкции. Одновременно Топильский, приняв новое дело, сообщает об этом Ушакову, а тот велит принятое дело «исследовать». Все это с достаточной определенностью говорит о том, что министры, даже отсутствуя, продолжали управлять Канцелярией.

Такой в общих чертах видится деятельность министров Тайной канцелярии. Попавшие сюда еще в период ее образования, доверенные люди Петра, они в начальный период ее истории сгруппировались вокруг П. А. Толстого — наиболее влиятельном из тех, кто принимал участие в царевичем розыске. Здесь может возникнуть вопрос: если это так, то, может быть, в самой отдаленной основе Тайной канцелярии и лежала канцелярия ведения П. А. Толстого, но ввиду важности и необычности дела царевича, потребовавшего особенных следователей, позже ставших «министрами», она тут же, почти немедленно, потеряла характер «канцелярии ведения», и постепенно, при активном участии министров, образовалось учреждение, весьма отличное от майорских канцелярий? Такого рода соображение заставляет нас подробнее остановиться на каждом из министров отдельно. Начнем с Петра Андреевича Толстого.

II

Сведений о первой половине жизни Петра Андреевича Толстого сохранилось очень мало. Он был сын стольника, а затем думного дворянина Андрея Васильевича Толстого; «по отечеству» и Петр Андреевич получил чин стольника. Буду-

чи связан родственными отношениями с Милославскими, Толстой принимал участие в организации стрелецкого бунта, доставившего власть Софье. И уже тогда он обращал на себя внимание: Матвеев говорит об Иване и Петре Андреевых детях Толстых, «в уме зело острых и великого пронырства и мрачного зла втайне исполненных». После смерти Милославского, в 1685 году, Толстой отдалился от сторонников царевны Софьи. В 1693 году он был назначен воеводой в Устюг, а в январе 1697 года был отправлен за границу учиться вместе с другими стольниками, где — именно в Италии, — обучаясь мореходству, пробыл около двух лет. По прибытии в Россию почти три года Толстой был не у дел; лишь в 1701 году Петр назначил его посланником в Константинополь. Когда началась война с Россией в 1710 году, турки посадили Толстого в семибашенный замок, где он с большими лишениями провел почти полтора года до самого заключения мира. В Россию он вернулся в 1714 году, а с 1715 года стал зваться «министром тайных чужестранных дел коллегии» и принимать большое участие в русской дипломатии тех лет. 1 июля 1717 года Толстой получает от Петра поручение разыскать и вернуть в Россию бежавшего царевича Алексея; это поручение было исполнено, несмотря на его трудность; чин «действительного тайного советника» и деревни на придачу явились ему за это наградой. Затем Толстой становится во главе Тайной канцелярии, делается президентом Коммерц-коллегии и остается до конца царствования Петра одним из влиятельнейших приближенных царя. 8 мая 1724 года Петр жалует ему графский титул собственноручной запиской. Пользовавшийся сначала большим влиянием при Екатерине I, Толстой был в конце ее царствования свергнут Меншиковым и умер в изгнании в Соловецком монастыре в 1729 году.

Такова краткая биография первого министра Тайной канцелярии. Воспитанный при дворе, в атмосфере интриг и заговоров, проведя там первые годы службы, и отнюдь не в качестве только свидетеля событий, Толстой затем попадает в провинцию, откуда на несколько лет уезжает за границу, где, видимо, внимательно наблюдает все его окружавшее; потом живет двенадцать лет в Турции и, по приезде в Рос-

сию, оказывается в гуще дипломатической жизни; затем исполняет важное, но щекотливое поручение в области сыска и наконец становится во главе центрального учреждения, ведавшего русскую «коммерцию». Таков разносторонний опыт, которым жизнь наградила Толстого. И в результате соединения этого опыта с большим умом и прирожденными способностями вышел заметный в тогдашней России человек. Петр Великий сказал раз про Толстого: «Голова, голова, кабы ты не была так умна, я давно бы отрубить тебя велел». Известный мемуарист камер-юнкер Берхгольц говорит, что «это человек приветливый, приятный, хорошо говорит по-итальянски»; французский посланник Кампердон писал про Толстого: «...это человек ловкий, способный, опытный... это умнейшая голова в России; не домогаясь никакого преимущества перед своими товарищами, он умеет со всей ловкостью хитрого политика соединять их на все, о чем тайно соглашается с императрицей». Сейчас же после смерти Толстого его биографию написали французский консул Вьярдо и датский посланник Вестфален, а английский посол немедленно отправил копию с записки Вестфалена к своему двору.

Вспомним характеристику, данную Толстому Матвеевым, и станет ясным, что современники единогласно считали Толстого незаурядным человеком. Однако народная молва полагала именно его виновником смерти царевича Алексея, и есть основания предполагать, что Толстой, будучи в Константинополе, отравил дьяка, который мог ему повредить. В общем, Толстой в средствах не стеснялся.

В позднейшем представлении потомков краски сгустились, и Петр Андреевич Толстой был возведен в ранг злодея, насквозь пропитанного коварством; вряд ли это справедливо, но, как бы то ни было, в фигуре Толстого на первый план выступает его тонкая, приветливая хитрость, ни перед чем не останавливающаяся при достижении намеченных целей, тесно связанных с личными выгодами и расчетами. Был ли Толстой жесток? Едва ли; скорее он был равнодушен; но, если надо было быть жестоким для достижения чего-либо, Толстого это не останавливало и не ограничивало в действиях.

Есть ряд указаний, что Петр Толстой все время сохранял преобладающее влияние в делах Тайной канцелярии. Мы видели уже, какое участие он принимал в этих делах; позволим себе в дополнение показать, сколь внимательно входил Толстой в самые мелкие дела. Вот чрезвычайно характерное в этом отношении письмо его к дьяку Палехину, который часто исполнял в Москве поручения Тайной канцелярии. «Господин дьяк Палехин, — пишет Толстой, — письма твои, отпущенные из Москвы минувшего февраля от 22, а именно: первое — о сыске вдовы Акулины Григорьевой дочери, второе — о Федоре Горшке; третье — о бывшем Пишеговской пустыни игумене Симоне; четвертое — о подметных письмах, которые сожжены в Владимире; пятое — о высылке Постельникова; шестое — о раскольницах, кликушах и о Мещерском; да от 24 дня того же февраля о сыску помянутой же вдовы Акулины письмо и дубликат, два письма о Федоре Горшке из его распросу — получены сего марта 1 дня; и по получении сего Ивану Нарышкину и жене его объяви государев указ, чтоб они были в Москве из дому своего неотлучно до указа, а людей их, которые в доме при них есть, в деревни не посылали б, а которые их люди про бабу Акулину поручику Заозеркину сказывали, также и других всех их Нарышкиных людей в канцелярию под караул заberi, и распроси их о той бабе накрепко в застенке порознь, объяви им с великим пристрастием указ: ежели кто покажет о ней к отысканию, тот награжден будет, а кто прикроет, а о том сыщется, что ведали, тому смерть без всякого милосердия и пощады; и, как возможно, со всяким усердным тщанием отыскивай немедленно; и буде к сыску той бабы следу не будет, то Ивану Нарышкину и жене его объяви, ежели они вскоре не сыщут той Акулины Григорьевой дочери, взяты будут сюда; а людей Нарышкина, кои ее не знают и не важно из их распросов покажется, тех свободы, и о получении сего и что станет чиниться, о том почаще к нам пиши неукосня, дабы было без сомнения в получении писем; а задержанную бабу Акулину Иванову дочь из-за караула свободы; а по распросу Федора Горшка о присылке к тебе из Казани подлинного всего дела писали мы в Казань к губернатору господину

Салтыкову, и как ты оное дело получишь, рассмотри его и учини выписки, подлинную и перечневую, и к нам пришли неумедля; а Начаткина человека Крюкова сыскивать и по сыску спрашивать. Петр Толстой.

3 д. марта 1721 года из Санкт-Петербурга.

Для Бога потрудись, что бабу Акулину, конечно, сыскать и не слабовато поступать».

Толстой действовал в Тайной канцелярии как бы наравне с другими министрами, и род его деятельности в общем не отличался от их деятельности. Однако мы имеем определенные данные, указывающие на то, что Толстой занимал несколько особое положение. В одном письме Толстого от 1721 года говорится: «...и как мнением в Тайной Канцелярии определено, тому мнению и Его Превосходительство свое мнение согласует».

Сохранилось и такое определение Канцелярии: «1723 г. февраля в 6 день по указу Его Императорского Величества Канцелярия Тайных дел, слушав сего дела и выписки, определила...» и т. д., а в конце, после приговора: «...и сего определения писать в Москву к Его Превосходительству Петру Андреевичу Толстому. Ушаков Андрей». Другое определение, тоже за подписью Ушакова, кончается так: «...однако ж о том требовать совету от господина действительного тайного советника кавалера Толстого, и о том к нему писать. 17 января 1724 года». Иногда Толстому докладывались экстракты по делам, которые возникали в его отсутствие: «...Тайный действительный советник кавалер и от лейб-гвардии капитан Петр Андреевич Толстой по прибытии своем из Москвы... слушав экстракта, и по... делу о скверных сумасбродных словах Нарвского пехотного полку солдата Евстрата Черкасского... учинил... оного Черкасского послать в Каменной монастырь с нарочным и велеть его тамо содержать скованна неисходно из монастыря за присмотром... Петр Толстой». В 1723 году Ушаков посылает Толстому экстракты при следующем коротком письме: «Государь мой милостивый Петр Андреевич! До Вашего превосходительства предлагаю при сем по Тайной Канцелярии о нерешимых делах экстракт. А какие и о чем, тому значит при сем реестр, по которым требую резолюции, что чинить; и так

остаюсь Вашего превосходительства раб Ушаков Андрей». В мае 1721 года, посылая Толстому экстракты по делам и излагая свое о них мнение, Бутурлин задает вопрос: «И по тому донесению что чинить?» Таким образом, один из министров Тайной канцелярии не решается дать дальнейший ход делам, не испросив санкции Толстого. На это письмо Толстой ответил: «Как вы изволили свое мнение объявить... тому вашему мнению и я согласуюсь». И вслед за этим уже Ушаков пишет Толстому, что он видел его письмо Бутурлину и, «усмотря ваше, государя моего, о делах канцелярских мнение, тою материю, как в письме Ивана Ивановича предъявлено, исполнять будем». Необходимо иметь в виду, что при тщательном просмотре дел Тайной канцелярии, не удалось найти и следа подобного рода обращений к какому-либо другому министру; только одного Толстого и спрашивали министры — причем спрашивали в более или менее важных случаях всегда.

Впрочем, и в более мелких делах Ушаков не решался обходиться без согласия Толстого. В 1720 году Ушаков пишет Толстому о просьбе канцеляриста Гуляева⁹² отпустить его в отпуск в Казань: «того ради, — пишет Ушаков, — сам государю моему доношу, повелишь ли его Гуляева... отпустить». На это Толстой отвечает: «Извольте для докучной его просьбы по желанию его отпустить».

В общем, можно сказать, что все министры Тайной канцелярии считали себя обязанными доводить свои действия до сведения Толстого. Он принимал это, как должное, и, хотя в очень осторожной, вежливой форме, всегда отвечал на эти запросы определенно и вовсе не частным образом, как может показаться, а совершенно официальным порядком — его ответы заносятся в книги Тайной канцелярии.

При этом необходимо заметить, что дьяки считали своим долгом уведомлять более или менее обо всех делах Тайной канцелярии не только Толстого, но и Ушакова; однако что касается до Ушакова, то мы уже видели его несколько низшее положение по отношению к Толстому. В мае 1722 года Толстой делает секретарю Топильскому такое распоряжение: «...во отсутствие мое в поход... по делам Тайной Канцелярии о чем надлежит репортуй генералов майоров и лейб-

гвардии майоров Андрея Ивановича Ушакова да Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева, а ко мне писем уже не пиши».

Если постараться резюмировать в одном выражении то положение среди министров, какое, видимо, занимал Толстой, то мы не очень ошибемся, назвав его «первоприсутствующим министром», а в известной мере и главой Тайной канцелярии. В августе 1726 года состоялось определение Тайной канцелярии о выдаче вознаграждения за один правый донос, в котором, в объяснение задержания выдачи этого награждения, читаем: «...обозначенного награждения ему, Комарову, было не учинено для того: Тайной Розыскной Канцелярии член в Санкт-Петербурге был один, а первенствующий в Москве обретался»; под этим определением подписались Толстой и Ушаков. Итак, награждения нельзя было учинять без первенствующего, который отсутствовал; теперь это награждение учиняется, то есть «первенствующим» — может быть или Ушаков, или Толстой, подписавшие определение. Это не может быть Ушаков, так как мы ранее видели его несколько зависимое положение от Толстого; следовательно, «первенствующим» министром Тайной канцелярии назывался Толстой. Если мы примем еще во внимание, что в определениях подпись Толстого стоит обычно первой (выше, или как бы конкурируя с подписью Бутурлина), то едва ли останется сомнение для заключения, что роль Толстого как министра была отлична от роли других министров: он был среди них «главным».

Самостоятельность же остальных министров была многим более обычной самостоятельности ассессоров канцелярий «ведения». Впрочем, мы видели, как и в майорских канцеляриях ассессоры из простых помощников главы канцелярии обращались иногда в самостоятельно управлявших ею лиц. Таким образом, хотя положение министров сравнительно с ассессорами и было на первый взгляд иным, это не касалось качественной стороны; по существу, Тайная канцелярия восприняла целиком принципы, на которых строились отношения ассессоров в канцеляриях «ведения».

III

Второй министр Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков, или «от гвардии майор Ушаков Андрей», как он всегда подписывался, в 1704 году вступил добровольцем-солдатом в Преображенский полк вместе с другими дворянами. В 1707 и 1708 годах мы встречаем Ушакова уже в чине поручика на Украине, где он занимается набором лошадей для войска и исполняет поручения царя по усмирению Булавинского бунта; от этого времени до нас дошел ряд писем Ушакова к Петру. В 1714 году, по особому именному указу Петра, Ушаков послан в Москву для розыска о пожаре, происшедшем на пушечном дворе, и еще о какой-то «бабе Лодыгиной». В том же году Петр дает Ушакову инструкцию проведать тайно в Москве: 1) о кражах по подрядам, 2) о воровстве в военной канцелярии, 3) о ратушных делах московских, 4) об утайке крестьянских дворов и 5) об укрывающихся от службы. В 1717 году, через три года, Ушаков занимается набором матросов и в то же время наблюдает за постройкой кораблей в Петербурге; последнее занятие было его обязанностью во все дальнейшее царствование Петра. В феврале 1718 года Ушаков исполняет поручения о наборе разных мастеровых людей для Санкт-Петербурга, а также по набору рекрутов и обо всем этом доносит письмами непосредственно самому царю.

С 1718 года Ушаков является одним из главных министров Тайной канцелярии. Так от лейб-гвардии майор невысокого происхождения, из солдат-преображенцев, он становится доверенным человеком императора — деятельным, ловким, способным на всякие дела: и корабли строить, и розыски чинить. В дальнейшей своей жизни, благополучно прошедши чрез все Сциллы и Харибды во все царствования первой половины XVIII века, оказавшись всегда и всем нужным, Ушаков достигает чина генерал-адъютанта и графского достоинства; он умер в 1747 году.

Роль Ушакова в Тайной канцелярии в общем совпадала, конечно, с ролью других министров; однако нельзя не обратить внимания на то, что более всего распоряжений и вме-

шательств в разного рода дела мы встречаем именно со стороны Ушакова; он, видимо, весьма активно распоряжался в Тайной канцелярии; обо всех почти делах доносили и писали дьяки и секретари Толстому (по более важным делам) и ему — иногда тождественными письмами, испрашивая разного рода «ордеров». Только в ряде дел, очень редко, такая же роль заметна у Бутурлина и Скорнякова-Писарева; но лишь между Толстым с Ушаковым мы находим интенсивную переписку по значительным делам; письма других двух министров, следы их участия в делах имеют спорадический характер. Таким образом, есть основание думать, что в прямом смысле управляли делами Тайной канцелярии два министра: Толстой и Ушаков.

Как глубоко Ушаков входил в дела Тайной канцелярии, можно видеть из письма Ушакова секретарю Топильскому: «Господин секретарь Топилский! Сего февраля 27 дня на письма твои, отпущенные из С.-Петербурга от 20 д. сего же месяца, писал я к тебе, чтоб о колоднике беглом солдате Коновалове (на которого показал важные речи Корноухов) послать в гарнизон промеморию, чтоб его тамо содержать до указа за крепким караулом, также и свидетелей, которые от Корноухова показаны, чтоб сыскать в Тайную Канцелярию и держать до письма отсюда за крепким же караулом; а с распросу упомянутого колодника Корноухова дабы ты прислал копию. Февраля в 28 числе при письмах твоих к его превосходительству Петру Андреевичу и ко мне от 21 д. сего февраля присланы с означенных Корноухова расспросных речей копии, которые мы смотря, сим тебе даем знать: вышеписанного беглого солдата Коновалова в показанных от Корноухова словах расспроси с ясностью и свидетельствуй, не сумасбродник ли он какой; и буде по свидетельству явится, что он сумасбродный, то отошли его по прежнему в гарнизонную канцелярию и вели его держать по прежнему за крепким караулом, а нас о том репортуй; а буде он явится не сумасбродный, и в показанных от него злых словах станет стоять упорно или к тому своему зломыслию покажет и других согласных ему, то его Коновалова и согласных ему, заковав в кандалы, также и расспросные их речи пришли сюда немедленно за крепким караулом; а ежели против расспро-

су Корноухова и Коновалова и свидетелевых покажется какая рознь, то о том нас репортуй же. Слуга ваш Ушаков Андрей. Марта 2 дня году 722. Москва».

А вот письмо Ушакову о делах, бывших в Москве, от секретаря тамошнего отдела Тайной канцелярии Василия Казаринова: «Превосходительный господин, господин генерал-майор и лейб-гвардии майор, премилостивый государь мой Андрей Иванович... доношу: прошедшего мая 14 числа при ордере Вашего Превосходительства прислан указ в Астраханскую губернию о сыску и о присылке в Санкт-Петербург в Тайную Канцелярию для допросу человека Михаила Чирикова⁹³ Григория Никитина... а поискать бы его, Никитина, в Москве; и, ежели сыщется, прислать бы его в Тайную Канцелярию, а буде его не сыщется, то оный указ послать в тою губернию немедленно; и по тому Вашего Превосходительства ордеру в Москве лейб-гвардии Семеновскому полку поручика Михаила Чирикова человек Алексей Григорьев под страхом смертныя казни сказал: Григорий де Никитин у одного помещика его Чирикова был назначаем; и в прошлом 722 году после святые недели в бытность его в нижегородской оно-го помещика вотчине, в селе Румянцове, он, Никитин, умер и погребен в том селе у церкви Казанской Богородицы священниками Алексеем Павловым, Григорьем Степановым... а для сущего свидетельства о смерти помянутого Никитина послал я в Нижегородскую губернию к вице-губернатору господину Ржевскому указ (а означенный присланный в Астраханскую губернию указ за вышеписанною сказкою удержан); и сего сентября 3 дня прислано из Нижегородской провинции в Канцелярию Тайных Дел доношение в пакете за печатью, на котором подписано: о приказчике Чирикове; и я оный пакет по означенному Вашего Превосходительства ордеру распечатал, и усмотрел, что в нем — свидетельство о помянутом Чирикове и приказчике; и то свидетельство и означенный из Тайной Канцелярии во Астраханскую губернию указ прилагаю при сем. Вашего Превосходительства премилостивого моего государя всепокорный и верный раб Василий Казаринов. Сентября 10 дня 1723 году, Москва».

Необходимо иметь в виду, что ни одного письма такого характера от секретарей с докладами о делах нам не попа-

лось на имя кого-либо из других министров, кроме Толстого и Ушакова: Все это дает основание полагать, что после Толстого наиболее влиятельным министром Тайной канцелярии был Ушаков. Причем Толстой сохранял за собой высшую власть и влиял на решение всех дел, а Ушаков почти целиком руководил делопроизводством учреждения.

До нас дошла еще маленькая, небезынтересная подробность об Ушакове: в 1722 году он получал 585 рублей 30 алтын 2 деньги жалованья в треть, то есть 1755 рублей в год; жалованье это ему выдавалось из главного комиссариата.

Так два выдающихся человека стали во главе Тайной канцелярии. Умелое выполнение возлагаемых на них поручений привело к тому, что Петр стал поручать Тайной канцелярии все больше дел, и так продолжалось впредь до указа 1722 года, согласно которому вообще все дела по «слову и делу» должны были присылаться в Тайную канцелярию. Так что едва ли возможно отрицать, что именно подбор министров обусловил поначалу прочное существование Тайной канцелярии и постепенное превращение ее в настоящее учреждение, которое в дальнейшем своем существовании, конечно, уже не так зависело от личностей.

О деятельности Бутурлина и Скорнякова-Писарева в качестве министров Тайной канцелярии много говорить не приходится. Известно, что сравнительно большую деятельность проявлял Гр. Скорняков-Писарев. Это был человек из близких в то время Петру офицеров — видимо, энергичный и умный, хотя никакими способностями не выдававшийся из общего ряда. Начав свою карьеру в гвардии, к 1718 году он был «от бонбардир капитан». Скорняков-Писарев часто посылался Петром по разным поручениям, в большинстве военного характера, вплоть до посылки его в Суздаль по «суздальскому розыску», после чего он и попал в состав министров Тайной канцелярии. В 1722 году, в бытность Скорнякова-Писарева уже генерал-прокурором Сената, у него происходит знаменитое столкновение с бароном Шафировым⁹⁴, вследствие чего Скорняков-Писарев и сошел с правительственной арены. Участие Скорнякова-Писарева в делах Тайной канцелярии продолжалось вплоть до самого его падения в 1723 году. Никогда не играя руководящей роли,

Скорняков-Писарев всегда подписывал последним ее определения и приговоры; он считался как бы самым младшим из всех министров, однако следы его непосредственного участия в делах иногда попадают; есть даже ряд не особенно значительных дел, которые были вершены под прямым руководством Скорнякова-Писарева. Кроме того, он принимал участие и в крупных делах: например, мы имеем его письмо к Палехину по так называемому «новгородскому» делу. Письмо это ясно показывает, что Скорняков-Писарев принимал в нем близкое участие.

Позволю себе привести это письмо целиком ввиду его характерности: «Господин дьяк Палехин. Сего месяца в 20 числе писали мы к вам о сыску в Москве некоторой вдовы Акулины Григорьевой дочери, о которой ныне след показывается; против наших писем писал к нам из Новгорода гвардии господин капитан-лейтенант Иван Невельский и прислал с допросов копии, с которых для подлинного известия при сем сообщаем копию, а к Невельскому писали мы, чтоб он племянника той Акулины — Ивана Гусакова с нарочным солдатом от себя отправил к тебе немедленно, и как тот Гусаков к тебе будет привезен и ты его вели расковать и держать в крепком карауле и до указа кормить; а о той бабе в доме Ивана Нарышкина прежде вели уведать от себя, мимо того малого, искусно (якобы от сестры ее письма есть) или другим каким образом. Буде ж не станут сказывать, то учинить посылку или и сам съезди да спроси Ивана Нарышкина и жену его о той Акулине, с ними она съехала, ныне где. Мы уповаем, что он, Нарышкин, ныне в Москве для свадьбы дочери его. Буде ж их в Москве нет, пошли по них нарочного тотчас, чтоб были в Москву и по прибытии спроси и, как возможно, благоразумно приложи труд и старание в сыску оной Акулины, ибо до нее превеликие дела касаются, ежели ж они, Иван Нарышкин и жена его, будут отговариваться, что ее не знают, или и знали да в Петербурге, в Москве у них она не бывалась, как можешь, отыскивай ее, мы в том на вас весьма благонадежны остаемся; а как отыщешь и Гусаков скажет, что она та, тотчас ее за крепким караулом, придав человека три солдат сюда пришли, а малого Гусакова вели в Новгороде оставить... а ежели у Нарыш-

киных отыскать Акулины не возможно, то скажи Гусакову, чтоб ее Акулину Гусаков сыскивал, как возможно и для того посылай его за крепким караулом и объяви ему, Гусакову, ежели он не сыщет и за то ему жестоко учинено будет и что станет чиниться. Почаще сюда к нам пиши, а Гусакова за караулом держи. Григорий Скорняков-Писарев. 24-го января 1721 году. Из Санкт-Петербурга».

Однако следов столь глубокого вхождения в дела Скорнякова-Писарева встречается мало; не так часто он подписывает приговоры и определения. В письмах же к нему секретарей и дьяков мы нигде не встретили ответов, или вопросов, или донесений о делах; если эти письма и есть, то все они касаются только того или иного конкретного дела. Таким образом, Скорняков-Писарев, видимо, мало участвовал в общем управлении Тайной канцелярией.

И совсем в этом управлении не участвовал Иван Иванович Бутурлин, хотя иногда он подписывался под приговорами, и даже на первом месте. Необходимо заметить, однако, что с 1722 года уже не встречается признаков участия Бутурлина в делах. Таким образом, последние годы существования Тайной канцелярии — 1724, 1725 и начало 1726 годов ею управляли исключительно Толстой и Ушаков.

Итак, Канцелярия тайных розыскных дел управлялась четырьмя министрами, четырьмя близкими и доверенными лицами Петра; первый взгляд показывает, что управление это распределялось между министрами, как между формально равноправными товарищами; однако более детальное углубление в изучение делопроизводства с достаточной ясностью указывает на преимущественное положение, которое занимал в этой коллегии П. А. Толстой. Кроме этого «первенствующего» министра, выделялся своею деятельностью другой министр — Ан. Ив. Ушаков, являвшийся как бы ближайшим помощником Толстого. Сравнительно в стороне стояли Скорняков-Писарев и Бутурлин.

Глава седьмая Роль Тайной канцелярии как учреждения

Именным указом в сентябре 1718 года велено было Тайной канцелярии дать Сенату сведения о колодниках, которые содержались в ней по разным делам. В реестре, поданном согласно этому указу, мы находим все дела, бывшие тогда в компетенции Тайной канцелярии. Эти дела — и колодники, по ним содержащиеся, — распределены по разрядам: 1) по «адмиралтейскому ревельскому делу»; 2) по «астраханским делам»; 3) «касающиеся к расколу»; 4) «по тайным делам»; кроме того, есть группа, которой не дано название, да имеется особое дело — о краже корабельных лесов на Днепре.

Надо заметить, что такое же разделение дел существует и в других «реестрах» Тайной канцелярии. В реестре же дел, представленном в 1726 году императрице, при передаче Тайной канцелярии в ведение Ромодановского, дела, бывшие в производстве за все время ее существования (1718—1726 годы), распределены таким образом: 1) дело суздальское и кикинское; 2) дела секретные, расследовавшиеся во исполнение первых двух пунктов указа 1715 года; 3) дело ревельское адмиралтейское; 4) дело о раскольниках; 5) де-

ла «интересные и по прошениям» и б) «дела астраханские». Сопоставляя реестры 1718 и 1726 годов, нетрудно заметить, что группировка дел в главном не изменилась — значит, она была прочной и солидной, а не случайно возникала каждый раз вследствие того или иного обстоятельства.

Поэтому достаточно уверенно можно сказать, как именно Тайная канцелярия делила находившиеся у нее в производстве дела. В первую группу входили дела, которые теснейшим образом примыкают к делу царевича Алексея и, можно сказать, сливаются с ним, — таковы были дела Кикина и бывшей царицы Евдокии, матери царевича Алексея. Вторую группу составляли дела по «слову и делу». Третья группа объединяет все, что касается адмиралтейского дела, связанного с разного рода грандиозными хищениями в ревельском порту. Четвертая группа — дела раскольников. В пятую группу входили дела «интересные» — по расследованию всякого рода хищений казенного имущества и денег. Наконец, в шестую группу выделялись «дела астраханские» — о всякого рода злоупотреблениях, найденных и расследованных в Астрахани Богданом Скорняковым-Писаревым и переданных указом Петра в Тайную канцелярию. Из всего этого видно, какого характера дела ведались Тайной канцелярией.

Важнейшими среди них считались, во-первых, все дела, связанные с розыском по делу царевича Алексея; во-вторых — дела, соответствующие первым двум пунктам указа 1715 года; это заметно хотя бы по количественному соотношению этих дел и дел, относящихся к иным группам. Весьма серьезное внимание Петр также уделял преследованию и наказанию раскольников; он придавал раскольничьим делам серьезное политическое значение.

При желании кратко очертить объекты внимания Тайной канцелярии мы не можем не остановиться на той же формуле, которую употребляли, когда речь шла о предметах ведения майорских розыскных канцелярий, ибо, по сути, компетенция Тайной канцелярии также определяется тремя пунктами указа 1715 года. Так, еще раз вскрывается непосредственно близкое, кровное родство «розыскных канцелярий ведения» и «Канцелярии Тайных Розыскных Дел».

Иногда совершенно случайно попадали в Тайную канцелярию и такие дела, весьма различные между собой, которые никак не могут быть подведены ни под один пункт указа 1715 года; надо, впрочем, заметить, что таких дел было мало сравнительно с общей массой. Наличие этих дел, однако, еще больше убеждает нас в родстве, о котором мы только что говорили: вспомним канцелярию князя Долгорукова, где расследовался агломерат дел, многие из которых не имели никакой связи с порученным канцелярии предметом ведения. Уже говорилось, что подобная ситуация вполне объяснима применительно к учреждению, чья деятельность построена исключительно на прямых поручениях.

С другой стороны, можно без тени сомнения утверждать, что подробный разбор дел Тайной канцелярии, во-первых, обнаруживает с большой ясностью кое-какие ее отличия от майорских канцелярий и, во-вторых, дает возможность проследить эволюцию этих отличий и понять, как канцелярия ведения П. А. Толстого, образованная, дабы выполнять личные поручения, постепенно превращалась в государственное учреждение.

Мы уже знаем, что, собственно, всю свою силу и значение и отчасти название Тайная канцелярия получила в результате розыска по делу царевича Алексея, которым была занята с марта по август 1718 года. Однако в мае этого же года через нее проходит дело о разрешении купцу Фельтену беспошлинной торговли вином. Письмом от 8 августа Петр поручает Тайной канцелярии (точнее — Толстому) ревельское адмиралтейское дело; с марта по ноябрь тянется здесь дело Марии Гамильтон; ко второй половине 1718 года относятся дела о князе Мещерском, ложно приписавшем государю какие-то слова про князя Долгорукова, и о тихвинском архимандрите, совершавшем тайные молебны перед якобы чудотворной иконой. В ноябре того же года возникает дело по поводу неких таинственных писем купецкого человека Резанова, а в декабре следовало дело о поляке Носовиче, обвинявшем русского посла в Польше — Долгорукова⁹⁵ — и в измене, и в нерадивости по должности, и во взятках. В том же году велось большое дело по доносу некоего Зверева на майора Фуникова в расхищении им казен-

ных денег и имущества. В 1719 году число подобных дел еще больше возрастает.

Постепенно новые дела все более заполняют делопроизводство Тайной канцелярии. Наибольшее их количество было связано с оскорблением царского величества (или могло быть подведено под это понятие). Дела о произнесении непристойных и ругательных или оскорбительных слов по адресу Петра и Екатерины или же о совершении оскорбительных для государевой чести действий составляют 35–40 процентов всего количества «важных» дел.

Ругательства по адресу царя или императрицы, говоримые или в раздражении, или в пьяном состоянии, легко находили доносителей, которые и объявляли о них Тайной канцелярии. А там дело никогда из рук не выпускалось: каждый донос влек за собой самое внимательное к нему отношение и тщательное расследование.

Не всегда непристойные слова являлись простой руганью, сказанной безотчетно. Есть несколько дел, в которых проглядывает прямо отрицательное отношение к Петру. В 1723 году один крестьянин говорил громогласно, что Петр — «это неистовый царь; никак он швед»; один раскольник в том же году толковал пророчество Иезекииля о Гоге и Магоге: «Гог — гордость султана турецкого, Магог — владение нашего государя», а также: «Магог — наш российский государь император». Тогда же были уличены несколько баб в том, что прилюдно называли царя антихристом. А жена Маремьяна говорила своим знакомым, что «де царь не царской крови и не нашего русского роду, но немецкого». В 1719 году некий архимандрит говорил про царицу: «Какая она царица? Она некая бусурманка», а о царе — что «он христианскую веру оставил и носит немецкое платье, и бороду бреет... и благочинья в нем нет» Все эти преступления тщательно и внимательно «следует» Тайная канцелярия.

Служили предметами дел Тайной канцелярии и слова о Петре или Екатерине, в которых можно усмотреть непочтительное к ним отношение. В 1723 году один монах сказал: «Пускай государь умрет, а царицу я за себя возьму». В том же году колодник Муравшик говорил, что император живет хуже старца. Некий помещик Харламов заявил, что

государь врет; в 1723 же году разрослось громадное «вологодское» дело, начавшееся изветом на протодиакона вологодской соборной церкви, будто бы говорившего, что «государь де у нас... не подлинный царь». В 1722 году донесли на войта⁹⁶ города Королевца, что он будто говорил, что лучше бы с императора кожу сдирать, чем ризы и оклады с образов, как будто бы велено было сделать Петром. Большое сложное, запутанное дело было в 1721 году по выяснению, правда ли, что один чернец монастырский «называл себя царем», «что он де Фегност — прямо царь».

Оскорбление величества могло быть и в совершении каких-либо действий, «до высокой чести Его Царского Величества касающихся». Такого рода дела иногда были сплошным курьезом. В 1720 году один дьяк донес, что певчий Савельев во время обеда в частном доме, будучи нетрезв, «держав у себя в руках трость и смотря на персону царского величества (то есть на портрет), подняв ту трость, указывая на оную персону Его Величества, махал той тростью и говорил “ой де ты!”, а в какую силу, того он (то есть доносчик) не знает». Обвиняемый показал на допросе, что, увидев сидящих на портрете царя мух и имея в руках палку с ленточками на конце, он махал теми ленточками и палкой, чтобы прогнать с портрета мух. В результате — обвиняемый был «бит нещадно батогами».

К той же категории дел по оскорблению величества принадлежат дела по обвинениям в распространении ложных слухов, могших служить к оскорблению, умалению и колебанию царской власти. В 1723 году солдат Комкин сказал про одного офицера и стряпчего, будто они говорили, что императору этого года не пережить и будет царствовать Меншиков. Около того же времени солдатка Баженова говорила, что «государя у нас изведут, а после де и царицу, конечно, изведут, а великий князь еще мал, стоять некому, — и будет де у нас великое смятение»; Тайная канцелярия долго и тщательно следовала это преступление. В этом же 1723 году было большое дело по поводу якобы сказанных иноземцем Вилкиным слов, что недолго царю жить, всего один год. Дошло до нас одно дело по доносу некоего солдата, который заявил, что знает человека в Сибири, который

«умышлял на здоровье Его Императорского Величества» и хотел зарезать Петра «на каменном мосту»; при этом солдат ссылался на свидетелей. Это дело, конечно, расследовалось серьезно; извет оказался ложным. Таким образом, дела о злоумышлениях на здоровье царя также попадали в Тайную канцелярию.

Дела о таинственных словах, письмах или действиях также связывались с разрядом дел об оскорблении величества, хотя понятно, что прямо отнести их к этому разряду сложно; по-видимому, при расследовании таких дел возникал искус объяснить непонятное с точки зрения существования какого-либо государственного преступления. При расследовании этого рода дел Тайная канцелярия ставила основной своей целью добиться, не скрывается ли за ними какого-либо преступления, оговоренного двумя первыми пунктами указа 1715 года.

В 1723 году дьячок Терентьев поднял и прочитал подметное письмо; видевшие это написали на несчастного донос. Начались допросы и пытки, дело дошло до Сената, который опять-таки распорядился виноватого пытать, пока не удастся выпытать что-то — именно что-то, так как в подметном письме, прочитанном дьячком, содержался лишенный всякого смысла набор различных слов; однако в ходе следствия возникло, видимо, подозрение, что это тайнопись и дьячок должен знать к ней ключ. В том же году Синод прислал в Тайную канцелярию монаха, у которого было найдено письмо «с важными словами», которые, правда, никто не мог понять; тут безумие обвиняемого было столь очевидно, что министры не сочли нужным прибегать к допросам и определили отправить монаха в монастырь, где и держать до выздоровления. В 1720 году были найдены у иноземца Ланге на пивной бочке неясные каракули, в которых, однако, узрели тайные литеры. Долго и тщательно пытались узнать, что эти литеры обозначают, пока в конце концов обвиняемый и его жена не умерли, не вынеся пыток. К 1721 году относится дело о некоем чернце Порфирии, присланном из Малороссии князем Трубецким. Этому Порфирию было видение, и он зарисовал увиденное; эти рисунки представляются лишенным всякого смысла бре-

дом расстроенного воображения, однако Тайная канцелярия получила указание «о том ложном видении розыскать, для чего он то затеял». Много и упорно допытывалась Тайная канцелярия, стремясь найти ответ на предложенный вопрос, и, конечно, этого ответа не нашла. Тем не менее было решено, что «ложному плутовству верить ни мало не подлежит», и был Порфирий, как «плут», присужден к ссылке на вечное поселение в один из монастырей Архангелогородской губернии.

В октябре—ноябре 1718 года Петр узнает из доноса о перехваченном в Ржеве письме с «важностью», в котором усматривается намек на государственное преступление. Дело передается Тайной канцелярии; она немедленно сыскивает пославшего письмо и посылает особого нарочного за получателем. Писавшего допрашивают о смысле письма, так как кажется, будто там особый шифр, и тут выясняется, что никакой «важности» и шифра в письме нет, а посвящено оно, вполне понятное и автору и получателю, отдаче в Ржеве на откуп кабаков. Дело, однако, поначалу выглядело столь серьезным, что Петр лично принял участие в расследовании.

Непонятные действия тоже возбуждали солидные подозрения и, разумеется, тоже попадали в поле зрения Тайной канцелярии. В 1718 году Петру сообщили о монахе, тайно служившем молебны, и дело тут же попало в Тайную канцелярию. В 1721 году Бутурлин прислал в Тайную канцелярию некоего Антонова, который, будучи сильно пьян, сам не зная зачем, подошел к Петру, когда тот шел в строю. Антонова арестовали и начали розыск: у него всячески допытывались, не было ли какого с его стороны умысла; в результате, ничего не добившись, Тайная канцелярия постановила послать его в Сибирь в вечную работу. В 1720 году Макаров по указу Петра прислал в Тайную канцелярию трех баб-кликуш, которые кричали «в церквах на Москве... и в кликаньи пойманы». Этим несчастным сочли нужным, допрашивая, жестоко пытаться и бить плетью, стремясь дознаться, не было ли в их кликанье чьего-либо злого научения. Все свои ответы на допросах бабы кончали неизменной фразой: «...а никто кричать не учил». Так ничего от них и не доби-

лись, однако две бабы все-таки были признаны виновными и отданы в работу на прядильный двор.

Есть в делах Тайной канцелярии несколько дел по обвинениям (ложным, как выяснилось в процессе следствия) в «измене» разных лиц. Трудно точно сказать, как в этих случаях понималось слово «измена». По-видимому, всякий, кто преступал закон, мог быть подведен под это понятие, хотя уже в пунктах указа 1715 года оно суживалось до измены интересам государства на пользу его врагов; причем, возможно, враги внутренние и внешние не были как-то разделены. Впрочем, дел об «измене» относительно мало, и до известной степени все они, возникавшие в связи с каким-либо изветом, являются вариациями дел по «слову и делу».

Когда после указа 1722 года в Тайную канцелярию стали присылать от разных лиц и учреждений людей, сказавших за собой «слово и дело», то, конечно, часто оказывалось, что говорилось это выражение часто по пьяному делу, или в желании освободиться от чьих-либо притеснений (например, помещика), или просто чтобы подвести кого-нибудь под наказание; таким образом, образовывался ряд дел о ложном объявлении «слова и дела».

Нередко встречаются в делах и отголоски дела царевича. В 1720 году по царскому указу и приговору Тайной канцелярии «велено по донесению володимирского Успенского собору дьякона... исследовать накрепко дьяку Тимофею Палехину», кто «бывшей царице монахине Елены... чинил всякую помощь», «а по исследованию, учиня выписку, прислать в Канцелярию Тайных Розыскных Дел». Это повеление точно выполняется Палехиным, который привозит из своей поездки огромное количество следственного материала. Тайная канцелярия соответственно этому материалу делает приговоры-определения о ряде лиц, оказавшихся замешанными в деле. Даже пришлось ловить некоего самозванца Боровитинова, который под видом присланного Тайной канцелярией сержанта, приехав в Суздаль, арестовывал и допрашивал людей по суздальскому делу — всех, впрочем, отпуская (видимо, за взятки).

В 1722 же году некто Завесин, явившись пьяным в канцелярию Воронежского надворного суда, говорил: «Я де

холоп государя своего Алексея Петровича и за него голову свою положу, хотя де меня и распытать!» Немедленно Тайная канцелярия вытребовала себе его дело, настаивая, чтобы Воронежский надворный суд не оставил у себя никаких копий.

В 1721 году прислали в Тайную канцелярию из Приказа инквизиторских дел⁹⁷ некоего пустынника, который, как показал допрос, был близок с архиереем Досифеем, замешанным по суздальскому делу. Тайная канцелярия немедленно начала розыск, но, хотя дело протянулось до середины 1722 года, никакой «важности» в нем отыскать не удалось.

Все упомянутые выше группы дел могут быть объединены, если выразаться терминологией современной, понятием государственного преступления. Мы уже имели случай говорить, что общее число этих дел совершенно преобладает над делами других родов. Признаки государственного преступления имели, с точки зрения Петра, и дела о раскольниках, которые поступали в Тайную канцелярию исключительно по прямым царским указам; при этом очевидно, что Тайная канцелярия считала раскольничьи дела подлежащими своей компетенции. Это видно и из того, что там имелась большая коллекция утвержденных Петром приговоров Синода по раскольничьим делам, хранившаяся, вероятно, в качестве образцов. Особенно большое поступление раскольничьих дел в Тайную канцелярию отмечается в 1720–1721 годах.

Однако есть лишь одно дело — правда, большое, — в котором монах, не чуждый раскола, в то же время обвинялся и в том, что громогласно на площади в Пензе называл царя антихристом. Практически все остальные сохранившиеся дела о раскольниках связаны исключительно с вопросами веры — в них не заметно указаний на существование каких-либо государственных преступлений. В 1720 году бригадир Воейков⁹⁸ присылает из Москвы раскольников; дело передается в Тайную канцелярию, где начинаются их допросы с пытками; к сожалению, конца дела не сохранилось. В октябре в Тайную канцелярию доставили раскольника Абакумова; он быстро при допросе от раскола отрекся, и было вынесено решение поместить его для исправления

«в монастырь, куда надлежит». Иначе дело кончалось, если раскольник упорствовал; тогда следовал, например, такой приговор: «Бить кнутом нещадно и сослать в Соловецкий монастырь в земляную тюрьму для покаяния, и быть ему там до кончины жизни его неисходно». В последнем деле — раскольника Якова Семенова — мы встречаемся с подробностью, которая еще раз свидетельствует, что это дело касалось только веры: «...перед... Толстым да перед невским архимандритом Феодосием присланный от двора Его Царского Величества раскольник Яков Семенов о вере в подтверждение расспрашиван»; то есть коль скоро речь шла именно о вере, то Толстой пригласил лицо, в этом вопросе сведущее, каковым, несомненно, являлся невский архимандрит.

В мае 1721 года несколько раскольников было прислано в Тайную канцелярию опять «от двора Его Царского Величества», и, когда им вынесли приговор, Ушаков с выписками отправил этот приговор Толстому, который, в свою очередь, доложил обо всем царю и затем написал Ушакову: «...указал Его Царское Величество о раскольниках, которые по определению вашему посланы в Ревель, тем быть там (речь идет об упорствующих. — *В. В.*), а обратившихся двух извольте отослать в Духовный Синод, чтоб там определили оных по своему рассмотрению»; таким образом, все нераскаявшиеся раскольники были посланы в Ревель «в вечную галерную работу». Похожий характер имело дело «о вере», следованное Тайной канцелярией в 1721 году.

Дела «интересные», касающиеся всякого вида хищений казенного имущества, как мы видели, в первые годы занимали в делопроизводстве большое место; их было немного по числу, но все они были велики своими размерами и требовали изрядных усилий от следователей. Таково были ревельское адмиралтейское дело, в большей своей части астраханские дела и дело Перекрестовых. Создается впечатление, что в Тайную канцелярию направлялись только те «интересные» дела, которым придавалось особое значение. Громадное ревельское адмиралтейское дело началось собственноручным письмом Петра Толстому, и из этого письма ясно, как близко к сердцу принимал его царь; вы-

писки и экстракты по нему, иногда с вопросами о «следовании», постоянно представлялись царю на рассмотрение. Не менее значительно было и дело о расхищении имений полковника Перекрестова, в котором были замешаны такие близкие Петру люди, как Меншиков и Апраксин. Дело это тянулось с 1720 по 1724 год; началось оно с доноса, который подал Петру певчий Ф. Кириллов в июле 1720 года. Осталось много черновых бумаг, связанных с расследованием Тайной канцелярией и других дел — о «непорядочных поступках» малороссийского полковника Полуботка⁹⁹, генерального судьи Черныша¹⁰⁰ и др.; в большом количестве сохранились бумаги уже не раз упоминавшегося дела о гигантских взятках и расхищении казенного имущества неким майором Фуниковым.

Как видим, мелких «интересных» дел в производстве Тайной канцелярии не встречается; при этом необходимо заметить, что только в самые первые годы ее существования она рассматривала дела такого рода; позже «интересные» дела явно не входили в сферу ее компетенции.

В заключение обзора делопроизводства Тайной канцелярии необходимо отметить несколько дел совершенно особенных, не подходящих ни под какие рубрики. В одном письме к Меншикову Толстой пишет: «...поручик Федор Друковский, который прислан от Вашей Светлости в Канцелярию Тайным Розыскных Дел с хлопцем Данилом Свиружевским для розыску в подписке под руку Вашей Светлости и в подделке печати...» Так, видимо, по частному поручению — просьбе Меншикова — Тайная канцелярия следовала делу, до нее совершенно не относящееся. Дошло до нас также известие, что в 1723 году Тайная канцелярия имела в своем ведомстве и следовала делу по обвинениям придворного попа и певчего «в непотребствах», отнюдь ничего общего с «важностью» не имеющих.

Конечно, если присылка дела была «от двора Его Царского Величества», то Тайная канцелярия подчинялась велению (известно только одно исключение), хотя бы и присылаемое дело было абсолютно ей чуждо. Так, в 1721 году на Царицыном лугу к Петру подошел человек с заявлением, что у него есть дело до царя; Петр отправил этого человека

в Тайную канцелярию; по расспросам оказалось, что человек этот жаловался на Берг-коллегию, которая не хочет дать ему средств на изготовление изобретенных им станков для делания денег. Дело это служит хорошей иллюстрацией, как даже в 1721 году сильно чувствовалось происхождение Тайной канцелярии — порой она продолжала выполнять роль канцелярии для царских поручений ведения Толстого «со товарищи».

В декабре 1718 года Тайная канцелярия открывает дело по донесению фискала, сообщившего, что купцы отправили за границу пленных шведов под видом проводников при живых медведях. В розыске по этому поводу близкое участие, очевидно, принимал сам Петр; в деле имеется запись: «Декабря в 26 день 1718 году по именному великого государя указу... велено...» — и далее идут мелкие указания о дальнейшем розыске. Это тоже дело «особенное» для Тайной канцелярии.

На этом мы окончим обзор делопроизводства Тайной канцелярии и постараемся подвести некоторые итоги вышеизложенному. Дела, бывшие в ее производстве, могут быть поделены на следующие разряды: 1) дела по преступлениям государственным (оскорбление величества, измена в широком смысле слова, все дела, подозрительные в этом отношении, и др.); 2) дела по преступлениям «против казенного интереса» (взятки и хищения казенного имущества); 3) дела раскольничьи (в известной связи с делами по преступлениям государственным); 4) дела, попадавшие более или менее случайно. В количественном отношении громадное преобладание, безусловно, на стороне дел по государственным преступлениям всех родов и всякой важности — и большой и малой; они составляют около 75 процентов всего количества дел. Дел раскольничьих немногим более десятка, но попадают они в делопроизводство во все время существования Тайной канцелярии. Дела «интересные» тоже малочисленны, но при этом они весьма значительны; средних и мелких «интересных» дел в делопроизводстве нет вообще. Дел как бы случайных попадает меньше десяти, то есть их процент к общему числу совершенно ничтожный.

Следует еще в дополнение отметить, что дела «интересные» после 1720 года в Тайную канцелярию уже не попадают, а дела случайные почти все приходится на первое время ее деятельности. Дела же по государственным преступлениям, проходя основной струей через все делопроизводство, в последние годы существования Тайно канцелярии занимают ее деятельность почти целиком.

II

Уже говорилось, что до 1722 года нам не встретилось ни одного указа, в котором, хотя бы в самых общих чертах, хотя бы и в части только, намечались те дела, которые должны были обычным постоянным порядком идти на «следование» в Тайную канцелярию.

Около 50 процентов дел, производившихся до 1722 года, историю которых оказалось возможным проследить, поступали в Тайную канцелярию «от Двора» или Кабинета царя, обычно при письме Макарова, где содержалась обычно ссылка на указ Петра (иногда, впрочем, нельзя определить, было ли дело прислано с письмом). Письма эти обычно адресовались одному из министров Тайной канцелярии. «Государь мой милостивый, Петр Андреевич! С доносителем сего с майором Норовым, — писал Макаров Толстому в 1719 году, — колодников, присланных из Москвы, прикажите принять в Тайную Розыскную Канцелярию; а какие до них дела, о том я донесу вам сам. Слуга ваш моего милостивого государя А. Макаров». Следующее письмо, изложив в нем дело, Макаров завершает: «...Допрос прилагается при сем подлинной, и Его Царское Величество указал вам о том свидетельствовать... Слуга ваш Алексей Макаров». Или вот в марте 1720 года Макаров писал Толстому: «Царское Величество указал дело дворян Бароновых и протчих, к которым приказано было спускать суда на Боровицких порогах¹⁰¹, отослать для розыску в Тайную Канцелярию к Вашему Превосходительству; и об отсылке того дела к обер-секретарю Щукину¹⁰² писано; и когда оное пришлется, тогда изволь-

те Ваше Превосходительство приказать оное дело принять и по оному исследовать».

Таким образом, во многих случаях царь через Макарова сам лично направлял дела в Тайную канцелярию. Но иногда это делалось и через кого-либо другого из приближенных царя; например, в 1722 году дело было начато после того, как о нем «докладывал... Орлов¹⁰³ Его Императорскому Величеству, и Его Императорское Величество указал о том исследовать в Тайной Канцелярии». Иногда Петр непосредственно передавал колодника или доношение для «следования» кому-либо из министров; в 1721 году Ушаков прислал под караулом окольного Никиты Акинфиева человека Тимофея Бархатова, который «подходил к Его Царскому Величеству». В том же году Бутурлин присылает в канцелярию еще одного человека, осмелившегося подойти к царю, когда тот шел в строю Преображенского полка.

В мае 1718 года Толстой писал о деле поляка Носовича: «...Сего 1718 году мая 6 дня подал Его Царскому Величеству доношение поляк Григорий Носович, по которому Его Царское Величество изволили повелеть... исследовать нам в Канцелярии Тайных и Розыскных Дел». В 1719 году Петр прислал в канцелярию «исследовать и розыскивать» дело тихвинского архимандрита, которого он лично арестовал, уличив в тайном служении молебнов. Дело об убежавших пленным шведах тоже было — после доноса — передано в Тайную канцелярию самим Петром. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что до 1722 года около 70 процентов всех дел, поступивших в Тайную канцелярию, попадали туда по прямым указам Петра и что никаких общих директив, определявших порядок поступления дел, до этого времени не существовало.

В этот же промежуток времени, однако, ряд дел попал в Тайную канцелярию непосредственно из других учреждений. В большинстве случаев эта передача совершалась «по указу Его Императорского Величества»; вопрос, однако, в том, что это — ссылка на указ, связанный с конкретным случаем, или просто общее выражение. Надо заметить, что в нескольких, хотя и не многих, случаях формула «по указу Его Императорского Величества» совсем отсутствует

и передача совершается как бы в установленном порядке; все дела, так переданные таким образом, связаны с оскорблением Величества, то есть это дела «против первых двух пунктов». В таких случаях передача дел совершалась обычно в сопровождении письма от кого-либо из власть имеющих к одному из министров. В 1719 году Девиер отсылает колодника, сказавшего «слово и дело», в Тайную канцелярию при письме на имя Ив. Бутурлина, где пишет между прочим: «...оный каторжной невольник при сем посылается до вашего превосходительства для исследования дела...». В 1720 году Дмитриев-Мамонов при письме на имя Бутурлина присылает «сказку» солдата о «слове и деле», что тоже принимается к следованию. Некого Михаила Маслова при письме на имя П. А. Толстого по поводу сказанного этим Масловым за собой «государева слова» присылает в Тайную канцелярию светл. князь Меншиков.

Такого рода эпизоды наводят на мысль, что к концу 1719 года обычай и практика заставляли понемногу все более смотреть на Тайную канцелярию, как на учреждение специально предназначенное для расследования преступлений «против первых двух пунктов». Никакого другого рода дела в Тайную канцелярию таким путем не присылались; по крайней мере, нам не встретилось ни одного такого случая.

Присылка дел по преступлениям «против первых двух пунктов» происходила как бы сама собой до 1722 года, когда 28 апреля вышел указ, которым предписывалось всем лицам и учреждениям отправлять такие дела в Тайную канцелярию наряду с Преображенским приказом. С этого времени Тайная канцелярия практически перестает действовать «по поручению» и приобретает определенную формально закрепленную компетенцию. Впрочем, редкие исключения все-таки встречаются. Дело об одном «жителе гостиной сотни», возбуждавшем подозрения Петра, было уже в конце 1724 года передано в Тайную канцелярию с таким письмом: «Государь мой Андрей Иванович! Его Императорского Величества указом, будучи в Москве, отдан мне арестант... и я об нем Его Величеству докладывал, и Его Величество изволил указать оного Шапошникова отдать к вам; того ради извольте, государь мой, приказать его Шапошникова при-

нять в свое ведомство...» Письмо подписано адъютантом царя А. Румянцевым.

Постараемся проследить путь, каким произошла трансформация Тайной канцелярии. Вспомним прежде всего тяготение, которое нам пришлось заметить в майорских розыскных канцеляриях, ко все более и более определенной сфере деятельности. Этому стремлению было сравнительно трудно развиваться при тех слишком разнообразных поручениях, которые заполняли деятельность канцелярий. Но там, где характер поручений приобретал вполне определенную направленность (например, в канцеляриях Дмитриева-Мамонова и Плещеева), это стремление сразу отражалось на практике. Еще ярче это заметно на Тайной канцелярии, чья компетенция тоже поначалу не была точно определена, но была все-таки достаточно ясно выражена характером получаемых поручений.

Мы уже приводили выдержку из письма Девиера к Бутурлину о колоднике, сказавшем «слово и дело»; далее Девиер пишет: «...понеже оное следует в канцелярию тайных розыскных дел ведомства Вашего Превосходительства». В том же 1719 году Феодосий¹⁰⁴, архимандрит Александро-Невского монастыря, отправляя к П. А. Толстому монаха, сказавшего «слово и дело», пишет в сопроводительном письме: «...понеже оныя дела вверены вашему сиятельству»; и Толстой принял это как должное, молчаливо согласившись с архимандритом в определении компетенции Тайной канцелярии, — дело было принято, расследовано и решено Тайной канцелярией. В 1719 же году Матвеев¹⁰⁵ из Юстиц-коллегии пересылает прямо в Тайную канцелярию донесение по «слову и делу» (о непристойных словах), и Тайная канцелярия это дело принимает и начинает следствие. Все это показывает, что уже в это время в правящих кругах создалось представление, что дела «против первых двух пунктов» «вверены» Тайной канцелярии. Это представление уже тогда, можно сказать, отчасти санкционировалось самим Петром.

В 1719 году были присланы казанским вице-губернатором колодники, «до которых касаются важные царского величества дела». Ушаков, пересылая их и самое дело в Преображенский приказ, пишет его главе Ромодановско-

му, бывшему тогда в Петербурге: «...В нынешнем 1719 году в июне месяце Царское Величество указал по именному своему... указу, как изволил быть на Котлине острову, по докладу действительного тайн. сов. кав. П. А. Толстого по Канцелярии Тайных Розыскных Дел, ежели впредь будут вновь какие дела касаться о здоровье Его высокомонаршей чести и другие подобные тому... чтоб примать Вашему Сиятельству и, что принадлежит, исполнить по правам его царского величества». Однако, это дело вскоре опять возвращается в Тайную канцелярию — и опять «по именному царского величества указу».

Таким образом, еще в 1719 году при участии Петра происходит сближение компетенций действовавших параллельно Тайной канцелярии и Преображенского приказа; размежевание в их деятельности порой заметно только географического свойства. Из-за этого дела нередко передаются из одного учреждения в другое. В 1721 году в Москве «в канцелярии на потешном дворе», бывшей исполнительным органом Тайной канцелярии, дьяки, выслушав от одного рекрута доношение «о царственном деле», отправили его в Преображенский приказ. В 1723 году Ушаков (как и в 1719 году) не принимает присланных ему колодников и отправляет их к Ромодановскому и т. д. Установление компетенции Тайной канцелярии шло и другим путем — так сказать, от обратного. В 1720 году дьяк Большой прилюдно обвинил дьяка Сибилева во взятках, и, когда комендант Бахметев донес об этом в Тайную канцелярию, она постановила передать дело в Юстиц-коллегию, «где по взяткам дело следуются».

После указа 1722 года Тайная канцелярия, с очевидной определенностью, все «интересные» дела выключает из своего ведения. В этом году кн. Мих. Голицын присылает Ушакову колодника, сказавшего «слово и дело». Когда же на допросе выяснилось, что колодник доносит только по «интересному» делу, то Ушаков отправляет его обратно Голицыну, мотивируя это тем, что «ведает он о похищении его императорского величества интересов, и по оному его вопросу к Канцелярии Тайных Дел следованием не подлежит». В ноябре 1724 года Тайная канцелярия шлет в Ка-

бинет «доношение» за подписью Толстого, при котором пересылает дело по челобитью фискала Терского ввиду того, что «о деньгах к Тайной Канцелярии не приличествует». В 1721 году, когда Адмиралтейств-коллегия прислала в Тайную канцелярию «доносительные пункты» с обвинением обер-секретаря Торماسова во взятках, то по определению Тайной канцелярии, за подписями Бутурлина и Ушакова, дело не было принято, «понеже по оным пунктам к тайным делам важности не касается». В 1720 году один солдат сказал «слово и дело» и был прислан в Тайную канцелярию, но она отказалась «следовать» это дело, поскольку, на ее взгляд, в нем «важности не явилось», и солдата отправили обратно. Здесь содержится намек, что Тайная канцелярия занималась только делами тайными с «важностью».

Вопрос о «важности» — вопрос сложный и запутанный. Где, как и когда образовалось выражение «важность», «важное дело», установить трудно; по-видимому, понятия эти вошли в обиход Тайной канцелярии уже в более или менее готовом виде. В 1720 году в определении о посылке одного доношения о «непристойных словах» в Сенат Тайная канцелярия писала, чтобы «оного доношения, кроме Правительствующего Сената, ни обер-секретарю не распечатывать, понеже в нем важность имеется не малая». Из этого уже видно, что понятие «важности» включало в себя дела «против первых двух пунктов» указа 1715 года и что «важность» должна вообще быть строго скрываема от более или менее постороннего взора.

В 1722 году, отсылая Адмиралтейств-коллегии дело о «слове и деле» и колодника с ним, Тайная канцелярия писала: «...Вчерашнего числа из помянутой коллегии в Тайную Канцелярию присылали колодника из матросов Андрея Лебедева и с ним при промемории роспросные его Лебедева речи, где объявлена на капитана Кошелева, да на кап.-лейтенанта Фогенкегеля важная причина... и (этого) принимать в оную канцелярию не подлежит, ибо та коллегия вступила в действо не свое, и матроса обстоятельно спрашивать не надлежало... и не так, чтоб его важность изъяснять». Действовать же надо было по указу 28 апреля 1722 года о говорящих за собой «слово и дело». Далее в письме говорится,

что дело по извету матроса Лебедева «Тайная Канцелярия следовать не может, ибо то дело начало возымело не тайно, но многим явно, которым ведать было не подлежало; и рос-просные речи присланы в Тайную Канцелярию незапечатаны, просто». Отсылая все обратно, Тайная канцелярия в заключение просит известить ее о том, «что учинено» будет по этому делу в Адмиралтейств-коллегии. Коллегия аккуратно исполняет просьбу, сообщив в январе 1723 года, что извет оказался ложным, а Лебедев казнен.

В 1722 году по вопросу дачи справки по делу о злоумышлении на царя Ушаков велит секретарю Топильскому дать справку так, чтобы не говорить в ней о сущности дела вследствие его важности. Тогда же Тайная канцелярия в определении своем делает замечание Св. Синоду, который принялся выяснять подробности по одному «важному» делу, что ему «расспрашивать не надлежало» «о следовании таковых важных слов». В 1723 году Тайная канцелярия уже определенно «главному магистрату имеет предосуждение», а бурмистрам грозит «учинением наказания» «за такую продерзость», что в допросах своих по извету они «самую важность открыли, чего весьма чинить им не подлежало». Наконец, в январе 1725 года в протоколе есть запись о том, что в ответ на указ Сената о присылке непосредственно по требованиям генерал-фискала всех дел Тайной канцелярии ему на просмотр Тайная канцелярия возражает, что у нее есть «государственные важные секретные вершеные дела приличные к первым двум пунктам» и «таковых вершеных и невершеных дел к генералу фискалу Тайная Канцелярия отдавать не смеет, понеже о секрете и о важности оных многим ведать не подлежит», от чего «может не без вредности государственной быть». Толстой в одном письме 1724 года к Ушакову упоминает, что «важные» дела, бывшие в тот момент в Тайной канцелярии, — это дело новгородское и дело Санина; оба они касались вопроса об оскорблении чести Его Царского Величества.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что к делам «важным» относились все дела «против первых двух пунктов» и что тайна была непременным условием ведения этих дел, поскольку если важность делалась всем явной, то

от этого могла произойти «государственная вредность». Едва ли дальнейшие поиски могут привести к более точному выяснению понятия «важности». Надо полагать, что за термином этим не было вполне определенного значения; понятие о важности было, видимо, шатко. Но, во всяком случае, ясно, что к 1723–1725 годам все дела по преступлениям государственным (не случайным и бессознательным) входили в категорию «важных», причем «важность» и «тайность» всегда и неизбежно должны были сопутствовать друг другу.

Итак, дела «интересные» из ведения Тайной канцелярии вымывались, а «важные» дела «против первых двух пунктов» присылались в нее, так сказать, «обычаем». Это до указа от 28 апреля 1722 года время от времени приводило к недоразумениям. Петербургский генерал-полицимейстер Девиер, в чье ведение часто попадали колодники по «слову и делу», порой впадал в затруднение, что делать с ними дальше. Как раз в день указа 1722 года, 28 апреля, он пишет Толстому письмо, в котором говорит: «...и о тех (то есть о говорящих за собой “слово и дело”. — *В. В.*), куды их ныне отсылать, требовали от вашей милости известия, но токмо того известия и поныне не получили: а оные колодники и по их оговорам другие держатся под караулом... Того ради вас, моего государя, прошу, дабы меня уведомить: вышеозначенных колодников и по тем делам оговоренных людей, також которые и впредь за собой будут сказывать Его Императорского Величества слово, в С.-Петербурге к следованию к кому отсылать...» Итак, вопрос, что называется, назрел; довольствоваться обычаем стало трудно; по совпадению, указ в подтверждение установившегося обычая состоялся в тот же день, и Толстой на письмо Девиера, уже имея указ, отвечает: «...И на оное Вашему Превосходительству предьявляю: таких колодников изволите отсылать в С.-Петербурге в Тайную Канцелярию, а в Москве — в Преображенский Приказ».

Так был окончательно решен вопрос. С 28 апреля 1722 года Тайная канцелярия уже имела своей прямой обязанностью следовать дела по «слову и делу»; к этому же времени она отклонилась от дел «интересных». Дела случайные теперь в нее почти не попадали, и Тайная канцелярия быст-

ро приобрела облик учреждения, ведавшего исключительно государственные преступления. В следующем году она уже ревниво следит за своим исключительным правом следования по «делам государственным», разделяя их только с Преображенской канцелярией. Когда в 1723 году главный магистрат и ратуша Старой Русы осмелились сами допрашивать по поводу сказанного «слова и дела», Тайная канцелярия в определении за подписью Ушакова написала: «...бурмистры вступили не в свое действо... и в расспросе... самую важность явно открыли, чего чинить весьма им не подлежало», за что «Тайная Канцелярия главному магистрату имеет предосуждение», а помянутым бурмистрам обещано было «за такую продерзость наказание». Так устанавливалась компетенция петровской Тайной канцелярии.

III

В 1720 году Тайная канцелярия сообщала, что все дела, кроме суздальского и кикинского, «вершены по Уложению второй главы и по военному артикулу третьей главы по 19-му и по 20-му артикулам». Таким образом, уже в конце 1720 года Тайная канцелярия опиралась как на правовые нормы на вторую главу Уложения и параграфы воинских артикулов; мы уже видели, что это ничуть не исключало указов царя по конкретным случаям, решавших дело помимо Уложения. Отметим, однако, что — хотя бы в общей идее только — Тайная канцелярия кладет все-таки в основу своих действий правовые нормы.

Конечно, эти нормы действуют не в самом процессе, а единственно при наложении наказания. Вторая глава Уложения в этом смысле дать ничего не может; если там намечены двумя-тремя чрезвычайно общими штрихами процессуальные нормы, то даже в этих общих штрихах они совершенно не годятся для Тайной канцелярии; в воинских артикулах процессуальная сторона не сильнее. Весьма вероятно, что на обращение Тайной канцелярии к Уложению и артикулам, пусть даже в незначительных пределах, по-

влияли многочисленные указы Петра о решении то того, то другого дела «по Уложению». Как бы то ни было, с 1722 года ссылки на Уложение в приговорах весьма часты, а в делах более мелких, менее важных, о которых не доводилось до сведения Петра, можно сказать, постоянны. Иногда (значительно реже) решение выносилось с опорой на статьи воинских артикулов.

Впрочем, нормы Уложения и артикулов применялись на практике очень растяжимо и часто совершенно отвергались, что по тем временам отнюдь не считалось предосудительным уклонением от законного пути. Например, в 1723 году в одном определении читаем: «...по уложению второй главы семидесятая статья надлежало было ему учинить смертную казнь, отсечь голову, а по мнению генерала-майора Ушакова смертной казни ему Корноухову не чинить... а вместо смертной казни... быть ему тамо (в земляной тюрьме. — *В. В.*) неисходно»; этот приговор вошел в силу после того, как Толстой высказал «согласное» с Ушаковым мнение. Приходившие в голову «министрам» разного рода, иногда весьма субъективные соображения, видимо, считались вполне уместными; эти соображения приводились обычно в тексте «определений». По поводу присланного в 1721 году из Малороссии монаха и его видений было решено, что все это «плутовство» и «его ложному плутовству верить не мало не подлежит»; монаха присудили к вечной ссылке в монастырь Архангелогородской губернии. В 1723 году Тайная канцелярия определяет по поводу малоросса, сказавшего непристойные слова по адресу монаршей особы, что, хотя два свидетеля показали его невиновность в отношении царя, «без наказания отпустить той вины невозможно для того, что никакой персоны такими непотребными словами бранить не надлежит»; малоросса приговорили «бить нещадно батогами». Здесь уже Тайная канцелярия вводит свою собственную уголовную норму — наказание за брань вообще. По поводу доноса («слова и дела») одного уже приговоренного к смерти колодника Тайная канцелярия определяет не задерживать ввиду этого его казни и не докладывать царю, «понеже он... может и часто такие бездельные доношения подавать, продолжая жизнь свою». По поводу доно-

са на некоего Муравщика в определении написано: «...в пятом розыску и с огня говорил, что тех слов он никогда не говаривал, а свидетели стоят в первых своих словах», то есть обвиняют; Тайная канцелярия почему-то верит именно свидетелям и ссылает так и не признавшего вину Муравщика «в дальние города в работу».

Так нередко личное усмотрение главенствовало над законом установленными нормами — правда, весьма несовершенными. Есть намек, что иногда при этом стремились руководствоваться «прежде бывшими примерами». Ушаков в письме Толстому в 1721 году, касаясь одного раскольничьего дела, ссылался на «прежние у нас примеры», когда раскольники были «отсыланы в Невский и Соловецкий монастырь для исправления».

Таким образом, поначалу деятельность Тайной канцелярии не нормировалась никакими законодательными актами; да этого и не могло быть, коль скоро это было учреждение для исполнения поручений. Однако не проходит трех лет, как она уже считает своею обязанностью опираться на правовой базис; впрочем, надо признать, постоянное отклонение от норм продолжало господствовать в ее практике.

IV

Среди государственных учреждений Тайная канцелярия занимала высокое место. Лишь по отношению к Сенату Тайная канцелярия находилась в прямо подчиненном положении: это видно уже из того, что Сенат служил для нее непосредственной апелляционной инстанцией. Он рассматривал жалобы на Тайную канцелярию; к нему же Тайная канцелярия посылала те дела, которые сама по каким-либо обстоятельствам не осмеливалась решать.

Некоторая подчиненность в отношении к Сенату установилась с самого возникновения Тайной канцелярии. Еще в марте 1718 года, когда она была учреждением, занятым почти целиком следствием по царевичеву делу, все

приговоры по этому делу чинил Сенат; обычно сенаторы съезжались в помещение Тайной канцелярии и выслушивали здесь выписки по розыскам. Таким образом, с самого возникновения Тайной канцелярии Сенат стал над ней, но, с другой стороны, как раз в это самое время император принимал весьма деятельное участие в ее работе, что едва ли допускало над Тайной канцелярией еще какое-либо начальство. Вероятно, этим можно объяснить, что до 1720 года Тайная канцелярия всегда обращается к Сенату только по непосредственному указу царя; да и в 1720 году она отправила в Сенат дело особого рода, и это скорее было дипломатическим шагом в сложных обстоятельствах, чем демонстрацией подчиненности: некий подьячий по фамилии Орлов, сказав за собой «слово и дело», обвинил во взятках и всяческих незаконных потворствах дьяков Преображенского приказа и самого кн. Ромодановского. Произведя об этом «следование», приведшее к полному обелению и Ромодановского, и дьяков, Тайная канцелярия учинила только «мнение» и все дело послала для окончательного решения в Сенат; здесь с ее мнением согласились, и был прислан указ: доносителю «учинить вместо натуральной смерти политическую».

Не имелась ли тут, ввиду щекотливости дела, затрагивающего такого человека, как кн. Ромодановский, возможность уклониться и снять с себя ответственность за всякие возможные недоразумения, прикрывшись сенатским решением? На это предположение можно возразить тем, что в том же 1720 году Сенат также принял решение по делу о подьячем Курзанцеве, следовавшее в Тайной канцелярии, — однако это произошло в силу прямого указа Петра, и никакого выражения формальной подчиненности тут искать нельзя. Лишь в декабре 1721 года Петр именным указом по частному делу ставит Тайную канцелярию под начало Сената, а к 1724 году отношения этих двух учреждений, по-видимому, перешли в более или менее постоянную форму подчинения и некоторого даже контроля со стороны Сената — по крайней мере, Сенат указом своим от 26 февраля 1724 года требует от Тайной канцелярии «доношения» о числе колодников и «за чем кто держится и для чего оным решение

не учинено». Уже с 1723 года (а может быть, и ранее) Тайная канцелярия была обязана отправлять Сенату «месячные репорты» и ежемесячно посылать счетные выписки в сенатскую ревизион-контору.

В 1725 году Сенат выразил желание, чтобы «по требованию генерал-фискала» Тайная канцелярия отправляла ему все свои дела, «не требуя о том из Сената указа»; в этом видна попытка полностью подмять под себя Тайную канцелярию. Однако тут Сенат получил отпор — в «доношении» Тайной канцелярии говорится, что она никак «отдавать не смеет важные секретные дела, приличные к первым двум пунктам», почему и требует о том указа из Сената; был ли этот ответный указ, установить не пришлось; дела Тайной канцелярии, однако, в руки генерал-фискала не попали. Обратим внимание, что, несмотря на явный протест, Тайная канцелярия заканчивает «доношение» тем, что ждет указа, то есть как бы только представляет свои соображения, а уж там как Сенат распорядится.

Итак, Сенат не только остается апелляционной инстанцией, но до известной степени начинает даже контролировать деятельность Тайной канцелярии; все это, по-видимому, окончательно закрепляется в 1724—1725 годах. Необходимо заметить, что как раз в это время Тайная канцелярия начала очень тяготить, как увидим ниже, ее первенствующего министра П. А. Толстого, и он стал предпринимать попытки сложить с себя полномочия.

Найти точно установленные и определенно сформулированные отношения между Сенатом и Тайной канцелярией едва ли возможно. Однако можно сказать, что со второй половины 1718 по 1720 год подчиненное положение Тайной канцелярии по разным причинам почти не было выражено, но позднее оно начинает приобретать все более очевидную форму; возможно, это облегчается ясным уже в начале 1724 года желанием Толстого сбыть Тайную канцелярию с рук.

Кабинет Его Величества во времена Петра Великого не представлял собой учреждения, достаточно сформировавшегося, будучи как бы действительно личным кабинетом Петра, откуда выходили царевы указы и распоряжения. По

отношению к Кабинету Тайная канцелярия являлась учреждением низшим, подчиненным, и ее связь с Кабинетом осуществлялась в форме «доношений». При этом много дел поступало в Тайную канцелярию из Кабинета — «от двора Его Величества». Возможно, этим их отношения и ограничивались.

«Доношениями» сносилась Тайная канцелярия также с Вышним судом и Св. Синодом, но при этом была от них абсолютно независима.

Довольно сложны были отношения Тайной канцелярии и Преображенской канцелярии (или Преображенского приказа, как это учреждение преимущественно именовалось в царствование Петра); ведь в огромной области государственных преступлений компетенции и сферы деятельности Преображенской и Тайной канцелярий — формально, по крайней мере, — были совсем не разграничены. Дела направлялись в одну или другую канцелярию только по соображению различных, чисто внешних, удобств «следования». Тайная канцелярия не прочь даже была при случае отделяться от мелких дел — «посредственных», по терминологии Ушакова, — передавая их Преображенскому приказу при первом удобном случае.

В приведенном в пятой главе «экстракте» из дел, поданном в мае 1722 года Петру, есть следующий вопрос, поставленный царю министрами: «Ежели в Тайную Канцелярию будут подавать доношения о здоровье Императорского Величества, о бунте, о измене, и по таковым доношениям следовать ли или оные отсылать в Преображенский Приказ?» Петр оставил его без ответа; это служит косвенным подтверждением неразделения компетенций этих двух учреждений: вопрос решался всегда для каждого отдельного случая, по различным чисто практическим соображениям.

Есть одно указание, что Тайная канцелярия могла считаться выше по рангу, чем Преображенский приказ: когда в 1720 году возникла жалоба на Преображенский приказ, то апелляционной инстанцией по указу Петра стала Тайная канцелярия.

Отношения Тайной канцелярии с коллегиями, в общем, были отношениями равных и независимых друг от друга

учреждений: обычно переписка шла «премориями»; иногда же, когда возникала некоторая пикировка, то обе стороны начинали прибегать к указам. Видимо, Тайная канцелярия не считала себя вправе касаться деятельности коллегий — поэтому в одном случае, когда оказывается, что в деле имеется жалоба на Юстиц-коллегию, она передает его на рассмотрение Сената. Однажды, впрочем, Тайная канцелярия прочла длинную нотацию Адмиралтейств-коллегии за то, что та «вступила в действие не свое», и в несколько раздраженном тоне разъясняет коллегии указ от 28 апреля 1722 года.

Из вышеизложенного обозрения отношений Тайной канцелярии с прочими государственными учреждениями Петровского времени выясняется, что в российской иерархии только одно из них стояло выше, чем она. Это — Сенат; все остальные учреждения или были равны Тайной канцелярии, или находились под ней; и, во всяком случае, только от Сената (и частично от Кабинета) зависела Тайная канцелярия хотя бы сколько-нибудь; в отношении всех других учреждений она, наравне с коллегиями, сохраняла полную независимость.

Глава восьмая Внутренний строй Тайной канцелярии

|

Постараемся теперь выяснить внутренний строй Тайной канцелярии в его частностях. При его изучении, думается, мы с еще большей наглядностью сумеем проникнуть в сущность рассматриваемого учреждения.

Если Тайная канцелярия принимала дело, то у всякого принятого дела должна была быть исходная точка — или доношение, или оговор, или устный донос о каком-либо преступлении. Лишь только соответственные бумаги и колодники (или только бумаги, или только колодники) поступали в Тайную канцелярию, начиналось «следование», то есть допросы и очные ставки свидетелей, обвиняемых и доносчиков. Есть полное основание предполагать, что самые первые допросы делались почти всегда без присутствия министров, одними только секретарями; допросные речи при этом тщательно записывались и сопоставлялись, а в случае противоречий, делались очные ставки.

За первоначальным следственным материалом, по-видимому, должно было следовать приказание со стороны «министров» о дальнейших допросах, которые почти всегда со-

проводились пытками. Трудно установить какие-либо правила применения пыток и когда их применение было законно; очевидно только, что разрешение всякого сомнения, вопроса и недоумения «следователя» совершалось при их посредстве и, конечно, всецело царил при этом личный произвол. «Не надобно ему исчислять застенков, сколько бы их ни было, — пишет Толстой Ушакову про одного колодника, — но чаще его пытать, доколе или повинится, или издохнет, понеже явную сплел ложь»

При такой директиве со стороны первенствующего министра ясно, какое вообще отношение к пыткам должно было существовать в Тайной канцелярии; смерть колодников от пыток поэтому была явлением частым и проходила совершенно бесследно — она принималась как нечто должное и естественное. Конечно, иногда обходилось и без пыток, но это бывало очень редко. Впрочем, иногда и не прибегали прямо к мучению, а сначала «в застенке спрашивали с пристрастием» («не пытан», — записывали в деле); это пристрастие заключалось, например, в том, что одну колодницу «трижды поднимали» на дыбу («а не пытали»); или вот о других колодниках: «Кудряшев и Городецкий вожены в застенок и устраиваны розыском, а Кудряшев и раздеван», «а Кудряшеву сказано, что подымут и будут розыскивать им, и положены были руки в хомут».

Пытки производились в присутствии министров, но несравненно чаще — при одних секретарях только по «ордерам» министров. Вообще, в первичной стадии дела большую роль играли именно секретари, хотя они и руководствовались «указами» министров, которых испрашивали «репортами». В 1723 году, например, Ушаков письмом извещает одного из секретарей в Москве, что Тайная канцелярия решила, чтобы он вел в Москве «розыск» колоднику Муравшику. Исполняя это указание, секретарь этот тщательно доносит о ходе пыток и показаниях, сделанных при этом колодником, и кончает рапорт фразой: «...и оным, государь, Муравшиком что чинить, о том требую повелительного от вашего превосходительства ордера». Иногда, впрочем, министры сами руководили даже первичным розыском; например: «1725 января в 9-й день при присутствии их сиятельства

и превосходительства Тайной Канцелярии господ судей рострига Ив. Прокофьев приведен в застенок и поставлен в ремень и поднят на дыбу и розыскивано им впервые».

Когда собирался достаточный материал из пыточных речей в их связи с допросными, секретари составляли по данному делу «выписку», которая и докладывалась собранию присутствовавших министров. После этого доклада ставилось «определение», которое отнюдь не всегда являлось приговором; часто им только указывались дальнейшие шаги «следования». Во время чтения «выписок» перед тем, как вынести определение, иногда министры делали «в подтверждение» проверочный допрос обвиняемым и важнейшим свидетелям. Дальнейшие шаги следования, если министры находили нужным их делать, заключались в большинстве случаев или в вызове новых свидетелей, или в решении о дальнейшем розыске для большого выяснения дела, или в передаче всего дела какому-либо другому учреждению по принадлежности. В первом из этих случаев за свидетелями обычно посылали солдата или сержанта; после снятия допроса свидетелей отпускали под чье-либо поручительство и брали с них расписку в том, что они беспрекословно явятся по первому зову или даже сами каждый день будут являться в Тайную канцелярию; такие расписки имеются во многих делах. Когда же в ходе допросов выяснялся какой-либо новый обвиняемый и о его приводе Тайная канцелярия делала определение — то тогда или посылался соответствующий указ губернатору, если было точно известно местопребывание этого человека, или Тайная канцелярия сама посылала за ним солдата (сержанта), а то и офицера с солдатами; при этом обычно давалась точная, в пунктах изложенная, инструкция, как следует выполнить поручение; иногда в инструкцию включался пункт о производстве обыска.

Если же выносилось решение вести дальнейшее следование для выяснения невразумительных мест «допросных речей», то процесс опять начинался заново — снова «розыск», допросы с пытками и очными ставками.

Когда же, наконец, составлялось окончательное определение — приговор — и когда этот приговор вступал в законную силу, то преступнику делалось его «объявление»

с указанием вины. За этим следовало и само исполнение приговора, которое обычно удостоверял один из подканцеляристов Тайной канцелярии, в чью обязанность входило присутствовать при этом. Так в его главнейших чертах протекал обычно процесс в Тайной канцелярии.

Мы уже выше замечали, что основой этого процесса являлся розыск в разных его видах и формах; под этим понятием подразумевались допросы с пытками, а допрашивать с пыткой обозначали глаголом «розыскивать». Допросы без пыток хотя и играли роль в начале всякого процесса, однако решающее значение им придавалось очень редко; при вынесении решения всегда опирались на «розыск». Мы уже говорили, что пытать можно было без всяких стеснений, однако существовал обычай более трех раз не «розыскивать» и утверждаться на третьем показании. В целом этого обычая придерживались, но со многими исключениями.

Обычной и почти исключительно употребляемой формой пытки в XVII веке было битье кнутом на дыбе; такова была и практика Тайной канцелярии. Здесь иногда даже «допрос с битьем кнутом на дыбе» и «розыск» понимались как синонимы. Почти во всех делах после изложения допросных пыточных речей колодников прибавлялась стереотипная фраза: «Дано ему (столько-то) ударов». Число ударов бывало обычно двузначно, но, кажется, никогда не превышало 60–70, чаще же всего колебалось в пределах около 15–30; иногда, впрочем, не достигало и 10.

Отдельные указания в делах дают основание полагать, что пытки иногда носили более изысканный характер: после битья кнутом иногда пускали в дело огонь, то есть жгли калеными щипцами или горящими вениками — «было им в тех розысках: Федоре — 32, Авдотье — 36 ударов, а потом они, бабы, и огнем жены»; «было ему во оном розыску 60 ударов и после розыску жжен огнем, а с огня говорил»; «Петр Онучин пытан и жжен клещами». Никаких иных пыток в делах не встречается, что отнюдь не говорит о невозможности их существования.

Надо заметить, что при содержании колодников тоже руководствовались «розыскными» целями. О здоровье колодников, по-видимому, заботились: и доктор Севальт,

и лекарь Волкерс были постоянными врачами, лечившими колодников Тайной канцелярии; когда Ушаков письмом жаловался Блументросту¹⁰⁶ на неаккуратность врачей, то Блументрост отвечал, что лекарь Волкерс «к больным арестантам, кои в крепости содержатся, определен», а при тяжелых случаях он обязан призвать доктора «господина Севальта и с его совету пользоваться». Но все эти заботы об арестантах носили односторонний характер: при болезни одной важной колодницы призывали докторов, чтобы они ее лечили «с прилежанием неослабно», «понеже до нее касается важное царственное дело», то есть просто боялись, что она умрет и нельзя будет у нее выпытать всего, что необходимо было для окончания розыска; а когда колодники не были нужны, о них даже забывали до того, что они «умирали с голоду». После одного такого случая было велено давать по 4 деньги в день на человека. Если же колодник умирал от пыток, то это принималось как самая обычная вещь — о таких смертях обычно доносил караульный сержант, что такой-то арестант «в ночи умре без исповеди ... и тело его зарыто в землю за Малою рекою Невою на Выборгской стороне». О побегах колодников из Тайной канцелярии нет ни одного указания, хотя, видимо, караул иногда за взятки допускал к колодникам посторонних лиц и передавал письма.

Наряду с допросами и «розыском» употреблялись также вспомогательные приемы для отыскания истины. Очень часто в инструкции сержантов, посылаемых за обвиняемыми, включался пункт о производстве обыска с опечатыванием подозрительных вещей для их препровождения в Тайную канцелярию; это опечатывание вещей, а иногда и помещения являлось обычным приемом. Если дело происходило в Петербурге, то обыски и опечатывание поручались подканцеляристу вместе с офицером, состоявшим при Тайной канцелярии. До нас дошел следующий документ: «По указу Его Императорского Величества отбывающему в канцелярии Тайных Дел на карауле Шлюшельбургского полку порутчику Якиму Ледицкому да подканцеляристу Семену Шурлову: прибыв Вам на Васильевский остров ген.-фельд. кав. св. кн. А. Д. Меншикова у бывшего крестового попа (что

ныне рострига) Никиты Терентьева двор его на помянутом острове подле двора его светлости деревянной, собрав всякий багаж, что есть, в удобные места, запечатать и поставить караул, и о том в Канцелярии Тайных Дел репортовать. Секретарь Иван Топилской».

Когда же ни обыски, ни пытки, ни допросы не давали достаточно определенных данных, а между тем в это время кто-либо из преступников, обычно изнуренный «розыском», был недалек от смерти — в таком случае призывался священник, которому ставили задачу на предсмертной исповеди добиться у обвиняемого искреннего признания или точных, правильных показаний; практиковалось это не так уж и редко. При такой исповеди иногда присутствовал секретарь Тайной канцелярии.

Более успешному расследованию способствовали также вознаграждения, которые Тайная канцелярия почти всегда выдавала за «правый донос». Суммы вознаграждений колебались, но в большинстве случаев находились в пределах 5—30 рублей, смотря по важности доноса.

Такими мерами и средствами пользовалась Тайная канцелярия при расследовании поручаемых ей дел. Но, несмотря на жестокую решительность действий, отнюдь не всегда она достигала цели — раскрыть истинную картину преступления не всегда удавалось и такими средствами. Иногда оговоры до того запутывали дело, противоречия даваемых под пытками показаний доходили до таких размеров, что становилось невозможно разобрать, где и в чем истина. Чем тщательнее Тайная канцелярия расследовала иные дела, тем глубже заходила в лабиринт, из которого просто так уже было не выбраться. Хорошей иллюстрацией к этому служит «новгородское дело»; даже министрам оно представляется мудреным, а уж тут в пытках не стеснялись. Более или менее опытный преступник мог с успехом оговаривать и подводить под пытки всех, кого ему заблагорассудится. «Сомнением Вашим, Государь мой, — пишет Толстой Ушакову, — по Новгородскому делу я весьма согласуюсь; и что распопа Игнатий при смерти скажет, на том можно утвердиться и по тому его последнему допросу и бабам указ учинить, чего будет достойны». Так был найден выход — несколько искус-

ственный — из тех «сомнений», в которых запутались даже опытные в деле розыска министры.

У Тайной канцелярии были довольно значительные денежно-имущественные хозяйственные дела по конфискуемым имуществам и проч. Производство по такого рода делам было выделено и велось особыми канцеляристами, назначенными «у приходу и расходу» и обязанными вести всевозможные по установленным формам записи. Имеющиеся у нее деньги Тайная канцелярия, во-первых, давала в долг (беспроцентный) другим государственным учреждениям (коллегиям и проч.), а во-вторых, раздавала под проценты частным лицам, в большинстве случаев — гвардии офицерам. Учреждения, очевидно, не всегда аккуратно платили свои долги. Гвардии офицерам деньги раздавались в размерах, впрочем, сравнительно небольших: по 100, 200, 500 рублей, причем бралось обычно 12 процентов годовых. По всему видно, что эти операции не были для Тайной канцелярии случайными.

II

Мы уже имели случай говорить об указах императора, об их роли и значении в делах Тайной канцелярии. Какова бы ни была их форма, они всегда находили себе место в «Книге именных указов». От 1718 года до нас дошла такая книга в хорошем кожаном переплете; в нее подшиты все подлинники указы Петра. Однако в дальнейшем такой порядок, видимо, был признан неудобным; подлинники указы стали присовокупляться к делу, и заведена была особая книга, куда вносились в копиях все указы обычно за скрепой Ушакова и секретаря Топильского. Так образовалась одна из важнейших делопроизводственных форм Тайной канцелярии. Каждый год составлялась одна такая книга с копиями указов, тщательно переплетаемая и хранимая; можно предполагать, что копии вносились в эту книгу собственноручно секретарем, то есть вторым лицом Тайной канцелярии после министров.

Мы уже видели, что определения и приговоры Тайной канцелярии обычно выносились и могли делаться только министрами. В делопроизводстве эти определения играли роль лишь ступенью меньшую, чем царские указы, и стояли, таким образом, на втором по значимости месте. Если императорские указы не подчинялись и не могли подчиняться никаким делопроизводственным формам, то «определения» имеют в этом смысле некоторую историю.

С 1718 года, с самого начала существования Тайной канцелярии, ее приговоры и определения сразу приобретают относительно прочную форму, выливаясь в следующий шаблон: «1718 г. ноября в 30 день по указу великого государя, тайный советник и от лейб-гвардии капитан Петр Андреевич Толстой, генерал поручик Иван Иванович Бутурлин, от лейб-гвардии Преображенского полку майор Андрей Иванович Ушаков, от гвардии от бомбандир капитан поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, слушав вышеписанного (или “сея выписки”)... приговорили»... (идет самый приговор с глаголами в неопределенном наклонении). Если сравним эту форму приговора с формами, бывшими в майорских розыскных канцеляриях (кн. П. Голицына, Матюшкина и др.), то увидим, что отличия отсутствуют. Таким образом, перед нами опять намек на преемственность майорских канцелярий и Тайной канцелярии, на их близкую кровную связь.

Форма определений оставалась неизменной до 1722 года, но в самом начале этого года происходит какой-то перелом, вследствие которого она совершенно изменяется. В результате определение от 15 февраля 1722 года имеет уже следующий вид: «...По указу Его Императорского Величества, Тайная Канцелярия, слушав сей выписки, определила...» С этих пор до самого конца существования Тайной канцелярии форма ее определений и приговоров уже не меняется.

Трудно при столь скудных данных уловить значение этих изменений, но можно полагать, сопоставив две формы, что первая из них имела в виду более лица, вторая же — более учреждение, и такая перемена формы, быть может, свидетельствует, что к 1722 году Тайная канцелярия стала боль-

ше государственным учреждением, чем конторой, исполнявшей личные поручения.

Первое впечатление при рассмотрении определений и приговоров может повести к заключению, что в такой вид обычно облекались распоряжения министров, касающиеся присуждения к наказанию и пыткам колодников, то есть собственно судебные приговоры. Но это верно только отчасти: определения хотя и в меньшей степени, но все-таки касались и других сторон деятельности Тайной канцелярии. Мы уже видели, как разнообразны были занятия министров, когда они оказывались в Тайной канцелярии. Конечно, бóльшая часть времени уходила на судебные разбирательства и на вынесение приговоров, облекаемых в форму определений, однако у Тайной канцелярии в заведывании были имущества и конфискованные суммы; у нее был свой бюджет, который тоже требовал наблюдения и распоряжений. Сколько удастся проследить, все в области финансовой тоже делалось исключительно определениями — с таким же точно изменением форм их во времени. Ни один даже мелкий расход не делался без соответствующего определения.

Однако деятельность министров в «определения» все равно не укладывалась, и это привело к появлению новой делопроизводственной формы. Еще до ее установления находим в делах Тайной канцелярии полуофициальную форму: тетрадь с заголовком «Записка приказам Его Превосходительства Петра Андреевича Толстого»; внутри этой тетради записано в хронологическом порядке по дням, когда Толстой бывал в Тайной канцелярии; скорописью набросаны все его мелкие приказания по содержанию колодников, исполнению бумаг и проч. Тут же есть отметки о пребывании в Тайной канцелярии государя. Тетрадь эта, несомненно, сначала не имела официального значения делопроизводственной формы, но под влиянием практики, по-видимому, к 1724 году эти записки частного характера получают название «протоколы». Эти «протоколы», переплетенные в кожаные переплеты, дошли до нас от 1724, 1725 и 1726 годов.

Протоколы велись в двух видах: во-первых, просто протоколы и, во-вторых, протоколы «по секретным делам». Обычные протоколы — это повседневные записи всего, что

делалось в Тайной канцелярии главным образом во время присутствований министров с отметками, когда и кто из них приезжал. Тут же говорится о посылаемых бумагах, об учинении новых «розысков», об исполнении (в деталях) приговоров; здесь же находим отметки об учинении наказаний и т. д. Словом, не только записывались приказания министров (в том числе мелкие), но вносилась в «протоколы» вообще вся жизнь Тайной канцелярии. Здесь же отмечались болезни колодников, смерти, привод новых арестантов и распоряжения по конфискованным имуществам.

В протоколах «по секретным делам» имеются распоряжения министров (и секретаря) исключительно по делам секретного характера, которые не могли быть помещены в общий протокол, поскольку это нарушало «тайность». Характер этих протоколов тот же, что и общих протоколов, но содержание другое. Оба вида «протоколов» обычно скреплялись подписями «министров»; чаще всего это была подпись А. И. Ушакова.

Когда в Тайную канцелярию поступало какое-либо обвинение или доношение, учинялось «следование»; совокупность всех производимых в его процессе действий, заносимых на бумагу, и образовала собой делопроизводственную форму — то, что ныне принято называть «делом»; такое же название существовало и в то время. Озаглавливались дела обычно именем обвиняемого — например: «О Ефиме Санине», «О Березине»; иногда же, когда дело было сложное, оно получало название по какому-либо другому признаку, например по месту действия, — так появилось «Новгородское дело», «Ревельское дело». Сам способ ведения дела обычно обуславливал и форму его.

Первую часть всякого «дела» составляют бумаги, в силу которых дело началось; обычно это или письма Макарова, или промемория из какого-либо присутственного места, или просто отметка о приказе кого-либо из министров. Вторую часть дела обычно составляют допросные и пыточные речи, то есть записи того, что обвиняемые и свидетели говорили на допросах и пытках; при этом речи эти закреплялись подписями допрашиваемых и пытаемых. Почти постоянно из этих «речей» делался краткий экстракт — выписка, кото-

рая докладывалась министрам во время слушания ими дел. Третью часть дела составляет определение Тайной канцелярии; в его тексте обычно встречается выражение «слушав сия выписки» — то есть идет речь о только что упомянутом экстракте. Вслед за определением-приговором обычно помещается объявление преступнику о его вине и присужденном наказании. Наконец, в самом конце дела часто есть заметка об исполнении приговора.

Таковы основные части каждого «дела» Тайной канцелярии. Но очень немного дел выдерживают в чистоте такой тип. Часты элементы, расширяющие и усложняющие состав дела: например, иногда после допросных речей Тайная канцелярия делает постановления о дальнейших шагах для продолжения допросов и розысков, или о вытребовании новых лиц, или об изменении самого процесса (например, о передаче всего дела в ведение другого учреждения), или о наведении каких-либо справок в других учреждениях. Тогда дело сильно разрастается. Довольно часто тут же прилагаются письма министров и секретарей друг к другу; в этих письмах они обмениваются мнениями по поводу данного дела.

Большое денежное хозяйство Тайной канцелярии также требовало делопроизводственных форм, и они, видимо, существовали. Приход и расход был более или менее выделен в особое делопроизводство; обычно оно вверялось одному канцеляристу, который и вел самостоятельно весь приход и расход. Как мы уже заметили, расходы, даже незначительные, производились обычно на основании определений. Все определения финансового характера переплетались, с приложением всей вызываемой ими переписки, в общие книги, отрывки которых дошли до нас. Кроме того, велись многочисленные записи и ведомости прихода и расхода в виде таблиц, обычно приурочиваемых к месячному сроку. Образованию этой последней формы способствовала необходимость отсылки ежемесячных ведомостей в ревизион-контору при Сенате. Эти ведомости звались «счетными выписками Канцелярии Тайных Дел денежного прихода и расхода». Первичными формами, по которым и составлялись эти «счетные выписки», были, во-первых, «тет-

радь записная расходу», во-вторых, «тетрадь записная приходу» за соответствующий год, куда тщательно заносился всякий приход и расход, делаемый кассой. Таким образом, денежное делопроизводство Тайной канцелярии выражалось в трех формах: 1) книги «определений» с исполнениями по ним; 2) тетради (или книги) расхода и тетради прихода и 3) «счетные выписки».

Но кроме чисто денежных дел у Тайной канцелярии были дела хозяйственные — конечно, тоже связанные с денежными операциями. Это были, во-первых, дела, касающиеся собственно учреждения (забота о помещении, о колодниках, выдача прогонов, забота о канцелярских принадлежностях и проч.), во-вторых, дела по конфискованным у преступников имуществам. До нас дошли (хотя и в обрывках только) книги, в которые переплетены дела исключительно по конфискованным имуществам. Подавляющее количество этих дел возникало по челобитьям разных лиц, связанных с владельцами конфискованных имуществ какими-либо имущественными обязательствами.

III

Мы уже имели случай заметить, что в самые первые годы деятельности Тайной канцелярии состав ее «приказных людей» считался временным. Ни о каком постоянном штате не могло быть и речи; дьяки и подьячие набирались из разных мест, «на время», в том числе в каком они требовались для данного количества дел в данное время; по мере окончания дел приставленные к этим делам приказные отсылались обратно к старым местам своей службы. В 1719 году решено даже и жалованье подьячим Тайной канцелярии выдавать там, откуда они были взяты «для того, что оные подьячие взяты в помянутую Канцелярию на время».

Многие примеры ясно свидетельствуют, что штат «приказных людей» Тайной канцелярии был неустойчив и совершенно случаен. Однако по мере того, как ее компетенция определялась точнее — особенно с 1722 года, когда

Тайная канцелярия как будто приняла определенные, до известной степени, функции, — постепенно устанавливается некоторый штат приказных людей, и в этом штате намечаются границы прав и полномочий каждого из видов приказных.

До нас дошел штат 1723 года, то есть как раз времени наступления сравнительной устойчивости в строе Тайной канцелярии. По этому штату имеется секретарь Иван Топильский; канцеляристы: Гуляев, Русинов, Кириллов¹⁰⁷, Шурлов; подканцеляристы: Вителев, Басов. Всего приказных людей было семь человек. Секретарь был как бы правителем делопроизводства Тайной канцелярии; следующей по рангу была должность канцеляриста, и на третьем месте уже стояли подканцеляристы.

Секретарь был, безусловно, самым важным лицом после министров. Достаточно поверхностного просмотра дел, чтобы убедиться, что секретарь являлся единственным докладчиком министров по всем делам и притом фактически руководил составлением докладных выписок и экстрактов, предлагаемых министрам в доклад. Мы уже видели, кроме того, что основные допросы и розыски колодникам производились главным образом секретарями. Если не все, то большая часть поступавших бумаг проходила через руки секретаря, резолюции которого на бумагах можно встретить довольно часто; да и кажется, что все первоначальное направление дела в сильной степени зависело от секретаря. «Записать в книгу, а колодников принять под крепкий караул и содержать за особыми порознь часовыми, чтоб ни с кем разговора не имели», — так пишет Топильский на одной присланной с колодниками бумаге; тон и содержание резолюция ясно свидетельствуют о влиянии и значении человека, ее писавшего.

Играя большую роль в делопроизводстве, секретарь юридически являлся простым исполнителем велений министров — и только. Это ясно из следующих фактов. В июне 1722 года Топильский пишет бывшему в отсутствии Ушакову: «Ежели откуда будет присылать колодников, кои станут сказывать за собой государево слово или дело важное, таковых мне здесь принимать ли? Буде принимать, что

с ними чинить? И которые колодники будут просить пищи, кормовые деньги давать ли? О том о всем требую указа». Вообще без указаний со стороны министров секретари не могли (или почти не могли) принимать дела и колодников. Топильский в одном письме 1722 года писал: «...изветы и роспросные речи в Канцелярию Тайных Дел без повеления Вашего Превосходительства принять не смею» А когда однажды тот же Топильский принял и даже допросил колодника без прямого на это указания министра, то он немедленно, сообщая о допросе, приносит в этом повинную: «...а что, государь мой, к вопросу оного Корноухова дерзновенно и нерапортовав Вашего Превосходительства учинил, в том прошу милостивого прощения». Секретари не имели права приступать к пыткам без особого в каждом отдельном случае приказа со стороны министров. И если министры были в отсутствии, то, посылая им (или одному из них) докладную записку о ходе дел, секретарь не приступал к «розыску», а спрашивал «впредь о том, что чинить».

На втором месте в иерархии приказных людей Тайной канцелярии стояли канцеляристы. В руках каждого из канцеляристов находилось «повытье», то есть отдельное делопроизводство. Один из канцеляристов обычно назначался «быть у прихода и у расхода», то есть вел денежные дела Тайной канцелярии, был как бы ее казначеем. Деятельность отдельных канцеляристов нельзя различить в общей массе делопроизводства; надо думать, они были заслонены секретарем. Получали канцеляристы, кроме хлебного жалованья, в год 80 рублей деньгами; выплаты денежного содержания, бывавшие обычно по третям года, происходили, очевидно, крайне неаккуратно. До нас дошло несколько прошений канцеляристов, направленных министрам, где они просят о выдаче им жалованья, задержанного за две трети года, и Тайная канцелярия определила им просимое жалованье выдать «для их сушей бедности и пропитания». Но когда кто-либо из канцеляристов просил об отпуске, то получить разрешение удавалось, видимо, не всегда.

Подканцеляристы употреблялись чаще всего просто для переписки многочисленных бумаг.

Таков был состав приказных людей Тайной канцелярии.

Но Тайная канцелярия почти очевидно не была учреждением, прикрепленным к одному месту; в Москве всегда существовала ее часть, ее отделение, — как это наблюдалось в устройстве почти всех коллегий и канцелярий. В августе—сентябре 1718 года дьяк Палехин был по настоятельной просьбе Ушакова отставлен от заведывания делами Тайной канцелярии и отправлен в Москву, чтобы там быть ему «в правлении всех дел» рекрутной канцелярии ведения Ушакова. Едва этот опытный доверенный человек приезжает в Москву, как Ушаков и Толстой начинают из Тайной канцелярии обращаться к нему по поводу производства ведающихся в Москве розысков. Палехин ведет следствия, допрашивает и пытается колодников, следуя ордерам министров, и обо всем доносит докладными выписками. В своих докладных выписках Палехин сообщает всегда, что пишет «из канцелярии с потешного двора от тайных дел», то есть из московской канцелярии Ушакова.

Дела, которые в части или даже целиком удобнее было расследовать в Москве, довольно часто попадались в производстве Тайной канцелярии. Например, в январе 1719 года Ушаков пишет Палехину, чтобы он сыскал и произвел допросы в Москве одному лицу, замешанному в ревельском адмиралтейском деле, что Палехин и исполняет, забирая колодника «в канцелярию на потешный двор к тайным делам», где и ведет все следование. В 1721 году Толстой поручает Палехину произвести аресты, обыски и допросы в Москве людей, замешанных в одно раскольничье дело. В 1720 году Палехин ведет по указаниям из Тайной канцелярии предварительное следствие в Москве по делу игумена Симона, у которого были найдены таинственные гадательные тетради. Следов такого участия Палехина в разных делах можно найти еще немало. При этом необходимо заметить, что всегда Палехин действовал только по прямым конкретным приказам министров; даже малейших следов какой-либо самостоятельности Палехина не встречается.

Таким образом, в канцелярии на потешном дворе в Москве, что была под ведением А. И. Ушакова, образовался особый отдел тайных дел, который вел секретарь Палехин; но он вел его не один — секретарями канцелярии на потеш-

ном дворе были в то время Василий Казаринов и Козьма Филиппов, видимо тоже имевшие отношение к тайным делам. Так, в делопроизводство канцелярии Ушакова, ведавшей в это время главным образом рекрутные дела, вошло особое делопроизводство по тайным делам.

В 1721 году Палехин назначается обер-секретарем Синода и покидает канцелярию на потешном дворе, переселяясь в Петербург по новой своей должности. «По Тайной Канцелярии дела особливо на меня положены», — написал в это время Топильскому занявший его место Казаринов. Предмет своего ведения Казаринов знал хорошо, ибо прибыл с Ушаковым из Петербурга в Москву еще с теми «ратушскими делами», расследование которых Петр поручил Ушакову в 1715 году; таким образом, Казаринов был в ушаковской канцелярии с самого ее образования. При нем помощником оставался Филиппов, и прибавился затем еще П. Васильев, тоже, вероятно, в качестве секретаря. Казаринов оставался во главе московского отделения Тайной канцелярии до самого ее фактического упразднения в 1726 году.

Приступая к описанию деятельности московского отделения Тайной канцелярии, необходимо отметить, что во все время своего существования оно было слито с канцелярией рекрутного счета, в которой, если посмотреть с формальной стороны, только существовал как бы особый отдел по тайным делам. В 1724 году, как и ранее при Палехине, Казаринов и другие московские секретари писали в своих бумагах в Тайную канцелярию «из Канцелярии рекрутного счета, обретающейся в Москве от дел Тайной Розыскной Канцелярии», или «из Канцелярии рекрутного счета по делам Тайной Канцелярии». В. Казаринов вел всю переписку с министрами, он скреплял дела и приговоры, посылал в Петербург доношения и выписки к докладу. Изредка выступают на сцену и другие секретари, Филиппов и Васильев. Однако главенствующее положение Казаринова едва ли подлежит сомнению и может быть сопоставлено с таковым же Топильского в Петербурге. Аналогичен был и уровень полномочий Казаринова: его власть была чисто исполнительная. Эта власть, как и все положение московского отдела Тайной канцелярии, видимо, зиждилось на убеждении

Ушакова и Толстого в том, что многие дела можно решать в Москве «через ордеры наши», тем более что при посылке дел в Петербург иногда происходили «точно убыток деньгам и турбация людям». Все это Ушаков излагает в одном письме к Казаринову (1723 год), выражая свое недовольство, что Казаринов взял привычку дела и колодников сразу пересылать в Петербург. Таким образом, решение дел в Москве, посредством приказов министров из Петербурга, которые делались на основе присылаемых им выписок, являлось основной задачей деятельности московского отделения. Как же выполнялась эта задача?

Еще в 1720 году, еще в бытность в Москве Палехина, Ушаков из Петербурга по определению Тайной канцелярии приказывает Палехину, Казаринову и Филиппову произвести следование по одному «слову и делу», что Палехин и выполняет. В этом случае роль Палехина в деле выясняется довольно подробно: «Чаплыгина распросить в Москве дьяку Тимофею Палехину; буде он в чем станет упираться и не сказывать, то его Чаплыгина — в застенок, и при попытке спрашивать; ежели покажет на кого из тамошних, то оных сыскивать и содержать в крепком аресте и поступать с ними так же, как в Преображенском приказе бывало по таким делам... и какой к чему будет след, так и чинить». Эта схема, в которой давались полномочия московскому отделению, видимо, сохраняет силу и значение нормы для всего последующего периода деятельности московских дьяков по тайным делам. В 1723 году, например, в Москву были присланы колодники из Малороссии, обвиняемые в хулильных словах о Петре. Казаринов, сняв со всех них первые допросы, посылает об этом в Петербург докладную выписку. Тайная канцелярия по этой выписке постановляет пытаться виновного до признания им своей вины трижды, и об этом посылается ордер Казаринову, который исполняет постановление, и об исполнении опять доносит: «...означенным Муравейщиком розыскивал я трижды, а с розысков сказал: в первом и во втором говорил он... (идет подробно переданное показание)... а в третьем розыску сказал... (опять идет показание)... Было ему во всех трех розысках 106 ударов; а свидетели войт Дейника да Ерема волошанин в застенке,

стоя у дыбы на очных ставках, с клятвою говорили... (идет показание)... и оным, Государь. Муравейщиком, что чинить, о том требую повелительного от вашего превосходительства ордера». На это Тайная канцелярия опять шлет подробные «указы», и таким образом дело доводится до конца.

До нас дошел целый ряд писем от Казаринова к министрам и от министров к Казаринову, в которых описываются следствия по многим московским делам, и все они идут тем же способом, как в двух только что упомянутых случаях. Обычно Казаринов в деталях передавал ход розыска, почти каждое письмо заканчивая требованием дальнейших ордеров со стороны министров. Министры же в ответных письмах обычно достаточно подробно сообщали секретарям, как надо вести следствие, что у кого из колодников спрашивать и проч.

При всех своих «розыскных» операциях московские дьяки пользовались, разумеется, рекрутной канцелярией ведения Ушакова, в которой они сидели, как учреждением; при этой же канцелярии содержались и все колодники по тайным делам.

Иногда Тайная канцелярия поручала московским секретарям и сыскивание преступников, для чего в помощь им придавался имевший свои инструкции гвардейский сержант с несколькими солдатами. Если требовалось на месте произвести следственные действия, то для этого иногда Тайная канцелярия посылала и самих секретарей; например, в 1724 году было велено Козьме Филиппову ехать в один монастырь и произвести там допросы; Филиппова сопровождали сержант и несколько солдат; от Синода был в монастырь по этому поводу дан «послушный» указ. Часто московскому отделению давались мелкие поручения: например, в 1720 году Ушаков пересылает в Москву несколько указов Тайной канцелярии, адресованных ярославскому воеводе, и приказывает преправить эти указы далее по назначению.

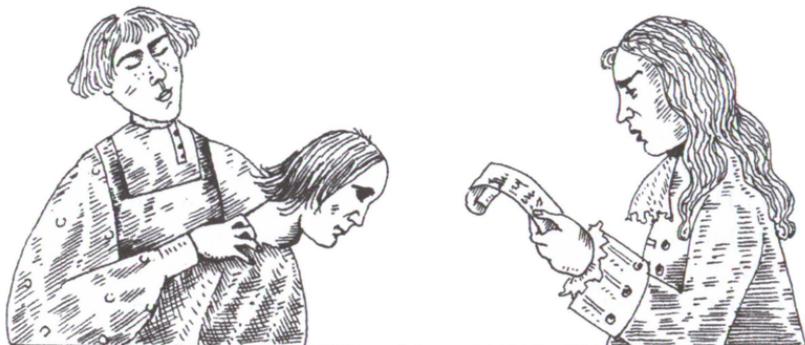
Если случались какие-либо неожиданные происшествия, то московские секретари сами их улаживали, донося обо всем подробно после в Петербург; но такого рода случаи были редки; например, в 1721 году «в канцелярии на

потешном дворе содержащийся колодник... Тарабунин, пришедший в судейскую палату, дьяку Козьме Филиппову говорил, чтобы ему дать от тайных дел подьячего написать ему доношение по тайным делам. И того ж числа оный рекрут в судейской палате перед дьяками Казариновым и Филипповым спрашиван наедине тайно»; дело оказалось «царственное», и дьяки решили отправить его в Преображенский приказ. В 1722 году караульный урядник, «пришедший в судейский стол к секретарю Василию Казаринову», донес, что один колодник желает «нечто еще донести» секретарям, «и того же числа» колодник был «взят в судейский стол и во оном спрашиван и сказал...». Конечно, обо всем этом идет подробный доклад в Петербург.

Во время пребывания одного или нескольких министров в Москве московское отделение превращалось в настоящую Тайную канцелярию. Когда во второй половине 1722 года Скорняков-Писарев приехал на время в Москву, то здесь он решал именем Тайной канцелярии все дела, бывшие на следовании в Москве и представленные ему Казариновым и его товарищами; при этом Казаринов обычно скреплял все дело. В это время переписка велась из Москвы не от имени канцелярии рекрутного счета, а от имени Тайной канцелярии, и ответы из разных мест хотя и шли в Москву, но тоже адресовались Тайной канцелярии; Казаринов также пишет в этот период Ушакову, что присланы колодники в Москву «в Тайную Канцелярию».

В начале 1723 года в Москве был Толстой и тоже решал дела, подготовленные Казариновым. Здесь мы имеем возможность наблюдать один характерный случай. Когда в самом конце 1722 года, в бытность Скорнякова-Писарева в Москве, началось там одно дело, то первые по нему определения подписывал Скорняков-Писарев. Но к его отъезду в начале 1723 года дело осталось неоконченным; однако вскоре приезжает Толстой и, очевидно, кончает это дело, так как последние по нему определения идут — конечно, от имени Тайной канцелярии — уже за подписью Толстого.

Глава девятая Последнее время существования Тайной канцелярии и ее упразднение

|

В январе 1725 года умер Петр Великий, а через год с небольшим Тайная канцелярия фактически перестала существовать, слившись с Преображенским приказом. Но если передача Тайной канцелярии Ромодановскому осуществилась только в середине 1726 года, то процесс ее постепенного умирания начался гораздо раньше.

По другому поводу мы уже имели случай упомянуть об эпизоде, который произошел в 1719 году между Ушаковым и Ромодановским. Я позволю себе еще раз процитировать письмо Ушакова, с которым он обратился тогда к князю Ромодановскому. Письмо это помечено 10 июля 1719 года и приложено к делу: «Государь мой князь Иван Федорович! В нынешнем 1719 году в июне месяце Царское Величество указал... как изволил быть на Котлине острову, по докладу действительного тайн. сов. кав. П. А. Толстого по Канцелярии Тайных Розыскных Дел, ежели впредь будут вновь какие дела касаться о здоровье Его высокомонаршей чести и другие подобные тому, и оные, чтоб примать вашему сия-

тельству, и, что принадлежит, исполнить по правам его царского величества. А сего июня 10 дня прислано из Казани от вице-губернатора господина Кудрявцева с капитаном Осипом Ивиным 2 человека доносителей: дому казанского архиеерея подьячие Петр Степанов, Федор Золотарев да других колодников 11 человек, до которых касаются важные царского величества дела о умысле на его царское величество, которых, как людей так и присланные об их письма, благоволи принять и указ учинить по его царского величества указу. Вашего сиятельства раб Андрей Ушаков» В это время Ромодановский находился в Петербурге. Из приведенного письма ясно, что в июне 1719 года последовал какой-то указ Петра, которым все дела о здоровье и чести царской передавались из ведения Тайной канцелярии в Преображенский приказ; однако в приводимом изложении Ушакова указ этот неясен и туманен. В сентябре того же 1719 года кн. Ромодановский уезжает из Петербурга и передает это дело обратно Тайной канцелярии и опять «по именному царского величества указу» «для розыска и учинения указа». Позволим себе предполагать, что тут проглядывает интрига, в основе которой попытка Толстого сбросить с Тайной канцелярии всякие мелкие дела, начавшие в нее стекаться из провинции скорее обычаем, чем вследствие какого-либо указа или распоряжения. Так, впервые мелькает желание Толстого развязаться с Тайной канцелярией в том ее виде, который мало-помалу она начала приобретать, все более занимаясь незначительными делами «против первых двух пунктов». И если в этот раз Толстому не удалось провести до конца свое намерение, то мысль о нем, очевидно, его уже не покидает.

В совсем других условиях начиналась работа Толстого в Тайной канцелярии — тогда основной предмет ее ведения составляли дела государственной, первостепенной важности; слишком привык Толстой к широкому размаху в своей деятельности, чтобы после этого удовольствоваться розысками по делам о непристойных словах разных сумасбродных и пьяных людей. Для этого существовали Преображенский приказ и кн. Ромодановский. Когда в сентябре 1723 года Ромодановский опять проводит некоторое вре-

мя в Петербурге, Ушаков снова не принимает колодников, присланных в Тайную канцелярию Девиером, и отправляет их Ромодановскому, мотивируя этот свой шаг тем, «что таковых надлежит отсылать в Преображенскую Канцелярию», то есть, видимо, выдвигая на сцену указ 1719 года. В тот же год, когда кн. Ромодановский добился, чтобы дьяк Василий Казаринов и у него в Преображенском приказе был «у важных дел», Тайная канцелярия, пользуясь случаем, «определяет» (определение подписывают Толстой и Ушаков), что все дела, следованные Казариновым в Москве по Тайной канцелярии, тоже следует передать в Преображенский приказ; таким образом, и здесь Толстой стремится уклониться по мере возможности от некоторых дел, передавая их Ромодановскому.

Однако, как мы знаем, в 1722 году Петр уравнил Тайную канцелярию с Преображенским приказом, возложив на них одинаковую обязанность вести розыск по делам «против первых двух пунктов» — делам в огромной своей массе незначительным, мелким, ничтожным. Из этого следует вывод, что попытки Толстого успеха не имели; благодаря указу 1722 года, наоборот, началось усиленное заполнение делопроизводства Тайной канцелярии теми самыми делами, от которых Толстой всячески старался отделаться. Волей-неволей Толстому и Ушакову пришлось возиться с ними. С этого времени, видимо, работа в Тайной канцелярии окончательно сделалась для Толстого чем-то весьма неприятным, далеким от его честолюбивых интересов.

Так продолжалось до 15 января 1724 года, когда последовал указ Петра: «Всепресветлейший державнейший Петр Великий, император и самодержец всероссийский и прочее, и прочее и прочее, будучи в зимнем Его Величества доме в Вышнем Суде, указал по именному своему величества указу: следующие в Тайной Розыскной Канцелярии дела важные решить, а вновь, подобно прежде бывшим, колодников и дел присылаемых ни откуда не примать, понеже оставшие за решением дела отослать в Правительствующий Сенат и с подьячими; а секретарю Топилскому быть при прежних рекрутных делах, откуда он взят был». Под этим указом стоит скрепа: «...от гвардии майор Ушаков».

Таким образом, желание Толстого исполнилось: Тайная канцелярия этим указом предназначалась к немедленному уничтожению. Отвечая Ушакову на его извещение об этом указе, Толстой писал ему из Москвы 27 января того же 1724 года: «...Паки вам, мой государь, с великой моей радостью благодарствую, что изволил меня цидулкою уведомить о указе императорского величества, что в Тайную Канцелярию вновь дел и колодников принимать не велено и прежние важные дела решить, а оставшие и с подьячими отослать в Сенат; того ради вас, моего государя, прилежно прошу оный его величества указ немедленно исполнить... и которые важные дела решатся и останутся у нас, те, мнится мне, надлежит положить в Архив... а прочие с подлинною описью отослать в Сенат».

Однако дело не идет так скоро, как того хочется Толстому; письмом от 4 февраля Ушаков уведомляет Толстого: «...Об отсылке дел в Сенат хотя у нас указ записан и многих присылаемых колодников не принимаем, только еще из Сената к нам указа не прислано». Толстой на это отвечает: «...Об отсылке дел в Сенат я уповаю, что вы, мой государь, потрудитесь скорейше *от той тягости свободить меня и себя... а ежели за бесчестие наше скоро канцелярия наша с нас не съмется* (курсив мой. — В. В.), то, мнится мне, небезопасно нам будет оного (одного оставшегося дела. — В. В.) не следовать». Из выделенных курсивом фраз ясно видно, как в это время Толстой относился к своему положению главы Тайной канцелярии. Однако надо было ждать. Ушаков писал ему, что «...о принятии в Правительствующий Сенат не решенных здесь по Тайной Канцелярии дел и колодников доношение подано; и, хотя о том старание имеем, однако же ничего там не учинено на наше требование; прикажи государь в Сенате справиться, записан ли у них именной указ, а Павлу Ивановичу (то есть Ягужинскому¹⁰⁸) Его Императорское Величество именно о том приказывал». Толстой отвечает: «...О том я справливался; и хотя указ именной записан, но не ясно: токмо, чтоб при Сенате учинить для тайных розыскных дел контору, а именно о нашей Тайной Канцелярии ниже о колодниках не упомянуто: однако ж я о том сенаторам прилежно говорил, чтобы те канцеля-

рию с наших рук сняли, и обещают то учинить; а ныне буду домогаться, чтоб дела по Тайной Канцелярии, которые имеются в Москве, велели бы принять в Сенат, и тем бы уже начало приему учинили; о колодниках, которые в Москве и в Санкт-Петербурге, также об Орлове и Попове буду стараться, чтоб их с наших рук сняли».

В общем, дело затягивалось. Сенат — умышленно или неумышленно — устроил волокиту. Толстой совершенно верно указывает, что именной указ записан неясно, что о Тайной канцелярии в этой записи нет ничего, кроме упоминания ее в заглавии. Позволю себе привести целиком эту запись, как мы ее находим в подлинных сенатских книгах именных указов. Озаглавлен указ так: «О конторе при Сенате, Тайной Канцелярии и майорских»; самый же указ записан так: «Чтоб при Сенате учинить контору розыскных дел, также особую палату, где для случающихся дел чрезвычайных — и первое, когда какой розыск будет в Сенате, — то дела оные там будут; а другое место — для таких дел, как Шафирово случилось; по сему месту быть без служителей, но когда случай позовет, тогда на время брать». Указ этот помечен 13 января 1724 года. Нельзя прежде всего не обратить внимания на то, что даты не сходятся: указ, данный Ушакову о ликвидации дел Тайной канцелярии, датируется 15 января, а запись сенатского указа датируется 13 января; создается впечатление, что был не один, а два одновременных указа. С другой стороны, очевидна неловкость сенатской записи; Толстой в своем письме говорит именно о ней. Так что есть основание полагать, что указ был все-таки один, но записанный разными лицами — Ушаковым и Ягужинским в разные дни — 13 и 15 января; причем Ягужинским явно неточно, а Ушаковым — неполно; все это вместе и возбуждает то недоумение, которое заставляет предполагать существование двух указов. Попытаемся же на основании всех вышеизложенных данных и соображений реконструировать, что, собственно, Петр имел в виду сделать в указе 13–15 января 1724 года.

Несомненно, одну часть указа составляло именно то, что было записано Ушаковым, то есть было велено Тайной канцелярии бывшие уже у нее в производстве важные дела

оканчивать, новых дел более не принимать, а все остающиеся вместе с подьячими отправить в Сенат; секретаря же отправить обратно к рекрутским делам. Таким образом, речь шла о ликвидации Канцелярии с передачей дел в Сенат; а в Сенате (и эту часть указа записывает Ягужинский) велено было основать для таких дел «контору розыскных дел» с «особой палатой»; к сожалению, трудно уяснить, что эта контора должна была собой представлять. Кроме того, еще должно было быть устроено «другое место» «для таких дел, как Шафирово»; что это за «другое место», тоже остается совершенно неясным. Но очевидно, что был сформулирован и начал приводиться в исполнение по воле Петра план реорганизации — в части, по крайней мере, преследования государственных преступлений, которое передавалось в руки Сената; о Преображенском приказе при этом, кажется, забыли.

Насколько все это представлялось смутным и неопределенным с самого начала современникам и исполнителям, мы только что видели; очевидно, только одно было ясно и желательно для Толстого — что избавление от Тайной канцелярии близко. А у Сената, видимо, не было никакой охоты разбираться в этом тумане и задавать себе новую работу с организацией «конторы розыскных дел»; поэтому дело вперед не двигалось, несмотря на все радения Толстого, — ему «обещали» и этим до поры до времени ограничивались.

В начале 1724 года кн. Голицын присылает из Москвы в Тайную канцелярию дело и колодников по «слову и делу». Тайная канцелярия решает дело не принимать и отослать его в Сенат, согласно указу от 15 января 1724 года. Определение это подписывает Ушаков, во второй половине марта дело попадает в Сенат. По смыслу указа от 15 января 1724 года оно должно было поступить в «контору розыскных дел». Однако выходит совсем не так. 27 апреля Сенат шлет в Тайную канцелярию длинный указ, в котором, изложив вкратце самое дело, далее сопоставляет три указа: от 1722 года об отсылке всех дел из провинции по «слову и делу» в Тайную канцелярию или в Преображенский приказ; от «апреля 29 дня», чтобы быть в Преображенском между прочим и «государственным делам»; от 15 января 1724 го-

да, в котором велено Тайной канцелярии никаких колодников не принимать. Из этого сопоставления выводится, что данное дело следует «отослать для исследования и учинения указа в Преображенский Приказ».

Получается, что три месяца назад изданный именной указ Петра уже забыт или нарочно обойден, несмотря на прямое напоминание о нем в «определении» Тайной канцелярии. Эта забывчивость в соединении с упорством Сената в непринятии дел от Тайной канцелярии свидетельствует, что Сенат просто не желал брать на себя лишнюю обузу в форме конторы розыскных дел и всячески делал вид, что забыл о существовании царского указа. Это объясняет, почему ликвидация дел Тайной канцелярии безнадежно затягивалась.

Между тем предписание Сената, видимо, принимается Тайной канцелярией к исполнению: когда в том же 1724 году полковник фон Ден присылает в Тайную канцелярию подпрапорщика по «важному Его Императорского Величества делу», то она «определяет» в приеме дела отказать и предлагает отправить его, согласно решению Сената, в Преображенский приказ. Это было совершенно в духе Толстого, который, как мы видели, уже давно стремился передавать в Преображенский приказ все дела. Как бы то ни было, но принимая новые дела далее Тайная канцелярия отказывается, каждый раз составляя особое «определение» об отказе со ссылкой на указ от 15 января 1724 года.

Так продолжается весь год, хотя не обходилось без исключений. В сентябре 1724 года Ушаков получает письмо от Румянцева: «Государь мой Андрей Иванович! Его Императорского Величества указом, будучи в Москве, отдан мне арестант города Серпухова житель... Шапошников, который и ныне содержится в полковой нашей канцелярии под арестом, и я о нем Его Величеству докладывал, и Его Величество изволил указать одного Шапошникова отдать к вам; того ради извольте, государь мой, приказать его Шапошникова принять в свое ведомство и при случае об нем Его Величеству доложить». Дело это несколько курьезно по своему содержанию: этот Шапошников поднес Петру в день его рождения в церкви два калача; Петр принял подарок и позвал

его к себе во дворец, где Шапошников стал порицать нюханье табаку: Петр, рассердившись на это и заподозрив в Шапошникове раскольника, отправил его под арест и передал дело через Румянцева вышеприведенным письмом Тайной канцелярии. Конечно, от такого дела Тайная канцелярия отказаться не могла, точнее, не смела и провела следствие по нему обычным порядком.

Таким образом, в последний год царствования Петра положение Тайной канцелярии выглядело чрезвычайно странным, неустойчивым, каким-то промежуточным. С одной стороны, указом императора был вполне ясно поставлен вопрос о ее ликвидации; с другой стороны, этот процесс настойчиво тормозил Сенат, да и Петр сам считал допустимым поручать канцелярии некоторые дела.

Неизвестно, сколь долго продолжалась бы эта неопределенность, но тут в январе 1725 года неожиданно умирает Петр и на престол вступает Екатерина.

II

Впрочем, с началом царствования Екатерины положение Тайной канцелярии остается прежним; это заметно прежде всего потому, что дела в ней то принимаются, то опять не принимаются с ссылкой на указ 1724 года; подметить в этом какой-либо принцип трудно.

В 1725 году новгородский воевода пишет о неправильностях, которые были допущены при присяге купеческими людьми Новгорода. Тайная канцелярия начинает дело, пишет запрос в главный магистрат, который ей подробно отвечает, доказывая, что никаких нарушений не произошло. Рассмотрев объяснение магистрата, Тайная канцелярия решает, что присяга была принесена правильно, и делает замечание воеводе, что он поступил неосмотрительно и только доставил Тайной канцелярии напрасное «утруждение». Немного спустя Синод присылает доношение из Астрахани об одном попе, который будто радовался смерти Петра Великого. Тайная канцелярия протокольным постанов-

лением решает отправить указ астраханскому губернатору, чтобы тот все это дело исследовал и прислал ей результаты следствия. Мы знаем, как подобный порядок производства дел был несвойствен Тайной канцелярии при жизни Петра. Астраханский губернатор поступает, как ему велят: осуществляет следствие и присылает весь следственный материал со своей предположительной резолюцией о наказании попа, Тайная канцелярия в протокольной форме утверждает эту резолюцию и шлет указ в Астрахань об исполнении наказания.

Таким образом, несомненно, Тайная канцелярия иногда принимает обычные дела так, как это было до указа 1724 года; однако, с другой стороны, иногда такого же рода дела ею отвергаются. Когда в ноябре 1725 года были присланы из Старорусской ратуши колодники «по тайным делам», то Тайная канцелярия отказалась их принять с мотивировкой: «...понеже в прошлом 1722 году апреля в 28 числе по именному указу блаж. веч.-дост. пам. Его Императорского Величества хотя и повелено злодеев и прочих по делам их колодников из городов присылать, не расспрашивая, в Тайную Канцелярию или в Преображенский приказ за крепким караулом, но потом в 1724 году января 15 дня Его же Императорское Величество именованным указом в Тайную Канцелярию колодников и дел присылаемых из губерний принимать не велено, а отсылать бы их в Преображенскую Канцелярию». Когда в 1726 году Артемий Волынский¹⁰⁹ присылает из Пензы солдата-извечника, Тайная канцелярия тоже отказывается в приеме этого дела, ссылаясь на царский указ от 25 января 1724 года и на указ Сената от 27 апреля того же года.

Но если дело поступало по личному желанию и повелению императрицы, то тут Тайная канцелярия принимала и «следовала», конечно, беспрекословно. Так, в 1725 году расследовалось дело о полковнике Ергольском¹¹⁰. Началось все с маленькой записки, присланной кабинет-секретарем Макаровым, в которой говорилось, что Ергольский в Москве при двух сенаторах осмелился сказать: «...С чего де мне то взять, как писать титул Ее Императорского Величества» Следование об этих словах Макаров «указом Ее Величества»

поручал Тайной канцелярии. Ергольского заключили под стражу, и Тайная канцелярия повела допросы свидетелей, уделяя главное внимание сенаторам гр. Матвееву и Дмитриеву-Мамонову, присутствовавшим при крамольных высказываниях; показания сложились для Ергольского очень благоприятно, и Тайная канцелярия определением обычной формы, за подписями Толстого и Ушакова, признала его невиновным.

Около того же времени приехавший в Россию капуцин Хризолог возбудил какие-то подозрения в Екатерине, и Ягужинский запиской объявляет Тайной канцелярии указ императрицы арестовать Хризолога со спутниками, учинить обыск и следствие над ними. Вся эта история, кажется, началась с доноса некоего архимандрита Афанасия, который обвинил католических монахов в желании тайно видеться с великим князем Петром Алексеевичем, будущим императором. Совершенно понятно, что подобного рода происшествие должно было взволновать Екатерину. Тайная канцелярия немедленно приступает к следованию, но лишь только выясняется, что ничего «важного» в деле нет, как Толстой тут же спешит под благовидным предлогом передать его в Синод архиепископу Феофилакту. Но Феофилакту и Синоду это, видимо, совсем не понравилось, и по докладу Феофилакты дело новым указом Екатерины было велено отослать обратно в Тайную канцелярию. Пришлось Толстому принять дело вновь. Выждав приличествующее время, Тайная канцелярия (вернее, Толстой) опять определила отправить дело в Синод, но тот вскоре возвратил его. Тогда Тайная канцелярия (вероятно, это был единственный способ покончить с надоедливым делом) сделала определение о высылке капуцинов «за рубеж немедленно» и тем самым поставила точку. Из всего этого можно заключить, что, даже имея прямой указ императрицы, Толстой настойчиво искал благовидный предлог, чтобы не заниматься мелким, по его мнению, делом.

Правда, у нас есть одно дело, которое Тайная канцелярия приняла по указу Сената в марте 1725 года без всяких препирательств и «следовала» с большим усердием. Это «важное дело» по поводу непристойных слов, сказанных неким Вы-

морковым. Он называл Петра антихристом и в письме, у него найденном, с бранью его проклинал. Дело запутывалось многочисленными оговорами Выморкова, которые приводили к бесчисленным допросам, очным ставкам и пыткам.

Остается не совсем ясным, что побудило Толстого в данном случае столь ревностно взяться за «следование»; начато дело было не по прямому указу императрицы, а по указу Сената, с которым можно было бы при желании поспорить; на худой конец можно было попытаться передать дело куда-нибудь в другое место, как это было при расследовании дела капуцинов. Но нет: Тайная канцелярия без каких-либо оговорок тщательно занималась Выморковым. В результате из дела была сделана «выписка» и представлена Ушаковым императрице для постановления приговора. К сожалению, причины столь исключительного отношения к этому делу неясны.

Общее число дел, поступивших в Тайную канцелярию, в царствование императрицы Екатерины I ничтожно — их не более четырех. Важно отметить, что они попадали сюда не обычным порядком, по указу 1722 года, а каждое особенным путем — словно опять исчезли те зачатки организации работы, которые начали определенно проглядывать в деятельности Тайной канцелярии к концу царствования Петра I; вновь поручение начало выступать на первый план взамен четко установленного порядка.

В общем делопроизводство Тайной канцелярии в царствование Екатерины в существе своем мало изменилось, но некоторые важные перемены все-таки произошли. Императрица сама не присутствовала никогда в Тайной канцелярии — теперь уже верховная власть не входила в дела этого учреждения так близко и непосредственно, как то делал Петр. Того личного контроля, который постоянно осуществлял Петр по отношению к деятельности министров, теперь не существовало, и, конечно, министры от этого почувствовали себя же полными хозяевами и вершителями дел в Тайной канцелярии. При Екатерине устанавливается порядок доклада ей дел посредством «экстрактов», иногда доклад делал лично один из министров; по-видимому, это был единственный способ взаимоотношения императрицы и Тайной

канцелярии. До нас дошло несколько таких экстрактов; на одном из них мы имеем указ за подписью Толстого; очевидно, в этом случае Толстой экстракт докладывал лично.

Результаты докладов записывались в таком виде: «1725 году июля в 30 день Ее Величество... изволила слушать три экстракта, сочиненные в тайной розыскных дел канцелярии: 1) по делу ростриги Степана Выморкова... (подробности дела); 2) о письме неизвестному... (подробности дела); 3) по делу же Выморкова (подробности дела)... и из оных по первому Ее Императорское Величество указало учинить: Выморкова казнить; Антипу Щеглова, Захария Игнатьева по наказанью с выниманием ноздрей послать в вечную каторжную работу в Рогервик, Ивана Щеглова — в старцы и в крепкий монастырь; по второму пункту экстракт оставлен в Кабинете Ее Величества; по третьему — следовать». Под всем этим стоит подпись: «от гвардии майор Ушаков».

Ко времени царствования Екатерины относится небезынтересный эпизод из сношений Тайной канцелярии с Сенатом, в котором заметна тенденция, уже через каких-либо десять—пятнадцать лет сделавшая из Тайной канцелярии чуть не самое могущественное, в известном смысле, учреждение правительственного механизма России. В конце 1724 года генерал-фискал вошел в Сенат с представлением, чтобы ему было разрешено требовать к себе на рассмотрение дела «по фискальским и доносительным доношениям», пусть даже эти дела уже были «вершены». Следуя этому представлению, Сенат дал соответствующий указ Тайной канцелярии, которая, как мы уже имели случай видеть, находилась в положении явного подчинения. Однако Тайная канцелярия решает (мы уже частично приводили эту протокольную запись): «...Понеже в канцелярии тайных розыскных дел имеются, кроме интересных дел по доношениям фискальским и доносительным, государственные важные секретные вершеные дела, приличные к первым двум пунктам; и таковых вершеных и невершеных дел к генералу фискалу Тайная Канцелярия отдавать не смеет, понеже о секрете и о важности оных многим ведать не подлежит, отчего, по мнению оной канцелярии, может не без вредности государственной быть, и о том из Сенату требовать указа; а интересные вер-

шенные дела, какие имеются, по требованию его, генерала-фискала, к нему отдавать, и о том в Правительствующий Сенат подать репорт».

Таким образом, Тайная канцелярия считала важным и никому не могущим быть поверенным — даже такому высокому чиновнику, как генерал-фискал, — секрет производства по делам о государственных преступлениях. Эти дела вполне определенно стали облекаться особой таинственностью; так к концу деятельности петровской Тайной канцелярии выкристаллизовалась тенденция, которая в течение XVIII века лежала в основе всякого учреждения, ведающего государственные преступления, ставя это учреждение до некоторой степени выше и вне всего общего строя других учреждений.

В мае 1726 года Толстому, чье влияние при дворе сильно возросло, наконец удалось сбросить с себя эту «тягость» Тайной канцелярии — указом императрицы от 28-го числа она была присоединена к Преображенской канцелярии.

«Указ тайному действительному советнику господину графу Толстому.

Понеже Тайная Канцелярия блаженная и высокославная памяти при Его Императорском Величестве нашем вселюбнейшем супруге и государе в прошлом 1718 году учинена была на время для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел и хотя тому подобные дела и ныне случаются, однако не такие важные, и больше бывают такие дела у тайного действительного советника господина князя Ромодановского, того для по получении сего нашего указа вышеупомянутую тайную канцелярию, которая и ныне еще в вашем ведении, с делами и с приказными служителями отдайте в ведение помянутому тайному действительному советнику князю Ромодановскому. У подлинного Ее Императорского Величества Именного указа подписано собственною Ее Величества рукою так: «Екатерина»».

Такая запись появилась в указной книге Тайной канцелярии с припиской внизу: «...подан 30-го дня мая 1726 году». Протокол же последнего до нас дошедшего дела по Тайной канцелярии помечен 29 мая. Следовательно, можно утверждать, что в первых числах июня 1726 года деятель-

ность Тайной канцелярии заканчивается. Если же принять во внимание, что доклад о полной, окончательной ликвидации всех оставшихся дел был уже 17 июня утвержден императрицей, то можно полагать, что к 1 июля 1726 года Тайная канцелярия и фактически, и юридически перестала существовать.

Остановимся немного подробнее на указе от 28 мая. Он дан был на имя Толстого, могущество которого в это время как раз было в зените; поэтому, кажется, возможно допустить, что этот указ был сочинен самим Толстым. Если принять эту возможность, то отсюда можно сделать некоторые выводы: во-первых, что Тайная канцелярия учреждалась «на время», как далее в указе объяснено, «для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел»; во-вторых, если теперь Тайная канцелярия теряет свой *raison d'être*¹¹, то именно в силу того, что «хотя тому подобные дела и ныне случаются, однако не так важные». Таким образом, в понимании человека, стоявшего во главе Тайной канцелярии с самого ее основания и до ее уничтожения, учреждение это возникло и существовало как временная мера — и не более. То есть Толстому Тайная канцелярия еще не казалась нормальным государственным (и необходимым!) учреждением с неограниченными в известном отношении полномочиями, каким немного лет спустя стала Канцелярия тайных розыскных дел в руках старого сотрудника Толстого — «от гвардии майора» Ушакова.

Мы уже упомянули, что в середине июня 1726 года императрице был представлен доклад о распределении всех дел Тайной канцелярии — вершенных и невершенных. По резолюциям Екатерины на этом докладе дела были распределены следующим образом. Во-первых, дела примыкающие к делу царевича — дело суздальское и кикинское, уже, конечно, вершенные, — велено было «запечатать печатями» всех министров, а также «нашей кабинетной печатью» и отдать «в архив в коллегию иностранную». Во-вторых, «секретные дела разные», которые уже исследованы и решены, отослать, «также запечатав... в архив в иностранную коллегию с реестром»; некое «особливо решенное дело» о синодском секретаре Герасиме Семенове велено было, «осмотря, сжечь».

В-третьих, дело ревельское адмиралтейское было приказано отправить в Адмиралтейство; дело же об астраханском обер-коменданте Чирикове приказано отослать в Военную коллегию.

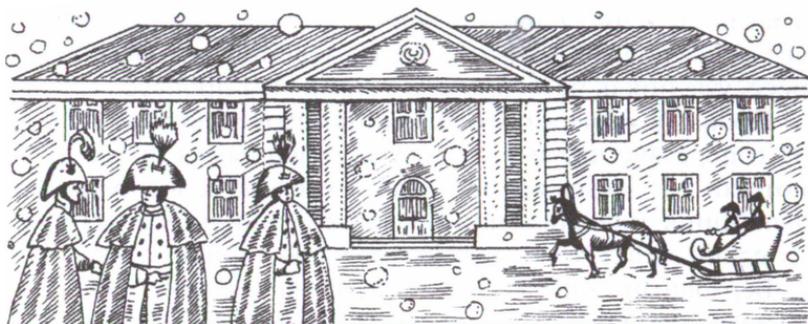
Невершенных дел оставалось в Тайной канцелярии к тому моменту только одно — секретное дело о бывшем архимандрите Федосе; да еще, по-видимому, на подозрении находились сочинения архимандрита Кондоидия¹¹² «о доходах церковных». Было повелено дело Федоса «отослать» к Ромодановскому, а «листы сочинения Кондоидиева прислать в Кабинет». Кроме всего этого не были завершены окончательно производством 12 дел «интересных и по прошением», которые было велено передать частью в Сенат, частью в Ревизион-контору. Таким образом, нетрудно понять, что в наследство Преображенскому приказу от Тайной канцелярии остался только один обрывок одного дела о Федосе — и больше решительно ничего.

Этот факт, как и весь ход ликвидации дел Тайной канцелярии, свидетельствует, что фактически произошла не передача учреждения из ведения одного начальника, Толстого, в ведение другого начальника, Ромодановского, как то можно было ожидать согласно указу, а произошло полное упразднение Тайной канцелярии как учреждения. Это подтверждается и тем, как были решены имущественные дела. Наличные деньги, оставшиеся в Тайной канцелярии, было велено прислать в Кабинет; лавки Кикина в Москве, которые были в заведывании Тайной канцелярии, должны были быть проданы «с торгу охочим людям», а деньги, вырученные от продажи, также присланы в Кабинет. А 19 сентября 1726 года Кабинет распорядился, чтобы все движимое и недвижимое имущество Тайной канцелярии передать Соляной конторе, петербургской и московской, о чем и были посланы соответствующие указы. 12 сентября того же года рекрутная канцелярия (о связи которой с Тайной канцелярией мы говорили ранее) была по указу императрицы «со слугителями сообщена в военную коллегию». И от того же 12 сентября находим в делах Кабинета «доношение» из Тайной канцелярии о том, что дела «положены обще в один сундук ради указного запечатания и для постановления в Ар-

хив Иностранной Коллегии и ныне имеются в том Архиве». Ликвидация, видимо, шла с достаточной быстротой.

Просмотр делопроизводства Преображенского приказа за время, непосредственно следующее после передачи (как мы видели, чрезвычайно условно понятой) дел Тайной канцелярии, убеждает в полной незаметности этой передачи для существования приказа. Сколько можно было проследить по делопроизводству, решительно нигде и никаких следов нельзя уловить, чтобы с конца 1726 года к Преображенскому приказу было присоединено какое-либо новое учреждение. Значит, и с этой стороны получается полное подкрепление уже высказанной мысли, что Тайная канцелярия была полностью упразднена; и если говорить о какой-либо передаче ее в ведение Ромодановского, то можно только говорить о передаче ее компетенции и правомочий.

Глава десятая Переходное время и возрождение Тайной канцелярии

Итак, в мае 1726 года петровская Тайная канцелярия закончила свое существование, формально будучи присоединена к Преображенскому приказу, а фактически совершенно уничтожена. Огнине все дела по первым двум пунктам передавались в исключительное ведение Преображенской канцелярии. Можно было бы полагать, что Преображенская канцелярия, почерпнув сил в таком новом влиятельном положении, займет, возродившись, прочное и высокое место среди других государственных учреждений России того времени. Однако этого не случилось: к 1726 году и князь Ромодановский, и канцелярия его ведения уже начали клониться к упадку. Ромодановский, тогда больной и слабый человек, постоянно живший в Москве, вышел уже из круга тех лиц, которые держали в своих руках управление государством; политические события, связанные со смертью Петра, выдвинули на первый план других людей, немедленно ревниво взявших в свои руки в лице Верховного тайного совета управление Россией, людей, которым Ромодановский был чужд и не нужен. Находившаяся в Москве Преображенская

канцелярия с ее все-таки разнохарактерными функциями не могла уже удовлетворять насущным, жгучим потребностям Петербурга, и если ей можно было поручать дела, то только «не такие важные», о которых говорит указ от 28 мая 1726 года. При таком положении дела Преображенская канцелярия, естественно, остается на заднем плане и продолжает постепенно терять значение, а князь Ромодановский, все менее способный к личному вмешательству в этот процесс, уже никак не может остановить этот процесс.

Прошедший через Верховный тайный совет указ 1727 года о передаче части «дел государственных» Сенату, роль которого к этому времени была сведена к выполнению функции канцелярии при Верховном тайном совете, окончательно добил Преображенскую канцелярию.

Верховный тайный совет был создан в феврале 1726 года. Сейчас же вслед за его учреждением получило одобрение государыни «мнение не в указ о новом учрежденном Тайном Совете»; пункт 10 этого мнения гласил: «Сенат и прочие коллегии остаются при своих уставах; но дела особенной важности, о которых в уставе нет определений или которые подлежат собственному решению Ее Императорского Величества, они должны с своим мнением передавать в Верховный Тайный Совет». Под делами особенной важности подразумевались дела «против первых двух пунктов». Немногим позже императрица выразила категорическое желание, чтобы все случаи присуждения к смерти, натуральной или политической, тоже представлялись ей через Совет; ведь большинство дел «против первых двух пунктов» влекло за собой для виновных именно такого рода наказание. В результате все важные дела по «слову и делу» (неважными считались разве что совсем мелкие, вроде ложных оговоров) попали под контроль Верховного тайного совета, а сам он сделался непосредственным начальником Преображенской канцелярии, как учреждения почти исключительно ведавшего важными делами. При этом надо заметить, что ко времени полного формирования деятельности Верховного тайного совета Тайная канцелярия уже не существовала.

В течение второй половины 1726 года и начала 1727 года Ромодановский личными докладами предлагал на рассмотре-

ние и решение Верховного тайного совета «краткие выписки» по «важным» делам, решение коих он на себя брать не осмеливался и не хотел. Необходимо заметить, что никаких норм относительно того, когда дело должно было вноситься в Совет и когда можно было решать его самой Преображенской канцелярии, видимо, не имелось; классификация дел по их «важности», при большой неопределенности этого термина, сводилась к личному усмотрению Ромодановского как начальника канцелярии. Соответственно и ответственность за понимание «важности» всецело ложилась на того же Ромодановского, который, при усмотренной неправомерности действий, мог быть — по крайней мере, теоретически — «жестоко штрафован», как всякий судья, вынесший неверный, по мнению высшей инстанции, приговор. Впрочем, по отношению к Ромодановскому в силу его влияния это не могло иметь приложения, и, следовательно, произвольность его действий ничем не ограничивалась.

«1726 года декабря 9 дня в Верховном Тайном Совете действительный тайный советник кн. Ромодановский доносил о колодниках, которые в Преображенской Канцелярии держатся по важным делам в непристойных словах... и предложил пять кратких выписок». Верховный тайный совет по этим выпискам выносил постановления; иногда он давал указания о дополнительном следствии, о его направлении и проч., вмешиваясь таким образом непосредственно в саму деятельность канцелярии. С конца 1726 года представления по делам Преображенской канцелярии в Верховный тайный совет вместо Ромодановского делает Ушаков, а после его отъезда в 1727 году из Петербурга обязанность эта пала на секретарей канцелярии; бывало и так, что выписки присылались в Совет без всякого от канцелярии докладчика. Однако при всех этих переменах порядок рассмотрения докладов в Совете оставался неизменным.

«1726 декабря в 21 день в Верховном Тайном Совете генерал-майор Ушаков докладывал о колодниках по важным делам Преображенской Канцелярии в непристойных словах, касающихся к превысочайшей чести Ее Императорского Величества, и предложил три краткие выписки, которые в Верховном Тайном Совете слушаны, и Ее Император-

ское Величество указала...» или: «1727 года января 16 дня в Верховном Тайном Совете генерал-майор Ушаков доносил о колодниках по важным делам Преображенской Канцелярии в непристойных словах, касающихся к превысочайшей чести Ее Императорского Величества и предложил три краткие выписки, которые в Верховном Тайном Совете слушаны; и Ее Имп. Величество указала...» Затем выносились приговоры. Совершенно так же после отъезда Ушакова докладывал в Совете на заседаниях 6, 9 и 20 июня 1727 года о делах Преображенской канцелярии секретарь Степан Патокин.

До мая 1727 года «важные» дела в основном шли в Верховный тайный совет именно из Преображенской канцелярии, но иногда, пусть и в небольшом количестве, они поступали от других учреждений. В июле 1726 года бригадир Вельяминов¹¹³ доносит на имя императрицы из Малороссии о двух полковниках малороссийских, которые «явились в непристойных словах»; это дело было уже расследовано (с допросами, пытками и проч.) Малороссийской коллегией, которая прислала в Верховный тайный совет подробный экстракт. На основании этого экстракта Совет вынес указ-приговор о ссылке этих полковников в Сибирь за их непристойные слова. Примерно в то же время барон Унгерн-Штернберг допустил по отношению к императрице оскорбительные выражения; дело это расследовалось, очевидно, в Военной коллегии, по экстракту из которой, видимо, и состоялось решение Совета в виде манифеста от 9 июня 1727 года.

Иногда Верховный тайный совет, получив доношение по двум первым пунктам, поручал произвести по нему следствие кому-либо постороннему и представить доклад на резолюцию. Так, в начале 1727 года было поручено «учрежденному суду невского полку» расследовать о доносе кн. Болховского на одного солдата, который будто бы говорил «непристойные слова». Исполнив поручение, «суд» представил «экстракт» на усмотрение Совета, который по нему ставит приговор о разжаловании Болховского в солдаты за ложный оговор.

Таким образом, Верховный тайный совет рассматривает, во-первых, в кратких докладах наиболее важные дела из Преображенской канцелярии; во-вторых, дела по таким же докладам из других учреждений; в-третьих, иногда, ознакомившись с началом дела, сам поручает какому-либо произвести следствие и представить результаты в виде краткого экстракта. Но окончательные приговоры во всех случаях выносит только сам Совет. Из всего этого следует, что Совет взял целиком и полностью на себя решение дел «против первых двух пунктов».

В мае 1727 года ситуация — по почину опять-таки Совета — несколько меняется¹¹⁴. 22 мая последовал указ: «...Ежели кто за кем знает злое умышление на здоровье Его Императорского Величества, второе: об измене, третье: о возмущении или бунте, о тех из ближних к С.-Петербургу — Новгородской, Лифляндской и Эстляндской губерний доносить в Сенат, а из дальних губерний и провинций в Москву к д. т. с. и генералу-губернатору князю Ромодановскому, а в Верховный Тайный Совет писать им о том для ведома немедленно». Этим указом, по неясным теперь для нас мотивам, Совет делит сферу деятельности Преображенской канцелярии между нею и Сенатом, оставляя за собой право директивной инстанции. Это положение еще раз обозначается через полгода, 5 января 1728 года, когда Совет своим указом весьма определенно велит Сенату о делах «важных, со мнением докладывать» и ничего не решать самому.

С этого времени все учреждения без всякого следования стали отправлять колодников с доношениями иногда даже прямо Верховному тайному совету. Исключение составляла Преображенская канцелярия, которая по-прежнему присылала в Совет на резолюцию свои экстракты. С другой стороны, росло число случаев передачи от имени Совета «важных» дел для розыска специально назначенным лицам или учреждениям, и возникла совершенно новая практика — ведение самим Советом всего дела, с начала до конца. Словом, Совет все более входил сам в производство «дел государственных», что свидетельствует о возрастании их «важности» в глазах правительства.

Случаи передачи дел для розыска особенно участились с 1727 года; таким образом, наметилось возвращение к системе частного поручения. Например, в одном из указов Верховного тайного совета говорится: «1727 года октября в 30 день Его Императорское Величество указал, по донесению Никиты Перцева исследовать и разыскивать генерал-лейтенанту и подполковнику от гвардии Семену Салтыкову и прочим определенным с ним; и о том ему дать указ из В. Т. Совета». Исполняя повеление, Салтыков производит следствие и представляет его результаты Совету в виде «экстракта». В сентябре 1728 года Военная коллегия подает Совету доношение об изменах и волнениях среди донских казаков. Совет поручает это дело розыскивать кн. Мих. Голицыну, который ведет весь розыск и присылает его Совету, а тот уже выносит приговор.

16 августа 1727 года Иван Дмитриев-Мамонов пишет рапорт: «...По указу Вашего Императорского Величества, каков объявлен мне в Верховном Тайном Совете, велено: гв. капитана Бредихина о человеке его Иване Гаврилове, который в прошедшем июне месяце сказал за собой Е. И. В. слово, по какому делу он Гаврилов держится, и справясь о прежнем по доносу его деле с Тайной Канцелярией, учиня экстракт, с мнением подать в Верховном Тайном Совете. И по тому Вашего Императорского Величества указу экстракт с мнением моим при сем всеподданнейшем доношении прилагаю. Иван Дмитриев-Мамонов». Далее в деле идет этот экстракт, а затем «мнение» о наказании колодника, и Совет выносит приговор согласно «мнению».

С мая 1727 года в Верховный тайный совет начинает присылать экстракты Сенат — по тем делам, которые сам решать не осмеливается. Например, в «выписках», датированных ноябрем 1727 года, говорится, что Сенат препровождает дела Совету потому, что «по тем делам... решения собою учинить не может». Дав указ по этим делам, Совет замечает: «...Впредь о таких колодниках, которые являться будут не в важных делах чинить решение по указам Сенату, а о важных — со мнением докладывать Верховному Тайному Совету». Так формально Советом установлен тот же поряд-

док, какой существовал в отношении Преображенской канцелярии, и по отношению к Сенату.

В середине 1729 года Сенат присылает в Совет доношение и экстракт по доносу на архиеп. Дашкова¹¹⁵, который будто бы назвал царский указ «чертовым»; донос оказывается ложным, и по сенатскому экстракту Совет приговаривает наказать доносчика. Но иногда Сенат, видимо, не решался сам даже и к следствию приступить без санкции Совета; в ноябре 1728 года в Сенат из Ревеля были присланы солдаты, давшие показание о «непристойных словах» одного капрала; и Сенат производит следование по этому делу только тогда, когда «по докладу через обер-прокурора Воейкова¹¹⁶ от собрания Верховного Тайного Совета приказано... оных распросить в Сенате и доложить о том». В конце того же года Сенат отправляет еще один донос на усмотрение Совета и только тогда приступает к следованию, когда «по приказу Верховного Тайного Совета велено оным доносителем розыскивать и пытаться, а что с розыску покажется, о том доложить в Верховном Тайном Совете». Бывали случаи, когда Совет сам передавал Сенату какой-либо донос для учинения розыска; так, в апреле 1728 года он передал Сенату дело «о раздьяконе, говорившем слово за собой... для роспросу и исследования».

Таким образом, Сенат и Преображенская канцелярия играли при Верховном тайном совете скорее чисто служебную роль исполнительного органа в делах «особенно важных»; а все направление и разрешение таких дел было в руках самого Совета. Но вскоре Совет стал и сам производить розыск, причем к 1729 году это происходит все чаще и чаще. Это случилось не вдруг и не сразу; мы уже видели, что Совет вмешивался в дела Преображенской канцелярии. И когда с 1728 года и до конца своего существования во многих делах он сам выступает в качестве первой инстанции, то это выглядит только расширением и развитием прежней практики. Мы не имеем достаточных данных, чтобы без обиняков говорить, почему так произошло. Можно только догадываться, что способствовало этому, во-первых, начавшееся умирание Преображенской канцелярии, во-вторых,

постоянное возрастание «важности» дел «против первых двух пунктов» в глазах правивших министров — членов Верховного тайного совета.

Существовал порядок, при котором, как только канцелярия Совета получала доношение и колодников при нем от какого-либо учреждения, секретари были обязаны, не откладывая, доносить об этом министрам. Например: «1729 мая в 28 день из Верховного Тайного Совета к господам министрам... (идет их перечисление)... послан секретарь Ан. Кривцов доложить о приведенных в Верховный Тайный Совет колодниках из Полицеймейстерской канцелярии: Дмитровской полусотни о Иване Иванове да о дворцовом крестьянском сыне Иване Горбачеве, из дворцовой канцелярии — о пильшике Федоре Кобылине, — он же Гога, которые, сидя в тех канцеляриях под караулом, сказали за собой Его Императорского Величества слово и дело по первому пункту; тех колодников поволят ли принять, и для спросу их сами изволят быть в Верховном Тайном Совете, и когда? Или поволят приказать распросить тайному советнику господину Степанову¹¹⁷... и по тем распросным речам доложить». Или: «1729 года мая в день 29 Верховного Тайного Совета господам министрам... (идет их перечисление)... послан секретарь Ант. Кривцов доложить о присланных колодниках в Верх. Тайный Совет от генерала графа ф.-Миниха ингерманландского пехотного полка о солдате Александре Данилове, из Дедилова — о поповом сыне Андрее Степанове, которые сказали за собой: Данилов — слово и дело, а попов сын — слово Его Императорского Величества; и о тех колодниках им господам министрам докладывано сего ж мая 30 дня; и изволили согласно приказать помянутых колодников распросить тайному советнику господину Степанову». Таким образом, министры производили первый предварительный допрос сами или поручали это сделать секретарю канцелярии Верховного тайного совета Василию Степанову.

Дело далее первого допроса не продолжалось, если сразу же выяснялось, что сказавший «слово и дело» на самом деле ни за кем его не знает; тогда министрами немедленно же ставился приговор об учинении за «ложное сказыва-

ние» соответственного наказания. «Июля 2 дня 1729 году, — читаем в одном деле, — вышеписанный колодник... перед собранием Верховного Тайного Совета расспрашиван секретно, а по расспросу его такого важного дела... не явилось, а сказал другие непристойные слова, которых и записывать неприлично: того ради рассуждено: за сказывание его такого важного дела, которое он за собой объявил в Переславле-Рязанском ложно, учинить наказание: бить кнутом и послать в ссылку в Сибирь». «Дьячок Дем. Васильев, — читаем в другом деле, — июня 18 дня при собрании господ министров спрашиван секретно; и потом приказали записать, что по расспросу такого дела, что он объявил, за ним не явилось... и для того за ложное слово повелело его отдать в полицию и бить при колодниках кнутом».

Однако так скоро и просто протекал процесс сравнительно редко. Чаще дело шло гораздо сложнее; впрочем, оно часто бывало сложнее и при «ложном сказывании». Мы позволим себе подробно изложить одно дело начала 1729 года, в котором с большой наглядностью проступает роль министров Верховного тайного совета. Дело началось с присланного Адмиралтейств-коллегией «доношения» о том, что «свечник Михайло Волков... сказал... в Санкт-Петербурге за собой государево слово, касающееся к первому пункту»; первый расспрос был сделан Волкову Степановым, который «спрашивал, чтоб он объявил подлинно, что донос имеет и за кем слово знает сушею правдою...». Далее следуют показания Волкова, в которых он оговаривает нескольких человек, которые немедленно указом Совета были вытребованы. Затем «января 31 дня перед собранием Верховного Тайного Совета колодник... Волков спрашиван, подлинно ли он утверждает на своем расспросе... на что он отвечивал, что он те слова слышал» (слова, о которых он донес). Затем идет ряд очных ставок, потом опять допросы отдельных лиц, обвиняемых и свидетелей — и все в присутствии самих господ министров. В результате вереницы следственных действий «рассуждено его Волкова пытать из подлинных речей». И в тот же день «января 31 числа при присутствии господ министров государственного канцлера и кавалера Гав. Ив. Головкина¹¹⁸ да т. д. сов. кн. Долгорукова

вышеозначенный доноситель Волков привожен в застенок и спрашиван... а на виске говорил паки...» (идет изложение его показаний). Отчет об этом допросе кончается записью: «Было ему 32 удара». Но в результате никаких точных данных добыть не удалось, и когда на допросе 3 февраля Волков опять путается в показаниях, то «того ж февраля 3 дня сего 1729 году в присутствии господ министров... Головкина да... Долгорукова вышеозначенный же Волков привожен в другой ряд в застенок и расспрашивал, подлинно ли утверждается; было ему двенадцать ударов».

18 февраля в собрании Верховного тайного совета присутствуют барон Андрей Иванович Остерман¹¹⁹, самый влиятельный из министров, и министр кн. В. Л. Долгоруков, и при них были снова допрошены — с очными ставками — все свидетели и обвиняемые по делу Волкова. Через десять дней главный заводчик всего дела измученный Волков почувствовал приближение смерти; «...февраля 28 дня 1729 года в присутствие в Верховном Тайном Совете господ министров... Головкина... Долгорукова... и Голицына¹²⁰ л.-гв. сержант Александр Арбузов да Константин Ушаков доносили, что содержащийся колодник Мих. Волков требует священника для исповеди, о чем и министрам докладывано». Министры решили не упускать удобного момента и немедленно «изволили приказать к тому колоднику сходить т. с. В. Степанову да ст. сов. А. Маслову¹²¹, и спросить его с увещанием, подлинно ль те слова... говорить научали его... и того ж числа означенный тайный и стацкий советники оного Волкова спрашивали». Впрочем, еще раньше, 4 февраля, после пыток стал Волков «болен» и потребовал к себе священника для исповеди, о чем сержант Ушаков доносил «в Совете в небытность в собрании господ министров»; секретарь Богданов об этом доложил кн. Долгорукову «в доме его», «и его сиятельство изволил приказать священника для исповедования к нему допустить, и тому священнику приказать у него Волкова при исповедании спрашивать по духовности, правда ли он Волков... сказал, что показано от него Волкова в расспросе и с розыску... или он то затеял напрасно». Священник исполнил приказ Долгорукова и, пользуясь исповедью, занялся розыском, о результатах ко-

торого доносил в Верховный тайный совет, «что показанного Волкова он исповедывал и святых таин сообщил, и при исповеди по вышеозначенному приказу его спрашивал», на что Волков отвечал, что он говорил «самую правду». Таким образом, верховники вводили в процесс и это старое средство, так часто употреблявшееся еще в петровской Тайной канцелярии. Но этим дело не кончилось: Волков все-таки остается жив и процесс тянется далее. 7 марта опять «пред собранием господ министров спрашиван Волков паки с увещанием», после чего «рассуждено пытать в третьей». Дальнейшие пытки Волкова идут уже в присутствии Степанова и Маслова без министров, причем при третьей пытке он был еще «жжен огнем». В конце этого ряда всяческих пыток, видимо, утвердились на признании Волкова, сделанном при последней пытке, что он все сочинил и ложно оклеветал.

Мы нарочно подробнее остановились на этом конкретном примере, чтобы яснее показать те приемы, которыми пользовались министры Верховного тайного совета, когда они считали необходимым расследовать дело лично. Как можно заметить, ничего нового, ничего особенного нет в этих приемах; все они уж хорошо были известны и ранее, и именно в таком порядке применения. Преображенская и Тайная канцелярии применяли ту же систему в отношении «государственных дел»; разве что присутствовать при пытках министры не любили, да и сравнительно реже — в общем числе случаев — к ним прибегали.

Позволим себе привести в кратком пересказе еще одно характерное дело того же 1729 года. «Августа 13 дня 1729 году в собрании господ министров в доме государственно-го канцлера и кавалера графа Гаврилы Ивановича Головкина присланный из архангелогородской губернии монах Маркел спрашиван от самих министров, а в расспросе сказал...» — далее в деле идет показание монаха о «слове и деле», которое он объявил «за собой» (непристойные слова), и ниже — его подпись. Затем записано: «Того же числа означенный иеродьякон Яков спрашиван, а в расспросе сказал... (и опять подпись, теперь уже иеродьякона) И того же числа дана им Маркелу и Якову очная ставка: а на очной ставке монах Маркел утверждался на прежних словах... а иеро-

дьякон тож говорил, что и в распросе своем... Того ж числа стряпчий Митрофан спрашиван, а в распросе сказал... (идет показание за подписью) и того ж числа дана им Маркелу и Митрофану очная ставка... Митрофан того ж числа при доносчике Маркеле спрашиван... И по приказу господ министров велено его Маркела спросить со увещанием господам тайному советнику Степанову да статскому советнику Маслову, и ежели в том утвердится, то, растригши, пытаться... И августа в 14 день по приказу господ министров при тайном советнике да статском советнике же Степанове и Маслове» расспрашивали Маркела с увещанием. Так как он стоял на прежнем показании, то дошло до пытки: «...и августа 18 дня по приказу вышеозначенных же господ тайного и статского советников показанной монах Маркел чрез требование присланным из Синода... иеромонахом Симеоном... рострижен... и того ж числа при вышеозначенных же тайном и статском советниках оный рострига Михайло привожен в застенок и паки спрашиван со увещанием... и того же времени подъят на виску и паки спрашиван, и на виске говорил те ж речи, и потом бит кнутом, а с пытки говорил те ж речи; было ему 25 ударов».

27 августа 1729 года Маркел через караульного потребовал к себе секретаря, и «по приказу» Маслова «ходил к нему секретарь Иван Богданов»; Маркел заявил, что весь его оговор ложный, что все «сказал он напрасно». Тогда Верховный тайный совет решил для выяснения подлинности речей «пытать его еще дважды». 3 сентября Маркел был «привожен в застенок» и пытан: «...на виске и с пытки говорил те же речи, что то все затеял... напрасно и приносит в том повинную... При том розыске присутствовали господа тайной да статской советники Степанов да Маслов». «...Октября 10 дня вышеозначенной рострига Михайло в собрании господ министров спрашиван» был, подлинно ль он все затеял «напрасно» и кто его научил, «на что ответственвал, что подлинно затеял с безумства, а никто его не научал»; по сему было «рассуждено пытаться его еще»; «...декабря 3 дня означенный рострига Михайло привожен в застенок», там пытан («и было ему пять ударов»), и опять он подтвердил ложность своего оговора; «при том розыске присутствова-

ли господа советники тайный Степанов, да статский Маслов». Вслед за этим, 12 января 1730 года, следует указ Совета о наказании бывшего монаха: «...бить кнутом нещадно и, вырезав язык, послать в ссылку в Сибирь на вечную работу». Для полноты характеристики процесса можно еще добавить, что в практику Верховного тайного совета входила непосредственная посылка в провинцию — для доставки к следствию нужных лиц — сержантов гвардии, которые отчитывались непосредственно перед ним о ходе исполнения возложенного на них поручения.

Нельзя не заметить, что, очевидно, существовало правило выносить приговор «согласным мнением» министров, что выражалось и в том, что один министр никогда этого не делал, а всегда происходил обмен мнениями; был обмен этот действительным или только одной лишь формальностью — сказать мы не можем; однако уже существование такого, хотя бы и, по существу, формального, обычая характеризует известное стремление к коллегиальности. Когда после расспроса колодника «перед собранием Верховного Тайного Совета» ему присуждалось наказание, то тут же постановлялось, например, «то рассуждение объявить прежде действ. тайн. сов. барону Андрею Ивановичу Остерману, князю Алексею Григорьевичу Долгорукому¹²²». Встречается и такая форма записи: «...князь Дмитрий Михайлович Голицын мнение свое приказал протчим господам министрам объявить... помянутого колодника, отрезав ему нос или ухо, послать в Сибирь».

Именно таким образом «дела государственные» вел самолично Верховный тайный совет, высшее учреждение в государстве, роль которого, в то время особенно, была исключительно политическая, как в делах внешних, так и в делах внутренних. Отстранив от себя всякую чисто деловую деятельность, сделавшись учреждением с высшей направляющей политической силой, Совет почему-то вдруг принимает на себя почти целиком всю черновую работу по расследованию преступлений, касающихся первых двух пунктов, — преступлений зачастую крайне мелких, вздорных. Объяснение этому, видимо, можно найти только в том, что такого рода делам в их совокупности Верховный тайный совет при-

давал значение политическое, почему и считал себя обязанным входить в ближайшее их рассмотрение.

Однако все же известен случай — единственный за последние полтора года существования Верховного тайного совета, — когда Совет после первого допроса, хотя дело оказывалось «против первых двух пунктов», решал не следовать его самому, а поручить это произвести другому учреждению, оставив за собой право учинить приговор. В июле 1729 года Адмиралтейств-коллегия прислала в Совет колодника, сказавшего за собой «слово и дело». После расспроса, сделанного кн. Вас. Долгоруким, Совет постановляет послать колодника «в адмиралтейскую коллегия, велеть оной коллегии... о всем том разыскивать без всякого замедления... и что по розыску явится, о том донести в Верховный Тайный Совет». Такого рода практика, очевидно, была мало распространена.

Таким образом, к концу своего существования Верховный тайный совет, все ближе входя в производство дел «против первых двух пунктов», наконец почти всецело сосредоточил у себя их «следование» и решение. В этом можно видеть окончательное признание политического значения за ними, из чего заранее намечаются и важность, и сила того учреждения, которое в будущем будет заведовать делами такого рода.

II

В то время, когда Верховный тайный совет, как мы только что видели, властно взял в свои руки «дела государственные», однако ж все еще существовала Преображенская канцелярия, а с 1727 года, как мы знаем, часть «дел государственных» Совет поручал Сенату. Таким образом, Преображенская канцелярия и Сенат разделяли с Советом деятельность по делам «против первых двух пунктов» в качестве подчиненных ему инстанций. К деятельности Преображенской канцелярии и Сената в этот период мы теперь и обратимся, чтобы с возможной точностью прийти к последнему

моменту нашего исследования — к оказавшемуся неизбежным возрождению петровской Тайной канцелярии в виде Канцелярии тайных розыскных дел 1731 года.

Как мы уже знаем, едва возникнув, Верховный тайный совет подчинил Преображенскую канцелярию своему непосредственному наблюдению. Поначалу доклады Совету делал лично Ромодановский, а с осени 1726 года по всем делам Преображенской канцелярии появляется новый докладчик — человек, до того времени как будто не имевший к Преображенской канцелярии непосредственного отношения. Это был давно уже знакомый нам Андрей Иванович Ушаков.

Указа о передаче «ведения» Преображенской канцелярией Ушакову нигде найти не удалось; возникает даже вопрос, в какой форме этот указ был дан; но что он существовал — это вне сомнения. Когда весной 1727 года Ушакова постигла опала, и его отослали из Петербурга «к другой команде», то он подал 8 мая 1727 года рапорт в Верховный тайный совет: «...По именному блаженные и вечnodостойные памяти Ее Императорского Величества указа ведал я Преображенскую канцелярию, а ныне по указу отправлен в Ревель к команде ген.-лейтенанта Бона¹²³; и оную канцелярию кому указом повелено будет веждать? Генерал лейтенант Ушаков». Кроме того, до нас дошло письмо Макарова Ромодановскому от 7 января 1727 года, где Макаров пишет, что в ноябре 1726 года архангелогородский губернатор Измайлов писал Екатерине о колодниках, им отосланных в Преображенский приказ, «и какие дела до них касаются, — заканчивал Макаров свое письмо, — о том извольте сюды писать к Андрею Ивановичу Ушакову».

Из сопоставления разных данных можно заключить, что в конце 1726 года — возможно, по частному случаю — Ушаков привлекается, как посредник между Петербургом и находящимся в Москве Преображенским приказом; тогда же ему, вероятно, было поручено «веждать» приказ в Петербурге. Это предположение подкрепляется еще и тем, что первый раз в протоколах Верховного тайного совета упоминается о докладах дел приказа Ушаковым под 16 декабря 1726 года. Кроме того, мы имеем следующее известие: «1726 г. декабря

9 дня в Верховном Тайном Совете действительный тайный советник князь Ромодановский доносил о колодниках, которые в Преображенской Канцелярии держатся по важным делам в непристойных словах... и предложил пять кратких выписок». Из этого можно сделать вывод, что до передачи «ведения» делами приказа в Петербурге Ушакову Ромодановский сам приезжал в Петербург с докладами; не надо забывать, что, вероятно, уже к этому времени болезни сильно одолели Ромодановского и поездки в Петербург стали для него тяжелы; быть может, и это сыграло роль в поручении Ушакову «ведать» приказ.

Таким образом, с наступлением нового царствования в управлении Преображенским приказом происходит крупное изменение: приказ фактически попадает под начало к Верховному тайному совету, а несколько позже по делам приказа начинает докладывать постороннее лицо, «ведаящее» приказ в Петербурге, — А. И. Ушаков. Правда, как ни велика была эта перемена, она мало отразилась — внешне, по крайней мере, — на деятельности приказа в Москве; почти невозможно уловить существенные изменения в его делопроизводстве; нельзя только не заметить, что с 1726 года меняется форма постановлений приказа. Ранее она была такова: «...в (число) ближний стольник князь Иван Федорович Ромодановский, слушав (изложение дела) приказал... (следует приговор)»; с 1726 года форма заменяется новой: «...в Преображенском приказе определено (изложение дела и приговор)». Это изменение едва ли, впрочем, можно ставить в связь с изменением в положении Приказа, тем более что никаких иных перемен не заметно; как ранее, так и до самого последнего указа, до самых последних дней деятельности приказа во главе его стоит один Ромодановский; только изредка появляются в делопроизводстве указы, присылаемые за рукою Ушакова. Это все еще раз подтверждает наше предположение, что «ведал» Ушаков Преображенским приказом только в Петербурге, как бы заменяя там Ромодановского при сношениях приказа с Верховным тайным советом.

Роль Ушакова при этом сводилась, видимо, к представлению им Совету докладов по частным делам. Иногда, впро-

чем, Ушаков докладывал по делам общего характера; он даже входил с докладом непосредственно к императрице и после «предлагал» Верховному тайному совету резолюцию Екатерины. Так, 16 января на заседании Совета «из Преображенской канцелярии» была подана «форма указа», чтобы не извинять непристойные слова, если даже они произнесены в пьяном виде, и «по предложению тогда же г.-м. Ушакова, оную де форму Ее Императорское Величество изволила слушать и указала быть в той силе», а 30 января Советом был подписан указ о публикации этого указа через Сенат.

Первый раз, как мы видели, в протоколах Верховного тайного совета упоминается о докладе дел Ушаковым по Преображенской канцелярии под 21 декабря 1726 года. Отметки о таких докладах Ушакова встречаются в протоколах и журналах Верховного тайного совета от 16 января, 30 января и, наконец, 24 апреля 1727 года. Есть указ о делах Преображенской канцелярии, выпущенный Советом по представлению Ушакова, датируемый маем 1727 года. После манифеста от 26 мая 1727 года, которым было повелено: «Андрея Ушакова определить к другой команде, куда надлежит», Ушаков, уезжая в Ревель, как мы знаем, просит назначить лицо, чтобы передать «ведение» приказом. Неизвестно, какая резолюция последовала на эту просьбу, однако можно думать, что «ведение» это более никому не поручалось, потому что в дальнейшем — до самого упразднения Преображенского приказа — дела его или просто присылались в Совет в «выписках», или докладывались секретарем Патокиным.

Наконец, в 1729 году кн. Ромодановский, мучимый подагрой и каменной болезнью, просит освободить его от дел; ему была дана отставка и одновременно Преображенской канцелярии повелели «не быть».

Мы выше уже видели, что «ведение» дел «против первых двух пунктов» вменено было Сенату в прямую обязанность указом от 22 мая 1727 года; однако еще до этого указа в ведение Сената, возможно случайно, попадали подобные дела. Например, 9 сентября 1726 года на заседании Верховного тайного совета обер-прокурор Сената Бибииков и докладывал «о дьяконе, содержащемся в непристойных словах»; по

решению Совета, «оное доношение отдано ему Бибикову по-прежнему и притом приказано, чтоб о том велели розыскивать и следовать в Москве сенатскому члену графу Мусину-Пушкину¹²⁴». После же майского указа 1727 года, представляя в Верховный тайный совет доношение о делах «по первым двум пунктам», Сенат прямо указывает, что они поступили к нему именно в силу этого указа. Тут же есть характерная фраза, что Сенат потому передает выписку об этих делах Совету, что «по тем делам... решения собою учинить не может». И Совет одобряет и подтверждает на будущее время практику, чтобы Сенату самому ничего не решать в делах «важных», а «с мнением докладывать Верховному Тайному Совету», что и исполнялось неукоснительно. Надо думать, однако, что так поступали только с особо «важными» делами; если же дело признавалось незначительным, то Сенат решал его самостоятельно, не доводя до сведения Совета. Например, в 1729 году Тобольская губернская канцелярия прислала для указа в Сенат уже расследованное ею дело, которое выросло из доноса живописца Буткеева на секретаря Баженова: дескать, тот, увидев портрет Петра II, нарисованный доносителем, заметил, что «персона» государя «написана... в дураческом платье», в чем Буткеев усмотрел «поношение особы Его Величества». Сенат 28 июля 1727 года вынес окончательный приговор по этому делу своей властью, не увидев в нем «важности» и соответственно не сочтя нужным послать его на утверждение в Совет. Был сделан вывод, что «Баженов те слова говорил не к поношению Его Императорского Величества персоны, а об оном живописцеве неисправном мастерстве», на основании чего доносчику Буткееву приговорили дать плетьюми, «дабы впредь другие на то смотря, так продерзостно чинить... не дерзали».

Делами по первым двум пунктам Сенат занимался сам, никогда не передоверяя их ведение своей канцелярии, как порой поступали другие учреждения, чинившие приговоры по экстрактам, подготовленным секретарями. При Сенате не было даже какого-либо относительно прочного учреждения для работы с такими делами. Имеются лишь не совсем определенные, туманные намеки на зачатки чего-то подобного в канцелярии Сената; есть основания полагать, что по-

сле майского указа 1727 года на усиление канцелярии Сената были переданы из канцелярии Верховного тайного совета бывшие приказные Тайной канцелярии, которые, видимо, и в канцелярии Совета составляли нечто вроде особого отделения. Таким образом, возможно, что в 1731 году, формируя свою канцелярию при Сенате, Ушаков нашел для нее более или менее подготовленные кадры приказных.

Когда в начале 1730 года Совету велели «не быть», Сенат вернул свое прежнее значение и силу, вновь став первым учреждением государства. Соответственно перешли Сенату и все «дела государственные», и не только сами дела, но и в полном объеме роль высшего судилища по преступлениям «против первых двух пунктов». Необходимо помнить, что Преображенской канцелярии уже не существовало, то есть не осталось более ни одного учреждения, специально ведавшего «государственные дела». Указом от 10 апреля 1730 года на Сенат возлагается следование и решение дел по первым двум пунктам. Но задача эта оказалась невыполнима без ущерба для всей деятельности Сената. Такова, по крайней мере, официальная мотивировка именного указа от 24 марта 1731 года, которым была возрождена Тайная канцелярия. Верна ли эта мотивировка по существу, или за ней крылось что-либо другое, остается неясным; для нас в данный момент это не имеет значения; нам только важно отметить несомненный факт, что петровская Тайная канцелярия возродилась, возродилась в прежнем виде своем, с прежним названием своим, с прежним министром своим во главе. Указом от 24 марта 1731 года повелено было «важные дела», стекавшиеся в Сенат, «ведать... Ушакову» и, «когда он востребует к решению оных дел канцелярских служителей и прочего... в том по предложениям его Ушакова решение учинить в Сенате». 6 апреля «Пр. Сенат приказали... именовать оную Канцелярию Тайных Розыскных Дел» и отныне все «важные дела» отовсюду «отсылать к нему господину генералу Ушакову».

Мы окончили историю петровской Тайной канцелярии, постаравшись возможно полнее охватить весь недолгий период ее существования; мы позволили себе начать наше исследование ранее возникновения Канцелярии и посмотреть, что сделалось уже после ее уничтожения. Что же в результате? Стоило ли тратить время и труд, чтобы говорить о частном, мимолетном явлении петровского царствования?

В эпохи, значительные своим содержанием, очень часто мелкие на первый взгляд явления оказываются достаточно важными как преюказания для будущего; в эти эпохи зарождается и формируется — часто почти неприметно — то, что только в будущем развернется в надлежащем значении своем.

С такой точки зрения рассмотрение истории петровской Тайной канцелярии может быть весьма ценным. Попробуем же несколькими штрихами резюмировать результаты такой нашей работы.

Уже в самом начале XVII века «слово и дело» было, очевидно, хорошо известно в Московской Руси; весь процесс «слова и дела» впервые запечатлен в Уложении 1649 года. Дела по «слову и делу» пока еще находятся в ведении обычных органов правительственной власти, однако уже определенно замечается стремление вести их тайно, по возможности без большой огласки, хотя в течение почти всего XVII века этим делам еще не придается значение «важности». Впрочем, царь Алексей Михайлович попробовал применить господствовавшую тогда систему поручений к тем делам, кото-

рые почему-либо привлекли его особое внимание: он начал поручать их рассмотрению особых доверенных лиц, изымая дела из общего делопроизводственного порядка (в результате чего образовался, между прочим, Приказ тайных дел).

Стрелецкие смуты конца XVII века, колебания престола, борьба за власть, которую пришлось выдержать Петру, идейные противники, с которыми пришлось столкнуться, тяжелые моменты, которые пришлось пережить, показали ему с полной ясностью, какая опасность может крыться для царской власти под внешней безобидностью словесных оскорблений этой власти; а дело сына его, царевича Алексея, разверзло пропасть у ног Петра. Отныне каждый, «поносивший хулительными словами Его Царское Величество», являлся в глазах Петра уже совершенно ясно врагом государственного строя: то, что только скорее чувствовалось, чем сознавалось в XVII веке, теперь вскрылось окончательно и достаточно рельефно; «важность» «слова и дела» установилась с той поры незыблемо.

Это впервые ясно проявилось в указе 1715 года, содержащем столь известные ныне два первых пункта. Петр считал нужным лично участвовать в делах «важных» и воспользовался отцовским опытом: минуя всякие государственные учреждения, он стал поручать дела, которым придавал особое значение, своим гриближенным. Около таких доверенных лиц стали образовываться для ведения поручаемых дел особые канцелярии, и понятно, что канцелярии эти действовали преимущественно в области трех пунктов указа 1715 года. И вот «против первых двух пунктов» оказался преступен царевич Алексей, старший сын Петра и наследник престола; дело о таком преступлении, дело громадной, поистине государственной важности Петр поручает П. А. Толстому, поручает так, как это и ранее делал с подобными (но, конечно, отнюдь не равными по значению) делами. Так из многих канцелярий выдвинулась канцелярия Толстого, блестяще выполнившая трудное поручение; удовлетворенный ее деятельностью, Петр не переставал и далее поручать ей самые важные «государственные дела».

Так из розыскной канцелярии при Толстом выросла Канцелярия тайных розыскных дел, но она не сформировалась

в настоящее учреждение, не успела сформироваться, ибо была уничтожена теми же, кто ее создал.

Какова бы, однако, ни была точка зрения Петра и Толстого на Тайную канцелярию, что бы они ни думали и как бы ни считали ее чисто случайным, временным учреждением, несомненно, что, во-первых, в царствование Петра возникла потребность подчинить производство «дел государственных» особым учреждениям и, во-вторых, создать учреждение, посвященное исключительно этим делам; это тем более знаменательно, что произошло, в сущности, независимо от воли как Петра, так и лиц, ведавших Тайную канцелярию.

Действительно, Толстой в результате настоял на своем мнении — и на исполнении воли Петра: Тайная канцелярия исчезла, и, казалось, ее кратковременное существование — это случайный эпизод русской истории. Но было тут что-то более сильное, более мощное, чем даже непреклонная воля Петра; это «что-то», более властное, чем сам могучий Петр, заставило простой эпизод его царствования приобрести определенное место в истории России XVIII века.

С одной стороны, благодаря распорядительности и энергии Толстого в 1726 году Тайная канцелярия исчезает с горизонта, заменяясь отчасти Преображенским приказом, который тоже торжественно уничтожается в 1729 году; с другой стороны, ровно через три с половиной года после уничтожения Тайной канцелярии и через год (если не менее) после упразднения ее преемника — Преображенского приказа (позднее — Преображенской канцелярии) Тайных розыскных дел канцелярия вновь создается — создается по образу и подобию Тайной канцелярии Петровского времени, с одним из министров петровской канцелярии во главе, создается, как постоянное государственное учреждение с определенным кругом компетенции и деятельности.

Таким образом, то, что Петр стремился считать лишь случаем, эпизодом своего царствования, на деле оказалось органической потребностью строя России XVIII века, в создании которого такую огромную роль сыграл именно Петр. В этом и состоит большое симптоматическое значение, остающееся за петровской Тайной канцелярией, из этого-то

и проистекает интерес ее изучения: в ее истории можно видеть и найти зачатки всего того, что в будущем стало выражением одной из сторон государственного строя России.

Мы отмечали уже, как в связи с возникновением нового понятия о «вредности государственной» нарастало и формировалось понятие о «важности». Эта идеология была еще крайне туманной, она не вылилась в более или менее определенные формы, однако основные зачатки ее заметны в петровской Тайной канцелярии. Мы имели случай говорить о том высоком, в каком-то смысле исключительном положении, которое заняла — или, точнее, иногда занимала — Тайная канцелярия в конце царствования Петра.

Канцелярия тайных розыскных дел 1731 года в этом отношении только довела до конца то, что в Петровское время едва зародилось. Она заняла особенное, несколько изолированное, положение среди других учреждений верховной власти — все то, что лишь проглядывало в деятельности петровской Тайной канцелярии, в позднейшей Канцелярии тайных розыскных дел составляло существеннейшие черты. Она как бы переняла эстафету от петровской Тайной канцелярии и проявила ее качества — в том числе скрытые, не проявившиеся — в полной мере.

- ¹ Первое издание книги В. И. Веретенникова «История Тайной канцелярии Петровского времени» вышло в 1910 году.
- ² Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919) — историк, один из основоположников методологии исторической науки в России, ординарный академик Санкт-Петербургской академии наук (1905).
- ³ Сергей Михайлович Горяинов (1844—1918) — историк, автор работ по истории дипломатии.
- ⁴ Эрнест Леопольдович Радлов (1854—1928) — историк философии, филолог и переводчик. Редактор «Журнала Министерства народного просвещения» с 1899 года.
- ⁵ Николай Дмитриевич Чечулин (1863—1927) — историк, археограф, коллекционер. Член-корреспондент Российской академии наук (1921). В 1894—1899 годах сотрудник редакции «Журнала Министерства народного просвещения».
- ⁶ Год по византийскому календарю, который вел начало летосчисления от «сотворения мира», «происшедшего» в 5509 году до н. э.
- ⁷ Разрядный приказ — государственное учреждение (орган военного управления) в Русском царстве в XVI—XVII веках, ведавшее служилыми людьми, военным управлением, а также южными и восточными пограничными городами.
- ⁸ Иван Борисович Черкасский (ок. 1580—1642) — государственный деятель, «ведаль» Стрелецкий приказ и связанные с ним приказы Иноземский, Рейтарский и Аптекарский, Казенного двора и Большой казны с 1624 года до самой смерти (с перерывом в 1638 году), то есть, по сути, был главой правительства при царе Михаиле Федоровиче.

- ⁹ Федор Федорович Лихачев (ум. 1653) — государственный деятель, думный дьяк (с 1622 года) и думный дворянин (с 1644 года).
- ¹⁰ Дмитрий Петрович Пожарский, по прозвищу Лопата (ум. 1641) — военный и государственный деятель, князь. Дело, о котором пишет автор, судя по всему, закончилось для Д. П. Пожарского благополучно, так как он остался в числе «ближних» царевых дворян.
- ¹¹ Соборное уложение 1649 года, Уложение Алексея Михайловича — свод законов Русского государства, регулирующих различные области жизни.
- ¹² Михаил Михайлович Салтыков (ум. 1671) — государственный деятель, двоюродный брат царя Михаила Федоровича, окольный (1635), боярин (1641), воевода.
- ¹³ Петр Федорович Волконский (? — 1649) — государственный и военный деятель, князь, стольник, воевода, окольный и боярин.
- ¹⁴ Борис Иванович Морозов (1590—1661) — боярин, воспитатель царя Алексея Михайловича, один из крупнейших землевладельцев своего времени.
- ¹⁵ Алексей Михайлович Львов (1580-е — 1653) — государственный деятель и дипломат, князь. В 1627—1647 годах возглавлял Приказ Большого двorca.
- ¹⁶ Андрей Критский, или Андрей Иерусалимский (ок. 660—740) — известный христианский теолог и проповедник; канонизирован Православной церковью.
- ¹⁷ Алексей Никитич Трубецкой (ок. 1600—1680) — государственный и военный деятель, дипломат, ближний боярин. Крестный отец царевича Петра, будущего царя Петра I. В конце жизни принял монашеский постриг.
- ¹⁸ Борис Иванович Пушкин (ок. 1590—1659) — дипломат, государственный деятель. В 1646—1648 годах глава Разбойного приказа.
- ¹⁹ Степан (Семен) Лукьянович Стрешнев (ум. 1666) — государственный и военный деятель, боярин. Дядя царя Алексея Михайловича. Обвинение в волшебстве стоило ему четырехлетней опалы. После прощения в 1651 году вновь вошел в ближний круг царя.
- ²⁰ Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682) — государственный деятель, ближний боярин. Один из первых «западников» в России. Был растерзан во время Стрелецкого бунта.
- ²¹ Петр Матвеевич Апраксин (1659—1728) — военачальник и государственный деятель, участник Северной войны, близкий спо-

движник Петра I; в 1724–1725 годах генерал-губернатор Санкт-Петербурга.

- ²² Емельян Игнатьевич Украинцев (1641–1708) — государственный деятель, дипломат, глава Посольского приказа в 1689–1699 годах.
- ²³ Федор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640–1717) — государственный деятель, князь, близкий сподвижник Петра I. Сыграл решающую роль в подавлении Стрелецкого бунта 1698 года. В 1686–1717 годах глава Преображенского приказа розыскных дел, также руководил Сибирским и Аптекарским приказами.
- ²⁴ Иван Федорович Ромодановский (конец 1670-х — 1730) — государственный деятель, князь, близкий сподвижник Петра I. В 1717–1729 годах возглавлял Преображенский приказ, в который в 1726 году были переданы дела Тайной канцелярии.
- ²⁵ Имеется в виду дело сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина (ок. 1659–1721), казненного за мздоимство и казнокрадство. Среди злоупотреблений, вмененных в вину Гагарину, были: занижение реальных доходов губернии, взятки за винный и пивной откуп, вымогательства, угрозы купцам, присвоение казенных средств и т. д.
- ²⁶ Андрей Иванович Ушаков (1672–1747) — тайный фискал с поручением наблюдать за постройкой кораблей (назначен Петром I в 1714 году), начальник Канцелярии тайных и розыскных дел в 1731–1746 годах, сенатор, граф.
- ²⁷ Герасим Иванович Кошелев (1671–1722) — полковник Преображенского полка, глава Подрядной канцелярии (1715), президент Камер-коллегии (1722).
- ²⁸ Иван Ильич Дмитриев-Мамонов (1680–1730) — сенатор, генерал-аншеф; морганатический супруг царевны Прасковьи Иоанновны.
- ²⁹ Алексей Иванович Шаховской (ок. 1690–1736) — генерал-аншеф, сенатор, правитель Малороссии в 1734–1736 годах; князь. В 1719 году осуществлял следствие над сибирским губернатором М. П. Гагариным.
- ³⁰ Михаил Иванович Волконский (ок. 1660–1717) — майор Семёновского полка, князь. Был отрешен за злоупотребления от розыскных дел, отдан под суд и расстрелян.
- ³¹ Богдан Григорьевич Скорняков-Писарев — брат Г. Г. Скорнякова-Писарева (в 1718 году обер-прокурора Сената), чем, собственно, и объясняется его выдвижение.

- ³² Иван Никифорович Плещеев (1676—1750) — герольдмейстер в Сенате. Руководил в январе 1728 года опечатыванием имущества и переписки А. Д. Меншикова.
- ³³ Василий Владимирович Долгоруков (1667—1746) — генерал-фельдмаршал, член Верховного тайного совета в 1727—1730 годах, президент Военной коллегии в 1730—1731 и 1741—1746 годах. В 1715 году был председателем военно-судной комиссии, назначенной царем для исследования злоупотреблений, совершенных при участии А. Д. Меншикова.
- ³⁴ Михаил Афанасьевич Матюшкин (1676—1737) — государственный и военный деятель, сподвижник Петра I, генерал-аншеф. В 1716 году был назначен ассессором в военно-судную комиссию, которая расследовала злоупотребления А. Д. Меншикова.
- ³⁵ Петр Михайлович Голицын (1682—1722) — командир лейб-гвардии Семеновского полка в 1709—1717 годах, князь.
- ³⁶ Михаил Яковлевич Волков — капитан Семеновского полка (1698), генерал-лейтенант (1726).
- ³⁷ Григорий Дмитриевич Юсупов (1676—1730) — генерал-аншеф, князь.
- ³⁸ Семен Андреевич Салтыков (1672—1742) — командир Преображенского полка в 1727—1728 годах, сенатор, обер-гофмейстер.
- ³⁹ Василий Никитович (Никитич) Зотов (1668—1729) — генеральный ревизор Сената в 1715—1719 годах, казанский губернатор в 1727—1728 годах; генерал-майор; сын первого учителя Петра I — Н. М. Зотова.
- ⁴⁰ Ландрихтер — главное должностное лицо в городе после реформы местного управления, проведенной в 1708—1715 годах; ландрихтеры пришли в 1715 году на смену обер-комендантам и комендантам, которые за пять лет до этого, в 1710 году, заменили воевод.
- ⁴¹ Иван Михайлович Лихарев (1676—1728) — майор Семеновского полка (1718); впоследствии генерал-лейтенант, архангельский губернатор.
- ⁴² Егор Иванович Пашков (ум. в 1740) — денщик Петра I, прокурор Военной коллегии (1722), губернатор Астрахани (1739).
- ⁴³ Иван Иванович Бахметев (Бахметьев; 1683—1760) — следователь (1723), судья Вышнего суда (1723—1725), обер-прокурор Сената (1740); генерал-лейтенант.
- ⁴⁴ Иван Дмитриевич Бухгольц (Бухольц, Бухалт, Букольц; 1671—1741) — генерал-майор (1740), основатель Омска, сподвижник Петра Великого. Расследование, начатое в связи со

сдачей джунгарам Ямышевской крепости на Иртышской линии, установило полную невинность И. Д. Бухгольца.

- ⁴⁵ Алексей Васильевич Макаров (1674 или 1675—1740) — кабинет-секретарь Петра I; ведал секретными бумагами.
- ⁴⁶ Алексей Яковлевич Нестеров (1651—1724) — обер-фискал, гроза взяточников и казнокрадов; позднее сам был обвинен в злоупотреблениях и казнен.
- ⁴⁷ Михаил Михайлович Голицын (Старший) (1675—1730) — соратник царя Петра I, полководец в Северной войне; генерал-фельдмаршал. По воцарении Петра II стал сенатором и членом Верховного тайного совета, президентом Военной коллегии.
- ⁴⁸ Иван Иванович Бутурлин (1661—1738) — российский генерал, сподвижник Петра I, участник Северной войны. В 1700—1710 годах находился в шведском плену.
- ⁴⁹ Авраам Григорьевич Шамордин (ум. после 1739) — асессор следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова в 1717—1723 годах. Был командирован в Сибирь для проведения следственных действий и проведения рекрутского набора. С 1737 года смоленский губернатор.
- ⁵⁰ Василий Петрович Поспелов (1699— после 1780) — любимый денщик императора Петра I, пользовался большим влиянием; шталмейстер при императрице Анне Иоанновне; барон.
- ⁵¹ Алексей Александрович Курбатов (1663—1721) — из крепостных графа Б. П. Шереметева, автор ряда проектов по вопросам финансов и администрирования. Выдвинулся, подав царю подметным письмом проект о введении гербовой бумаги. Был сделан дьяком Оружейной палаты, получив право докладывать царю о вновь открываемых источниках государственного дохода. В 1711 году был назначен вице-губернатором Архангельской губернии, где вступил в конфликт с креатурой А. Д. Меншикова — обер-комиссаром Д. А. Соловьевым. Был отстранен от должности и умер во время следствия. Судя по всему, вина его была невелика.
- ⁵² Дмитрий Алексеевич Соловьев (ум. после 1727) — обер-комиссар в Архангельской губернии с 1705 года. Был признан виновным в злоупотреблениях, суд постановил взыскать с него и его брата Осипа в пользу казны почти 700 000 рублей и конфисковать их имущество на сумму около 400 000 рублей. При Екатерине I братья Соловьевы получили прощение и в 1727 году даже были возведены в баронское достоинство.

- ⁵³ Иван Иванович Бибииков (ум. 1745) — офицер Преображенского полка с 1703 года; в 1722 году — прокурор Ревизион-коллегии; в 1723 году был назначен обер-прокурором Сената; правитель Малороссии в 1742—1745 годах.
- ⁵⁴ Александр Иванович Румянцев (1680—1749) — дипломат и военачальник, адъютант Петра I, граф, генерал-аншеф, астраханский и казанский губернатор в 1735—1736 годах, правитель Малороссии в 1738—1740 годах.
- ⁵⁵ Кирилл Алексеевич Нарышкин (ок. 1670—1723) — комнатный стольник Петра I в 1686 году, первый комендант Санкт-Петербурга (1710—1716), московский губернатор (1716—1719). В 1718 году участвовал в суде над царевичем Алексеем Петровичем и подписал смертный приговор. Дело против Нарышкина возникло в результате его трений с Сенатом, которые в итоге привели к его отставке.
- ⁵⁶ Степан Иванович Путятин (ум. 1717) — воевода томский (1693), вице-губернатор нижегородский (1714—1716).
- ⁵⁷ Александр Васильевич Кикин (1670—1718) — бомбардир потешного полка (1693), денщик Петра I во время Азовского похода (1695). Имел большое влияние на царевича Алексея, помог ему бежать за границу. В феврале 1718 года был арестован и колесован 17 марта по приговору суда.
- ⁵⁸ Яков Никитич Римский-Корсаков — комендант в Копорье, ландрихтер в Ингерманландии, вице-губернатор в Санкт-Петербурге; приближенный А. Д. Меншикова; за казнокрадство в 1715 году был публично бит кнутом и сослан вместе с братом Василием, бывшим комендантом в Белозерске. Расследование дела о его злоупотреблениях продолжалось до 1720 года.
- ⁵⁹ Степан Андреевич Колычев (ок. 1660—1735) — капитан Семёновского полка (1702), вице-губернатор воронежский и азовский в 1708—1717 годах. Дело, начатое против него, не имело последствий. В 1722 году Колычев был назначен главой Герольдмейстерской конторы, затем президентом Юстиц-коллегии. При Екатерине I был генерал-рекетмейстером при Сенате.
- ⁶⁰ Федор Матвеевич Апраксин (1661—1728) — один из создателей русского военного флота, сподвижник Петра I, граф (1708), генерал-адмирал (1708), первый президент Адмиралтейств-коллегии. Командовал русским флотом в Северной войне и Персидском походе (1722). Находился под следствием за злоупотребления в Морском ведомстве.

- ⁶¹ Никита Демидов (Никита Демидович Антуфьев; 1656—1725) — промышленник, основатель династии Демидовых. Поставщик оружия для войска во время Северной войны. С 1718 года — единственный поставщик железа, якорей и пушек для русского флота.
- ⁶² Александр Федорович Бредихин — стольник (1686), офицер Преображенского полка (1705), новгородский (1739) и смоленский (1743) губернатор.
- ⁶³ Петр Андреевич Толстой (1645—1729) — государственный деятель и дипломат, доверенное лицо Петра I, один из руководителей Тайной канцелярии, граф. Принимал деятельное участие в следствии и суде над царевичем Алексеем. При Екатерине I был лишен графского титула и сослан в Соловецкий монастырь, где и умер.
- ⁶⁴ Карл-Густав Иванович Иваницкий (Эваницкий) — в 1696 году под Азовом полковник 6-го Низового полка в отряде генерала Гордона Петра Ивановича; в 1700 году полковник регулярно солдатского полка; в бою под Нарвой в 1700 году был тяжело ранен и попал в шведский плен, из которого освобожден в 1709 году.
- ⁶⁵ Данила Иванович Титов (ум. после 1742) — стольник, полковник солдатского полка в 1708 году.
- ⁶⁶ Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (ум. после 1745) — генерал-майор, обер-прокурор Сената (1718), заведовал цифирными школами, директор Морской академии (1719), начальник Охотского порта (1731—1740).
- ⁶⁷ Иван Леонтьевич Клишин (ум. 1720) — подьячий (1703), старый подьячий (1715) Посольского приказа, участник Северной войны и Прутского похода. За участие в расследовании дела царевича Алексея пожалован в секретари. С февраля 1720 года глава Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел.
- ⁶⁸ Антон Мануилович Девиер (ок. 1682—1745) — первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга (1718—1727 и 1744—1745), генерал-аншеф (1744), граф (1726).
- ⁶⁹ Иван Афанасьевич Тормасов — дьяк, с 1716 года обер-секретарь Адмиралтейства, с 1727 года воевода в Вологде.
- ⁷⁰ Никита Алферович Кудрявцев (ум. 1728) — воевода и комендант в Казани (1697—1714), первый вице-губернатор Казанской губернии (1714—1727). В 1712 году был назначен ответственным за корабельные леса во всем Поволжье. Дело, заведенное на Кудрявцева, последствий не имело.

- ⁷¹ Мария Даниловна Гамильтон (Марья Гамонтова) (ум. 1719) — камер-фрейлина Екатерины I, любовница Петра I. Казнена в 1719 году за детоубийство, воровство и оскорбительные речи о царице.
- ⁷² Рентерея (*нем.*) — название казначейства с 1720 года и почти на протяжении всего XVIII века.
- ⁷³ Императрица Анна Иоанновна, вступившая на престол в 1730 году.
- ⁷⁴ Христофор Антонович Миних (Бурхард Кристоф фон Мюнних; 1683—1767) — сподвижник Петра I, генерал-фельдмаршал (1732), подполковник Преображенского лейб-гвардии полка (1739), граф (1728); инженер, строитель Ладожского канала. После переезда в 1727 году двора императора Петра II в Москву — «правитель» Санкт-Петербурга, в 1728—1734 годах — генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии. Сыграл решающую роль в свержении Бирона, регента при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче. С воцарением Елизаветы Петровны, в 1741 году, был предан суду и приговорен к смертной казни, которую заменили ссылкой в Сибирь, по обвинению в государственной измене, в мздоимстве и казнокрадстве. Восстановлен во всех правах в 1762 году.
- ⁷⁵ Григорий Данилович Есипов (ум. 1734) — генерал-поручик, обер-комендант Петропавловской крепости в 1732—1734 годах.
- ⁷⁶ Федор Васильевич Мешерский (1698—1756) — сенатор, генерал-поручик, обер-комендант Петропавловской крепости в 1747—1756 годах.
- ⁷⁷ Иван Федорович Набоков (1709—1753) — секретарь Тайной канцелярии; предок по прямой линии писателя В. В. Набокова.
- ⁷⁸ Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) — историк, публицист, философ, член Российской академии (1783). Автор «Истории Российской от древнейших времен», доведенной до 1610 года.
- ⁷⁹ Петр Михайлович Волконский (1776—1852) — генерал-фельдмаршал (1843), министр Императорского двора и уделов (1826—1852), светлейший князь.
- ⁸⁰ Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) — министр внутренних дел (1832—1838), председатель Государственного совета Российской империи (1862—1864) и Комитета министров (1861—1864), президент Санкт-Петербургской академии наук (1855—1864); литератор; граф.

- ⁸¹ Пьер Левек (1737—1812) — французский историк. Преподавал в Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге.
- ⁸² Август Людвиг Шлёцер (1735—1809) — российский и германский историк. В России с 1761 года. Почетный член Академии наук России (1769) и Общества истории и древностей российских (1804). В последние годы жизни профессора Гёттингенского университета.
- ⁸³ Василий Никитич Татишев (1686—1750) — историк, географ, экономист и государственный деятель; автор капитального труда «История Российская». В 1720—1722 и 1734—1737 годах управлял казенными заводами на Урале, основал Екатеринбург и Пермь; в 1741—1745 годах — астраханский губернатор.
- ⁸⁴ Константин Алексеевич Неволин (ок. 1808—1855) — юрист, историк, профессор Киевского (с 1835 года) и Петербургского (с 1843 года) университетов. Автор «Энциклопедии законовещения» в 2 томах, «Истории российских гражданских законов» в 3 томах и других трудов.
- ⁸⁵ Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — историк, профессор Московского университета (с 1848 года) ректор Московского университета в 1871—1877 годах, академик Санкт-Петербургской академии наук с 1872 года. Автор фундаментального труда «История России с древнейших времен».
- ⁸⁶ Михаил Иванович Семевский (1837—1892) — историк, журналист, общественный деятель, издатель крупнейшего русского исторического журнала «Русская старина».
- ⁸⁷ Александр Васильевич Арсеньев (1854—1896) — писатель, сотрудник исторических журналов.
- ⁸⁸ Григорий Васильевич Есипов (1812—1899) — историк, один из создателей Архива Министерства императорского двора. Труды Есипова по истории церковного раскола высоко ценили Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие.
- ⁸⁹ Основанием для открытия дела послужил конфликт между Г. Г. Скорняковым-Писаревым и вице-канцлером бароном П. П. Шафировым, который узнал, что брат Скорнякова-Писарева — Богдан прикрывает беззакония А. Д. Меншикова. Скорняков-Писарев вступился за брата, и дошло до того, что на одной из ассамблей, как писал он в своей жалобе, «Шафиров... на безгласно шумного (мертвецки пьяного. — *Ред.*) меня вынимал шпагу и хотел заколоть, но не допустили до того тут будущие».

- ⁹⁰ Ефим Васильевич Мещерский (ум. после 1718) — князь, стольник в 1682—1696 годах, участник Азовского похода (1696). Оказался замешан в деле о секте хлыстов, которое расследовалось вместе с делом царевича Алексея и его матери, первой жены Петра I — бывшей царицы Евдокии.
- ⁹¹ Иван Петрович Топильский (1672 — после 1734) — в 1713 году дьяк Военной канцелярии, в 1716 году ландрихтер Московской губернии, в 1723 году глава Раскольничьей конторы Синода; впоследствии секретарь Верховного тайного совета.
- ⁹² Тихон Гуляев — в 1741—1743 годах секретарь Канцелярии тайных розыскных дел.
- ⁹³ Чириков Михаил Ильич (ум. после 1728) — стольник (до 1705 года), астраханский обер-комендант в 1715—1718 годах. Правление Чирикова отмечено серьезными злоупотреблениями и взятками.
- ⁹⁴ Петр Павлович Шафиров (1669—1739) — дипломат, вице-канцлер, барон. В 1701—1722 годах фактически руководил российской почтой. В 1723 году по обвинению в злоупотреблениях приговорен к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Сибирь. После смерти Петра был возвращен в Санкт-Петербург, назначен президентом Коммерц-коллегии. С 1730 года в основном занимался дипломатической деятельностью.
- ⁹⁵ Князь Василий Лукич Долгоруков (ок. 1670—1739) — дипломат, посол в Польше, Дании, Франции, Швеции. Член Верховного тайного совета в 1727—1730 годах; за участие в «заговоре верховников» сослан в 1730 году на Соловки, а в 1739 году, после выяснения новых обстоятельств дела, обезглавлен.
- ⁹⁶ Войт — выборный глава магистрата в городах Беларуси, Литвы, Польши и Украины в XV—XVIII веках.
- ⁹⁷ Приказ инквизиторских дел — учреждение Св. Синода, существовавшее в 1721—1724 годах. Осуществлял надзор за начальствующими духовными лицами в части хозяйственной и внутренней судебной деятельности.
- ⁹⁸ Иван Лукич Воейков (1661—1725) — в 1719—1726 годах московский вице-губернатор.
- ⁹⁹ Павел Леонтьевич Полуботок (ок. 1660—1724) — наказной гетман (исполняющий обязанности гетмана) Левобережной Украины с 1722 года. Во время измены И. Мазепы — один из четырех полковников, оставшихся верными Петру I. Противодействовал созданной Петром I Малороссийской коллегии, выступая за восстановление гетманства и автономию Украины. Был вызван

- в Санкт-Петербург, посажен в Петропавловскую крепость, где и умер. Был богатейшим человеком; существует легенда о «кладе Полуботка», якобы переданном на хранение в Банк Ост-Индской компании.
- ¹⁰⁰ Иван Федорович Черныш (1715—1723) — генеральный судья, глава судебной власти Гетманщины, близкий соратник П. Полуботка.
- ¹⁰¹ Боровицкие пороги — двадцать шесть порогов, весьма опасных для судоходства, вблизи города Боровичи на реке Мсте, бывшей частью важного водного пути из Волги в Санкт-Петербург.
- ¹⁰² Анисим Яковлевич Шукин (ум. 1720) — обер-секретарь Сената в 1711—1720 годах. Ценился Петром I за честность и высокие деловые качества.
- ¹⁰³ Иван Михайлович Орлов — денщик Петра I. Был любовником Марии Гамильтон, до этого любовницы царя. В результате дворцовой интриги попал вместе с Гамильтон под следствие, но был признан невиновным и даже пожалован в поручики гвардии. Гамильтон была приговорена к смертной казни; по преданию, ее голова долго хранилась в Кунсткамере.
- ¹⁰⁴ Феодосий (в миру Федор Михайлович Яновский; 1673—1726) — строитель и первый архимандрит Александро-Невского монастыря, с 1721 года — архиепископ Новгородский и Великолуцкий, первый вице-президент Синода. Активно боролся против раскола, участвовал в заседаниях Тайной канцелярии. В 1725 году за резкие высказывания в адрес императрицы Екатерины I был арестован, лишен сана и сослан в Николо-Корельский монастырь Архангельской епархии, где умер, заточенный в подземной келье, под именем «чернеца Феодоса».
- ¹⁰⁵ Андрей Артамонович Матвеев (1666—1728) — сподвижник Петра I, граф, дипломат, президент Юстиц-коллегии в 1717—1722 годах, сенатор с 1719 года; один из первых русских мемуаристов, автор записок о дворе Людовика XIV.
- ¹⁰⁶ Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (1692—1755) — лейб-медик Петра I, первый президент Российской академии наук (тогда Академия наук и художеств) в 1725—1733 годах.
- ¹⁰⁷ Иван Кириллович Кириллов (1695—1737) — государственный деятель, с 1727 года обер-секретарь Сената; ученый-географ, автор первого статистико-географического описания России — «Цветущее состояние Всероссийского государства» (1731), первого русского «Атласа Всероссийской империи» (1734) и «Атласа Российского» (1745). Деятельно участвовал в организации 2-й Камчатской экспедиции во главе с В. Берингом.

- В 1734–1737 годах возглавил Оренбургскую экспедицию, организовав разведку полезных ископаемых и начав строительство двадцати крепостей и ряда заводов по рекам Оби и Яику.
- ¹⁰⁸ Павел Иванович Ягужинский (1683–1736) — государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I, обер-шталмейстер (1726), генерал-аншеф (1727), первый в русской истории генерал-прокурор (1722–1726, 1730–1735).
- ¹⁰⁹ Артемий Петрович Волынский (1689–1740) — государственный деятель и дипломат. Был женат на А. Л. Нарышкиной — двоюродной сестре Петра I. В 1719–1730 годах астраханский и казанский губернатор, с 1738 года кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны. В результате дворцовой интриги был арестован и по приговору суда казнен. Важную роль в следствии по делу Волынского играл А. И. Ушаков.
- ¹¹⁰ Григорий Терентьевич Ергольский (1663 — до 1746) — в феврале 1723 года кандидат на должность генерал-фискала, второй вице-президент Юстиц-коллегии с 1727 года.
- ¹¹¹ Смысл (*фр.*).
- ¹¹² Афанасий Грек (в миру Анастасий Пауссиус-Кондоиди; ум. 1737) — член Синода (1726–1727), епископ Суздальский (1735–1737) и Вологодский (1726–1735). Участвовал в исправлении славянского перевода Библии, предпринятого по указу Петра I.
- ¹¹³ Степан Лукич Вельяминов (1670–1737) — генерал-майор, президент Малороссийской коллегии (1722–1726) и Коммерц-коллегии (1734–1737).
- ¹¹⁴ 6 (17) мая 1727 года умерла Екатерина I, и на престол вступил Петр II, которому не исполнилось еще и двенадцати лет; по завещанию Екатерины I, до достижения им совершеннолетия полную власть в стране получил Верховный тайный совет.
- ¹¹⁵ Георгий (Дашков) (? — 1739) — архиепископ Ростовский и Ярославский (1718–1730), вице-президент Синода (1726–1731).
- ¹¹⁶ Матвей Федорович Воейков (1677 — ?) — обер-прокурор Сената и генерал-рекетмейстер.
- ¹¹⁷ Василий Васильевич Степанов (Стефанов) (1676–1739) — старый подьячий (с 1703), первым в России получил чин секретаря (1707). Сопровождал Петра I в заграничной поездке 1716–1717 годов. В 1717–1721 годах советник и тайный советник канцелярии в Коллегии иностранных дел; в 1727–1730 годах секретарь Верховного тайного совета.
- ¹¹⁸ Гаврила Иванович Головкин (1660–1734) — сподвижник Петра I, стольник (1681), глава Посольского приказа (1706),

- граф (1707), государственный канцлер (1710), президент Коллегии иностранных дел (1717), сенатор, член Верховного тайного совета (1726—1730), кабинет-министр (1731—1734).
- ¹¹⁹ Андрей Иванович Остерман (Генрих Иоганн Фридрих Остерман; 1687—1747) — сподвижник Петра I, граф, фактический руководитель внешней политикой России в 1720—1730-е годы. Член Верховного тайного совета (1726—1730), вице-канцлер, первый кабинет-министр (1725—1741), генерал-адмирал (1740). После дворцового переворота в 1741 году был приговорен к казни, замененной вечной ссылкой в Березов, где и умер.
- ¹²⁰ Дмитрий Михайлович Голицын (1665—1737) — сподвижник Петра I, князь, член Верховного тайного совета (1726—1730). Был идейным вдохновителем первой попытки установления в России конституционной монархии; составитель Кондиций, призванных ограничить самодержавную власть императрицы Анны Иоанновны. В 1736 году был арестован по обвинению в подготовке заговора и умер в заточении.
- ¹²¹ Анисим Семенович Маслов (1685—1735) — дьяк Военной канцелярии (1714), обер-секретарь Ревизион-коллегии (1720), обер-секретарь Сената (с 1723), обер-прокурор Сената (с 1730).
- ¹²² Алексей Григорьевич Долгоруков (? — 1734) — сенатор (1726), гофмейстер (1726), член Верховного тайного совета (1727—1730).
- ¹²³ Герман Иоганн (Герман Иванович) де Бон (1672—1744) — генерал-майор (1712), генерал-лейтенант (1718), первый кавалер ордена Александра Невского.
- ¹²⁴ Иван Алексеевич Мусин-Пушкин (ок. 1648—1730) — окольничий (1684), смоленский воевода, боярин, судья Монастырского приказа (1701—1717), начальник Печатного двора (1710), сенатор (1711), граф (1716), тайный советник, президент Штатс-контор-коллегии.

Предисловие	5
Глава первая. К истории «слова и дела» до учреждения Тайной канцелярии	7
Глава вторая. Очерк истории майорских розыскных канцелярий Петровского времени	26
Глава третья. Происхождение Тайной канцелярии	61
Глава четвертая. Обзор материалов, относящихся к истории Тайной канцелярии	70
Глава пятая. Император и Тайная канцелярия	84
Глава шестая. Министры Тайной канцелярии	100
Глава седьмая. Роль Тайной канцелярии как учреждения	119
Глава восьмая. Внутренний строй Тайной канцелярии	146
Глава девятая. Последнее время существования Тайной канцелярии и ее упразднение	165
Глава десятая. Переходное время и возрождение Тайной канцелярии	181
Заключение	200
<i>Примечания</i>	<i>204</i>

- Веретенников В.
- В31 История Тайной канцелярии Петровского времени / Василий Веретенников. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 224 с. — (История. География. Этнография).
- ISBN 978-5-91678-142-7

Книга Василия Веретенникова, впервые вышедшая в 1910 году, — основополагающее исследование по истории Тайной канцелярии Петра I. Автор с привлечением богатейшего архивного материала рассказывает о том, что предшествовало Тайной канцелярии и как она возникла, чем она занималась и каково было ее внутреннее устройство, кто ею руководил, как принимались решения, откуда появлялись рядовые исполнители, какое участие во всем этом принимал царь и почему упраздненная, по сути, еще при жизни Петра Тайная канцелярия тем не менее вскоре возродилась и сыграла важнейшую роль в становлении государственного строя Российской империи. Эта книга проливает свет не только на деятельность конкретного учреждения, которое занималось сыском, и прежде всего сыском политическим, — она позволяет глубже понять многие события русской истории не только восемнадцатого, но и последующих веков.

Василий Иванович Веретенников (1880—1942) — архивист, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории России XVIII века.

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Василий Веретенников

История Тайной канцелярии Петровского времени

Редактор В. Гельман
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 24.07.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 1000 экз. Заказ 4016.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(496)726-54-10

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА

- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 Отечественная война 1812 года глазами современников
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 41 Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. Скифы
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
- 54 Печенеги
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
Карл Филипп, или Шведская интрига Смутного времени
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ

- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I
и тайна ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 Московия при ИВАНЕ ГРОЗНОМ глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I и КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ
и РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОНОСЦЫ.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Василий
Веретенников**

История
Тайной
канцелярии
Петровского
времени

Книга Василия Веретенникова, впервые вышедшая в 1910 году, — основополагающее исследование по истории Тайной канцелярии Петра I.

Автор с привлечением богатейшего архивного материала рассказывает о том, что предшествовало Тайной канцелярии и как она возникла, чем она занималась и каково было ее внутреннее устройство, кто ею руководил, как принимались решения, откуда появлялись рядовые исполнители, какое участие во всем этом принимал царь и почему упраздненная, по сути, еще при жизни Петра Тайная канцелярия тем не менее вскоре возродилась и сыграла важнейшую роль в становлении государственного строя Российской империи. Эта книга проливает свет не только на деятельность конкретного учреждения, которое занималось сыском, и прежде всего сыском политическим, — она позволяет глубже понять многие события русской истории не только восемнадцатого, но и последующих веков.

Василий Иванович Веретенников (1880–1942) — архивист, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории России XVIII века.

ISBN 978-5-91678-142-7

